ЖЕНЩИНЫ В РАЗВЕДКЕ

ЕЛИЗАВЕТА ПАРШИНА

ДИНАМИТ ДЛЯ СЕНЬОРИТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Елизавета Александровна Паршина родилась в 1913-м году, окончила Военную академию им. Фрунзе и Московский Институт Иностранных Языков. В 1936 была направлена ГРУ РККА в Испанию, где воевала в отряде Артура Спрогиса. Далее работала в главных разведывательных и контрразведывательных управлениях КГБ СССР под руководством генералов Эйтингона, Судоплатова, Белкина. После войны была на нелегальной службе за границей.

Книга «Динамит для синьориты» представляет собой мемуары легендарной разведчицы» на «Книга «Динамит для синьориты» — автобиографическая повесть легендарной разведчицы

- Елизавета Паршина
  - ○
  - ○ Пароль для нулевого меридиана
  - ○ Динамит для сеньориты
    - ■ Из предисловия К. М. Симонова
    - ■ Из письма Х. Д. Мамсурова
    - ■ Из предисловия А. К. Спрогиса
    - ■ Глава 1. «В испанию поедете?»
    - ■ Глава 2. На Центральном фронте
    - ■ Глава 3. Катастрофа
    - ■ Глава 4. Что такое «активная разведка»
    - ■ Глава 5. В гостях у «тигров»
    - ■ Глава 6. «Пятая колонна»
    - ■ Глава 7. Последняя операция
  - ○ Московский след Роберта Джордана
    - ■
    - ■
    - ■ Глава 1. Версия № 4
    - ■ Глава 2. Вы пробовали взорвать мост?
    - ■ Глава 3. «Скажите, по ком звонит колокол?»
    - ■ Глава 4. Как это было
    - ■ Глава 5. Откуда взялся Орловский
    - ■ Глава 6. По ним звонит колокол

Елизавета Паршина
Динамит для сеньориты

© Паршина Е. А., 2014
© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Пароль для нулевого меридиана

Первым на рассвете 1 декабря 1936 года был разбужен начальник станции радиоперехвата в Севилье. Затем начальники служб радиоразведки в Берлине и Риме. Каждому на стол легла удивительная радиограмма, она была не зашифрована и на чистом русском языке сообщала: «*МОСКВА КРЕМЛЬ СТАЛИНУ ВОРОШИЛОВУ ИСПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ ПОГИБАЕМ ПРОЩАЙ РОДИНА ПРОЩАЙ МАМА*». Исходила радиограмма из района нулевого меридиана центральной части Средиземного моря. Потом руководители разведок вызывали к себе заведующих региональными отделами, и всюду происходил одинаковый разговор:

— Прошляпили?!

Да, за большим тихоходным испанским пароходом «Мар Кариб», приписанным к порту Барселона, следило много глаз. Следили без особого напряжения: куда денется эта тяжелая черепаха! И не уследили. Корабль как в воду канул.

А за две недели до этого загадочного события в тысячах километров от того места происходило нечто еще более странное. Когда растаяли холодные ноябрьские сумерки, еще заспанные жители Севастополя, удивленно протирая глаза, смотрели на стоящий у причала обшарпанный грузовой пароход «Измир» с турецким флагом на мачте. Удивляться было чему. Они прекрасно помнили, как год назад отбывала в Турцию советская делегация. Отбывала на белоснежном сверкающем лайнере «Измир», не чета этому грузовику. Два портальных крана энергично спускали в трюмы самозванца стокилограммовые бомбы, стянутые в блоки по восемь штук. Рядом, ожидая погрузки, стояло несколько танков «БТ», слегка прикрытых короткими кусками брезента. Севастопольцы удивились бы еще больше, если бы узнали, что ни один человек на этом «Измире» ни слова не говорит по-турецки и что после отбытия из Севастополя его больше никто никогда не увидит.

Эти полувековой давности события так навсегда и остались бы загадкой, если б не столь же удивительная находка: пять крохотных, плохо сохранившихся листочков из записной книжки. Текст написан очень мелким почерком химическим карандашом, за много лет потерявшим способность проявляться от воды. Листочки оказались дневником известного советского разведчика Артура Спрогиса, который позже стал мужем моей матери, и в нашей семье, таким образом, сохранились некоторые его

документы военного времени. Удивительной находку дневника я назвал не потому, что он сохранился. Удивителен сам факт того, что разведчик вел дневник, тем более такой опытный и осторожный, как Спрогис.

Артур Карлович Спрогис (1904–1980) уже в 14 лет был разведчиком партизанского отряда «Дикли», в 15 лет — красноармеец, разведчик 7-го Латышского полка, в 16 — сотрудник оперативного отдела ВЧК в Москве. В начале 20-х годов он на Кремлевских пулеметных курсах, когда довелось ему стоять на посту у дверей кабинета Ленина, затем фронты гражданской войны, служба в пограничных войсках, участие в операции по аресту Бориса Савинкова, далее — Высшая пограничная школа ОГПУ. С 1930 года Спрогис — уполномоченный Специального бюро Особого отдела ГПУ Белоруссии и начальник Специальной разведывательно-диверсионной школы в Минске. С декабря 1936 по октябрь 1937 — Испания, потом учеба в Академии им. Фрунзе. В войну 1941–1945 он начальник штаба партизанского движения Латвии, затем заведующий Военным отделом ЦК Компартии Латвии. В послевоенные годы Артур Карлович был наиболее близким другом нашей семьи и многому меня научил. Это был обаятельный, среднего роста, полный, энергичный, но с ленцой мужчина. Говорил покровительственно, но по-дружески, с легкой хитрецой. Очень смел и рационально, иногда до жестокости расчетлив. Вся его философия укладывалась в примитивную формулу: прав тот, кто сильнее. Причем это был не цинизм, а какая-то детская наивность. За несколько дней до смерти, когда мы разговаривали в больничной палате, я неодобрительно высказался о внешней политике СССР. Он молча показал мне глазами на стены и потолок палаты. Тогда я подумал: до чего даже сильных людей калечит система, если они и перед смертью боятся сказать правду. Тогда мне и в голову не пришло, что он боялся за меня. И боялся не зря. Рукопись текста, который вы сейчас читаете, и все документы к нему были изъяты у меня при обыске «как порнографические» (так записано в протоколе) и в 1986 году уничтожены в КГБ «как политически вредные» (так написано в письме Прокуратуры города Москвы 1992 года).

Дестабилизированная экономическим кризисом Европа пошла вправо, и обеспокоенный этим Советский Союз сделал все возможное для торможения этого процесса. В Испанию были посланы тысячи военных специалистов, а из Севастополя в обмен на золото один за другим отходили корабли с оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Но доходили не все. Объявленное западными правительствами невмешательство обернулось для Испании фактической блокадой,

поскольку фашистский флот действовал активно, а морские пути были под наблюдением разведок противника. Еще не сошла со страниц газет судьба советского парохода «Комсомол», в упор расстрелянного у испанских берегов, а из Севастополя отходил уже следующий корабль с названием «Измир», с турецким флагом на мачте и странными людьми на борту.

На этот раз предосторожности были усилены. Название, государственный флаг и внешний вид парохода предстояло несколько раз изменить. Кроме того, корабль был заминирован, и в случае захвата фашистами Спрогис должен был взорвать его вместе с командой и пассажирами.

А. Спрогис: «*Пароход был подготовлен к взрыву на случай, если попадемся. Мы везли танки, бомбы, снаряды, сколько-то тонн пороху. Ехали через Черное, Средиземное море, и было очень опасно, потому что пароходы перехватывали. «Комсомол» наш перехватили. Я сделал проводку. Сделал электрическую, сделал шнуром (бикфордовым. — Л. П.), для того чтобы в случае чего…*». (Звукозапись автора, 1976 год. Звукозаписи делались, когда у нас дома собирались старые боевые друзья и вспоминали минувшие дни. — *Л. П.)*

Причастность СССР нельзя было установить даже по трупам:

Л. Хургес, радист корабля, рассказал, что им приказали… «*Ликвидировать в своем туалете все признаки советского происхождения. (…) Вооружившись лезвиями от безопасных бритв, принялись за работу. Через несколько минут на воротах наших пиджаков, пальто и сорочек оказались зияющие дыры от споротых фабричных марок «Москвошвей». Мы лишились всех брючных пуговиц, стелек обуви, задней части галстуков, шляпных подкладок и, что самое скверное, брючных ремней, подтяжек и подвязок для носков (в те времена носков с резинками еще не было). Все эти предметы были у нас изъяты как явно разоблачающие „агрессию СССР“».*

Затем пассажирам — тринадцати советским военным советникам, летчикам и танкистам — было выдано личное оружие зарубежного производства и фальшивые паспорта.

«*Как значилось в моем документе,* — продолжает Л. Хургес, — *я „получил“ его в Польше в г. Кракове, о чем свидетельствовала личная подпись краковского воеводы и его печать. Из штампов следовало, что я „проживал“ в Познани, Варне, Лодзи, Варшаве, Дрездене, Варне и Галаце, откуда завербовался в Мексику, и на этом пароходе следую в Вера-Крус. К паспорту прилагалась легенда, которую я должен был выучить и уничтожить. Согласно легенде, мы с отцом были репрессированы советскими властями. Отец умер в заключении, а мне удалось бежать и через Финляндию*

попасть в Польшу, где я и получил этот документ. Правда, слабым местом в легенде было то, что, пробыв столько времени в Польше и Германии, я не знал ни одного слова (кроме ругательств) ни по-польски, ни по-немецки и не имел никакого понятия о городах, где столько времени „жил“. Другие наши товарищи получили такие же документы, только „выданные“ в Болгарии, Румынии и Венгрии». (Из неопубликованных мемуаров Л. Хургеса. Тоже изъяты у меня при обыске и уничтожены в КГБ. — *Л. П.)*

Лев Лазаревич Хургес был замечательным, веселым и очень общительным человеком, роста невысокого, худощав и очень подвижен. До недавнего времени жил и работал в Грозном, иногда наезжал к нам в Москву. Болтал без умолку, но память великолепная, и знал много интересного благодаря неудержимому любопытству, за которое, естественно, поплатился лагерями. Скончался 18 марта 1988 года. Вот типичный фрагмент нашего разговора:

— Государственный флаг на пароходе меняли?

— У-у-у-у, флаг мы сто раз меняли!

— Сколько?!

— Три.

Всем участникам рейса было категорически запрещено вести любые личные записи, не говоря уже о дневниках. Операции помощи республиканским силам Испании осуществлялись Главным разведывательным управлением Красной Армии.

Покинув Севастополь, однотрубный турецкий «Измир» скрылся в темноте, а утром солнце встретило на черноморских волнах двухтрубный мексиканский «МарТабан», следующий из румынского порта Галац в Мексиканский Вера-Крус.

«Севастопольские умельцы-портовики, — пишет Л. Хургес, — *знали свое дело, трубу сделали на загляденье и подкоптили лучше, чем настоящую. Внутри трубы сделали специальную топку, в которой жгли просмоленную паклю, так что дым из трубы был, как настоящий. Правда, кочегара этой трубы после «дымовой» вахты приходилось по полчаса отмывать в судовой бане».*

Из дневника А. Спрогиса: «*21 ноября. Идем курсом на Турцию, Босфор. Море сильно качает, у большинства ребят тошнота. Я чувствую себя сносно. Капитан и вся команда — испанцы и ни слова по-русски. Объясняемся через переводчика.*

22 *ноября. В 7 часов утра, когда встал, впереди в тумане виднеются берега Турции. Вошли в Босфор для медицинского контроля (кораблю пришлось придать его подлинное испанское обличие. — Л. П.) и в десятом часу встали на рейде у Константинополя. Видна прибрежная часть города, дворец Султана. Из-за оформления простояли до вечера. В темноте*

снялись с якоря и пошли Мраморным морем.

23 *ноября. Утром проходили Дарданеллы. У выхода из Дарданелл замедлили ход, чтобы высадить провожающего нас турецкого лоцмана. Ширина Дарданелл около 3 км. По обе стороны на берегах видны земляные укрепления, из-за которых торчат стволы старых пушек. Не внушают солидности. Целый день идем Эгейским морем. Все время справа и слева попадаются острова».*

Босфор, Константинополь, турецкий лоцман, Дарданеллы… Можно было не сомневаться, что разведка противника уже засекла судно и теперь с него глаз не спустят. С другой стороны, узкие проливы-ловушки уже пройдены, а в Средиземном море есть где поиграть в прятки. Когда спустился туман, вновь закипела работа: кое-что разобрали, кое-что пристроили, кое-что перекрасили, снова установили фальшивую трубу, и опять поплыл по волнам мексиканский «Мар-Табан».

Из дневника А. Спрогиса: «*24 ноября. Целый день идем все тем же морем. Погода туманная. Происходит „маскарад“ парохода. Чувствуется, что команда в напряженном состоянии. Наблюдаю за ребятами. Все держат себя крепко, но за некоторыми все-таки замечается нервность. (…) Два человека обращались с вопросом, действительно ли я взорву пароход, если попадемся. Успокоил, что не сразу.*

25 ноября. Вчера вечером попрощались с берегом Греции. Вышли в Средиземное море и сегодня целый день идем по нему. Сильно качает. Погода хорошая и, несмотря на сильный ветер, на солнце жарко. Чувствуется близость Африки. Вчера получил сообщение, что правительственный крейсер поврежден. Команда парохода нервничает. Надо быть начеку».

Действительно, торпедирование испанского республиканского крейсера 1 класса «Мигель Сервантес» значительно снижало силы ожидающего транспорт конвоя. На следующий день предстояло пройти самую узкую часть Средиземного моря, где легко себя обнаружить и где их наверняка поджидали фашисты. Поэтому решили уйти подальше от морских путей и обойти Мальту с юга.

Из дневника А. Спрогиса: «*26 ноября. Утром вправо Мальта, влево Африка. Идем далеко от берега. Ничего не видно. Опасная зона. У всех нервное, напряженное состояние. Видно, некоторые ребята сильно волнуются. Не понимаю, почему-то у меня никаких переживаний. Ночью проходим самое узкое место Средиземного моря между Африкой и итальянской Сицилией. На горизонте увидели огни трех кораблей, приняли за неприятельскую эскадру. Вот когда выяснилось, кто больше всего боится. Корабли оказались рыбацкими суднами. Наблюдаю за ребятами. Хотя первое*

напряжение прошло, все равно ждут опять, не появятся ли новые. Все знают: если встретится неприятель, обязательно потопит. Но стоит ли волноваться? От этого не легче. Лег спать».

Можно представить, как в разведцентры противника полетели сообщения: «В контрольный срок судно между Мальтой и Сицилией не прошло». Прежде чем начать поиски, фашисты, видимо, решили подождать еще сутки.

Из дневника А. Спрогиса: «*27 ноября. (…) Ребята спят. Получили ночью радиограмму, что нас встретит дружественный флот. Это, видно, всех немножко успокоило. Скучно. Никто не хочет играть ни в шахматы, ни в карты. Сыграют партию и бросают, жалуясь на утомленное состояние, головную боль, а сами целый день ничего не делают. Читать нечего, все прочитал. Что делать? Волноваться, как большинство, не могу. Пробую изучать испанский язык. Тяжелый. Идем все время вдоль берега. Оказывается, это французская колония Тунис».*

Когда фашисты так и не дождались судна, на береговых аэродромах завыли сирены.

Из дневника А. Спрогиса: «*28 ноября. Все те же африканские берега. Ничего интересного. К вечеру пролетели два гидросамолета, через чес показались на горизонте 4 парохода. У всех очень напряженное состояние, боимся встретиться с неприятелем. Каждый знает, что достаточно одного снаряда или бомбы с самолета, чтобы взлететь всем пароходом в воздух. В виде шутки появилось сравнение, что „сидим на пороховой бочке с горящей сигарой во рту“. По радио наш переводчик перехватил из Франции сообщение, что бомбардировали порт Картахену, все корабли потоплены, порт разрушен и т. п. Приказал эти сведения не распространять. Надо во что бы то ни стало сохранить моральное состояние команды. Особенно волнуются машинисты. Наша группа, за исключением некоторых, держит себя хорошо. Завтра должны пройти мимо Алжира…».*

Из мемуаров Л. Хургеса: «*Надо сказать, что душевные переживания не очень сильно повлияли на наш аппетит, и к концу пути мы подъели все начисто и в Картахену привезли лишь одного для шутки или по ошибке погруженного козла Ваську. Его, несмотря на все покушения кока, команда отстояла, хотя даже капитан велел отправить его за борт. Вообще, этот Васька сыграл немалую роль в поддержании общего морального духа. Обладая весьма живым и общительным характером, козел легко перегрызал веревку, которой был привязан, перелезал через загородку и шнырял по пароходу, появляясь внезапно в самых неожиданных местах. Где только не прятали козла от капитана и кока: и в кочегарке, и в бане, и в штурманской рубке, и даже однажды, когда опасность*

была особенно велика, в святая святых парохода — моей радиорубке».

Из дневника А. Спрогиса: «*29 ноября. Все идем вдоль берегов Африки. Проходим мимо Алжира. В бинокль хорошо видны дома, пристань. Красивый город. Расположен на склоне большой горы или, вернее, горного хребта. Сильный встречный ветер и качка.*

30 ноября. Утром на горизонте показались четыре эсминца. Напряженное состояние у всех. Весь вопрос — чьи они? Через полтора часа, когда подошли ближе, оказались английские военные корабли. Ушли мимо. Идем вдоль берега тихим ходом. Проходим мыс Тенес. Спешить некуда. Точно с наступлением темноты должны подойти к мысу Иви, чтобы на 90° изменить курс и за ночь проскочить самую опасную зону, т. е. пересечь в этом месте за ночь море (Средиземное. — Л. П.) и с наступлением рассвета прибыть в порт Картахена. В открытом море нас должен встретить дружественный флот. Пойдем без огней, сигналы установлены».

Встреча была назначена в середине Средиземного моря, когда судно будет пересекать нулевой меридиан. Были установлены пароль, отзыв и сигналы. К берегам Испании они должны были подойти уже под охраной республиканского конвоя. Но их ждали и фашисты. Их искали.

Из мемуаров Л. Хургеса: «*Именно на этом участке, который никак нельзя обойти, нас должен был встречать франкистский флот, а персонально — его флагман, линейный крейсер немецкой постройки новейшейсистемы, обладающий большой скоростью, дальнобойностью и калибром артиллерии, знаменитый „Канариас“ — гроза всего флота Республики. Встреча с „Канариасом“, даже под охраной конвоя, ни у кого, конечно, радости вызвать не могла, ибо, пользуясь преимуществом хода и дальнобойности, „Канариас“ может обстреливать нас, сам оставаясь неуязвимым, а много ли надо нашей «пороховой бочке с зажженным фитилем?».*

Из дневника А. Спрогиса: «*1 декабря. От мыса Иви взяли курс прямо на Картахену. Шли без огней полным ходом, сколько может дать машина. Напряжение у всех в высшей степени напряженное.* (Спрогис, видно, и сам волновался: вместо «состояние» написал «напряжение». *— Л. П.) Шли всю ночь. Наши военные корабли в условном месте нас не встретили. К утру, когда уже подходили к берегам Испании, вдруг в темноте появились два военных корабля. Приказали остановиться…».*

Из мемуаров Л. Хургеса: «*Москва все твердит: «Флот вышел вас встречать. Не беспокойтесь. Смело идите вперед». Но уже прошли треть пути до Картахены, где нас должны были встречать — флота нет. Прошли половину пути — флота нет.*

Прошли две трети пути — море безлюдно. Нервы у всех напряжены до предела, только Артур Спрогис в своем коверкотовом реглане хранит привычное (но, конечно, напускное) спокойствие. Начинает понемножку светлеть, а мы одни и совершенно беззащитны с нашим адским грузом. Москва все успокаивает: „Флот вышел вас встречать. Флот вас ищет“. Какой черт „ищет“! Уже вырисовываются испанские берега. Капитан дает команду остановить машины: время военное, впереди минные поля, без лоцмана не пройти. А Москва засыпает нас утешительными радиограммами, Ваня еле успевает их расшифровывать, а Спрогис вскользь просмотрит и небрежно сунет в карман. Выхожу на палубу с очередной радиограммой и с удивлением обнаруживаю, что мы уже не одни. Когда и откуда появились эти военные корабли, я за работой даже не заметил. Один эсминец стоит почти вплотную у нашего правого борта, а второй несколько сзади, загораживая нам выход в море. Эсминцы номерные, без флагов и опознавательных знаков. Навели на нас 105-мм орудия и торпедные аппараты…».

А. Спрогис (звукозапись 1976 года): «*Мы остановились. У нас был пропуск и пароль — все, что полагается. Мы говорим это самое, условное, а капитан миноносца не обращает внимания и никакого отзыва на пароль не дает. Мы поняли, что нас захватили фашисты. Миноносец в 50–70 метрах остановился, через рупор переговариваемся. Я подумал, что нет смысла с десятком их солдат взрываться. Лучше целиком. С нашим грузом на десять миноносцев хватит. Пока они опустят шлюпку, время еще есть. Я говорю капитану (у меня переводчик из итальянского ЦК комсомола был): „Все равно взрываться надо, давай ему в бок!“. Капитан дает: „Полный вперед! На миноносец!“. А пароход большой, груженый, начинает двигаться тихо, ползти на фашистов. Переводчик уже с мостика спустился, круг схватил, шифровальщик шифр уничтожил, а Лева* (Хургес. — *Л. П.) открытым текстом в Москву: „Исполнили свой долг. Погибаем. Прощай родина, прощай мама“ (общий смех). Особенно мне „прощай мама“ запомнилось».*

Из мемуаров Л. Хургеса: «*Тут только надо было в оба следить за командой (она состояла из анархистов и на всякий случай под предлогом взрывоопасности груза была разоружена. — Л. П.), ибо в любое время можно было ожидать бунта (их было раза в два больше, чем нас) с целью захвата парохода и сдачи его фашистам в обмен на свои жизни. Все мы привели в боевое состояние свои пистолеты, Артур достал гранаты, и мы сгрудились около радиорубки. Поняв, что толковать с нами о сдаче парохода врагу бесполезно, команда разбрелась кто куда, но их взгляды не*

выражали особой симпатии. Москва все время беспокоятся, зовет непрерывно, но я ни понять их, ни передать ничего не могу — нет кодов».

А. Спрогис (звукозапись 1976 года): «*Вдруг капитан миноносца как начнет ругаться: „Ты! Фашист вонючий! Куда лезешь?!“. Это он, значит, нас фашистами называет. Оказалось, это судно береговой охраны республиканцев. Пароль знали только крейсеры, с которыми мы в пути разминулись, а охрана о нас вообще понятия не имела, чтоб не распространять. Вот тут… я не понимаю… Лева убежден, что нас два миноносца захватили. Ну хоть убей меня — я знаю, что один. Я говорил с ним совершенно серьезно, без всякой трепотни. Но он настолько убежден! Даже мысли не допускает. Но вот хоть убей меня, под присягу, под расстрел — один был. Один».* (Напомню, что в дневнике Спрогиса записано: «Вдруг в темноте появились два военных корабля». — *Л. П.)*

Из мемуаров Л. Хургеса: *В свое окончательное спасение мы поверили только тогда, когда на подходе к Картахене перед нами услужливо открылись боны порта, а на мачтах наших „конвоиров“ взвились красно-желто-фиолетовые флаги Республики. Радостными криками „виват!“, „салют!“, „ура!“ реагировали мы и команда парохода на появление Картахены. Невозможно представить себе радость людей, спасшихся от, казалось, неизбежной смерти. Все обнимают друг друга, у многих на глазах слезы. Тут уж не выдержали даже мои „железные нервы“. Не в силах сдержать себя и стыдясь своих слез, я побежал в свою рубку и там, лежа ничком на койке, меня несколько минут сотрясали почти истерические рыдания, но дверь я успел запереть, и никто не видел мою минутную слабость. И вот перед нами широко открыты боны картахенского порта, и мы „как герои“ следуем мимо кораблей военного флота, так и не вышедшего, несмотря на все заверения Москвы, нас встречать и в случае нужды защитить, но теперь не жалевшего ни меди оркестров, ни холостых залпов артиллерии на торжественную встречу „героев“».*

Когда теперь эти люди собирались у нас дома, вы бы на них посмотрели! Крик, шум стоит, друг друга перебивают, за рукава дергают, а хохоту сколько!

Из разговора за столом (звукозапись 1977 года):

Паршина: «*Получили твою радиограмму, которую ты с парохода тогда, нет?».*

Хургес: «*Получили…»* (общий смех).

Паршина: «*А маме не успели передать?».*

Хургес: «*Не маме. Сталину и Ворошилову».*

Паршина: «*Нет, ты в конце „прощай мама“ прибавил!».*

Хургес: «*Не-е-е-е-т, это брехня… Кто это сказал?!*».

Паршина: «*Да Артур сказал!*».

Хургес: «*Не-ет, не-е-ет. Пусть он не брешет! Никакой „мамы“ не было!..*» (шум, смех).

Из дневника А. Спрогиса: «1 декабря (продолжение). Утром зашли в порт Картахена. Началась выгрузка. Вечером уехал на машине в Валенсию».

Москва, 1985

Динамит для сеньориты

Из предисловия К. М. Симонова

В тридцать шестом году, когда происходило все то, о чем вы сейчас прочтете, не было этого дома, в одной квартире которого мы сидим сейчас втроем с Елизаветой Паршиной и Артуром Спрогисом.

Не было ни этого проспекта, ни всего этого района, застроенного новыми и новейшими домами. Другой была Москва. И мы все тоже были другими. Елизавета Паршина была совсем девчонкой, студенткой института иностранных языков; я учился на третьем курсе Литературного института. Артуру Спрогису, хотя и старшему из нас, тогда тоже было всего-навсего тридцать, а не под шестьдесят, как теперь.

Я, как и многие сверстники тогда, в тридцать шестом, мечтал поехать в Испанию. Но мне это тогда не удалось. Война пришла в мою жизнь на три года позже и совсем в другом уголке земли — в Монгольской пустыне. А у этих двоих, сидящих сейчас передо мною товарищей — у них вышло: они поехали в Испанию.

Артур, латыш по национальности, вступил в интербригаду и командовал отрядом, действовавшим в тылу фашистов, а Елизавета Александровна стала переводчицей этого отряда и не только основательно пополнила свои знания испанского языка, но и научилась владеть оружием.

А впрочем, она гораздо лучше меня расскажет обо всем этом сама в той документальной повести, которую вы прочтете.

Мне, пожалуй, надо добавить только то, о чем она не пишет. Она вернулась из Испании, награжденная двумя боевыми орденами — такими, которых не получишь просто за хорошее и даже отличное звание языка. И еще хочу сказать несколько слов о том, как родилась эта рукопись. Может быть, читателям это будет интересно.

Несколько лет назад я получил письмо. Моя корреспондентка писала о книге «Живые и мертвые» и о персонаже этой книги — летчике Козыреве. Она в чем-то соглашалась со мной, в чем-то спорила, а главное, вспоминала некоторых людей, бывших в Испании, — живых и мертвых. Она вспоминала о них в своем письме с той живостью воображения, с той цепкой памятью на подробности, которая убеждала: она может писать, хотя, кажется, сама не подозревает о такой способности.

Прочтя это письмо и ответив на него по существу, я в конце посоветовал Елизавете Паршиной непременно написать записки о том, что она видела и пережала в Испании.

Она не сразу взялась за работу, колебалась, не решалась. А

потом все-таки напасала вот эти записки, часть которых вы сейчас прочтете. Не знаю, понравятся ли они вам, но я читал с волнением.

Из письма Х. Д. Мамсурова

Лиза, извини, что задержал рукопись. Каких-либо серьезных замечаний к ней нет. Написано, как было, хорошо и от души. Конечно, можно было бы многое добавить. Но ведь это область необъятная, поэтому я не стал делать замечаний и заметок. Хорошо так, как есть, а то ведь можно и испортить, даже руководствуясь благими намерениями. Крепко жму руку отважной Лизе (Хосефе), к которой отношусь всегда с большим боевым и товарищеским уважением.

Хаджи

Из предисловия А. К. Спрогиса

О войне в Испании написано немало. И все же автор предлагаемых воспоминаний, не пытаясь делать обобщений или анализировать стратегические операции или общий ход событий, рассказывает много интересного. В те далекие годы Елизавета Александровна Паршина была молоденькой девушкой, и впечатления складывались у нее соответственно ее возрасту и сравнительно небольшому жизненному опыту. Елизавета Александровна постоянно находилась при разведывательно-диверсионном отряде, состоявшем из андалузских шахтеров. Все это запечатлено в книге, большая часть ее — дневник, который Паршина вела в Испании. Автор рассказывает только о том, что видела сама. Е. А. Паршина не только наблюдала, что происходит вокруг нее. Она принимала личное участие во всех серьезных операциях отряда в тылу фашистов. В 1937 году на фронте под Малагой и Гранадой, в боях за Андалузию, а также под Толедо отряд уже имел на своем счету семнадцать уничтоженных воинских эшелонов противника. Там фашисты перебрасывали по железной дороге с юга на Мадрид войска и снаряжение, прибывающие из фашистской Италии и Германии. В тылу врага было захвачено в плен несколько фашистских офицеров. Отряд проводил операции на широком фронте от Андалузии до Арагона.

В отряде Е. А. Паршину очень уважали не только потому, что она находилась с нами в самые опасные минуты, но и за постоянную заботу о бойцах и их семьях.

Ни один боец отряда не забывал во время боя, что среди них — девушка. Е. А. Паршиной не раз приходилось участвовать в рукопашных схватках. На моих глазах храбрая переводчица в ближнем бою уничтожила двух фашистов и возвратилась, захватив оружие врага. При необходимости я поручал ей самостоятельно руководить операциями, и она всегда успешно с этим справлялась.

Спрогис А., полковник в отставке, бывший советник по войсковой разведке в республиканской армии Испании

Глава 1. «В испанию поедете?»

В Москву наша семья приехала примерно в 1929 году с Волги. Отец — Александр Николаевич, мать — Лидия Георгиевна, старшая сестра Алла и я. Отец был инженером-химиком, его пригласили в какой-то институт заведовать лабораторией. В 1935 году я окончила Институт новых языков и начала работать в «Интуристе» переводчицей французского.

Прошло несколько месяцев. Когда началась война в Испании, в Советском Союзе поднялся ураган протестов. Проходили собрания, митинги, писали на первых полосах газет, не умолкало радио, собирались деньги, писались письма… Конечно, для нашей страны такой поворот событий не предвещал ничего хорошего, поэтому аппарат пропаганды работал изо всех сил. Таким образом, испанские события стали для большинства населения личной бедой, гибель испанцев — собственным горем, борьба с фашистами — страстным желанием. Заявления сыпались тысячами, подростков с поездов снимали сотнями. Ни я, ни мои подруги и не надеялись на такое счастье, но когда однажды в кабинете начальника засела какая-то комиссия, сердце екнуло…

За столом сидело человек шесть-семь, все мужчины и все в штатском.

— Лиза Паршина, одна из лучших переводчиц, — сказал начальник.

Поглядывая на меня, полистали бумаги.

— Хороший загар. Отдыхали?

— Да.

— Далеко?

— В Дагестане. По горам ходили.

— Хорошо ходите?

— Километров по двадцать-тридцать в день, — двое с военной выправкой переглянулись.

— Международное положение знаете?

— Конечно.

— На каких языках работаете?

Я поняла, что этот вопрос решающий. Испанский мы немного «проходили», но до знания было весьма далеко.

— Французский, испанский.

— Сказать что-нибудь можете?

— Буэнос диас… камарадас…

— А почему отвечаете на испанском?

Я растерялась и промолчала. Те двое снова переглянулись.

— Вы замужем?

— Нет.

— Семья?

— Родители и сестра. Все в Москве.

— В командировку поедете?

— Поеду.

— А если далеко и надолго?

— Поеду.

— А если в Испанию?

— Поеду.

— Хорошо, можете идти. Если нужно будет, мы вас еще пригласим. О нашей беседе никому говорить не надо.

Утром следующего дня меня и одну из моих подруг предупредили, что за нами «приедут». Часов в двенадцать действительно появилась молодая приятная женщина, сотрудница Главного разведывательного управления Красной Армии, Гуковская. Трудно сейчас сказать, в каком я была состоянии, помню только, что все происходящее доходило до меня, как с киноэкрана. Может быть, от волнения я и заболела — началась двухсторонняя ангина, но я сделала все, чтобы не показать этого. Гуковская на машине отвезла нас в специальный закрытый магазин, расположенный в Центральном универмаге, и велела выбрать все, что нам нужно. Тут уж мы не растерялись и выбрали все — от чулок до шляпок с вуальками.

— Вам это доставят, — сказала Гуковская и отвезла нас обратно.

Часов в восемь она снова приехала, привезла нам вещи, вручила паспорта, деньги, билеты на поезд и сказала:

— Через три часа ваш поезд. Поедете до Парижа, явитесь в наше посольство, дальше вам скажут. Об отъезде ни с кем не говорите и ни с кем не прощайтесь. Ни с кем, — и уехала.

Мы так и остались стоять с открытыми ртами и хлопающими глазами и, похоже, с такими же лицами ехали до самого Парижа. В моих документах было сказано, что я работаю машинисткой в советском консульстве в Испании. В Париже наше появление было встречено так же буднично, как появление почтальона. Нам выдали около тысячи долларов и велели лететь из Тулузы в Барселону.

— Там вас встретят.

И мы полетели. Вышли в Барселоне на летное поле и со все возрастающим беспокойством стали наблюдать, как рассасываются прилетевшие с нами пассажиры, пока не остались совершенно одни. Посовещавшись, уселись на свои чемоданчики и стали ждать «чего-нибудь». Через минут тридцать к нам подошел элегантный служащий аэродрома и очень вежливо

поинтересовался, не потерялись ли мы и не надо ли помочь. Документы мы решили не показывать, а объяснить ничего не могли, потому что языка почти не знали. Однако он ничуть не удивился и любезно отправил нас в город на служебной машине. Одетый в военную форму водитель, тоже ничего не спрашивая, привез нас в отель «Мажестик» и уехал. Только здесь, сняв номер, я поняла, что мне совсем плохо. Ангина была в разгаре. Я попросила подругу положить мне на голову мокрое полотенце.

— А полотенца нет, — ответила она без малейших эмоций. — Мы забыли чемоданы в машине.

Я моментально забыла про ангину, и мы побежали к портье поднимать тревогу. Он долго и с большим удивлением выслушивал наши сбивчивые горячие объяснения и, как только обозначилась первая пауза, спокойно сказал:

— Почему вы так беспокоитесь? Как только шофер увидит чемоданы, он сразу привезет их обратно…

Мы замолкли, переваривая услышанное. «Господи, мы ведь уже за границей…». Действительно, минут через сорок чемоданы внесли в наш номер. Мне снова стало плохо. В этот момент зазвонил телефон.

— Да? — спросила я машинально.

— Лиза?

— Да… — ангину снова как рукой сняло.

— Ты еще там?

— В каком смысле? — спросила я потрясенно.

— Ты еще не уехала?

— Я…

Кто это? Откуда он знает, в какой я гостинице и даже в каком номере? Невероятно…

— Лиза!

— Да…

— Это ты?!

— Я…

— Почему ты не выезжаешь?!

— Куда? Я только приехала…

Теперь наступила пауза на том конце провода.

— Кто это говорит? — спросил он, наконец.

Оказалось, это звонил знаменитый Михаил Кольцов. Его жену тоже звали Лиза, и жила она в этом номере до момента нашего заселения. Он объяснил нам, что делать и куда идти, и дальше все вошло в свою колею. Началась работа в Испании.

Глава 2. На Центральном фронте

В то утро заря занялась дружно. Быстро светало. Небо без единого облачка. Но это нас не обрадовало: если таким будет весь день, то фашисты успеют отбомбиться несколько раз. Весь летный состав уже на поле. В небе еще мерцают крупные южные звезды. Воздух резкий, колючий. Зима под Мадридом довольно холодная, но почти бесснежная. На командном пункте всегда холодно. Во всей Кастилии, кажется, зимой нет уголка, где можно было бы согреться.

Мое дело — сидеть у телефона и ждать, когда позвонят с наблюдательного пункта «Телефоника», самого высокого здания Мадрида. Это должно случиться с минуты на минуту, и я с самого рассвета держу телефонную трубку, а сама смотрю в окно и дую на застывшие пальцы. Первые лучи солнца медленно скользят по траве, слизывая хрупкий иней.

— Хосефа, ты слушаешь? — раздается в трубке голос наблюдателя.

— Слушаю.

— Сейчас на улице Алкала упал снаряд.

— Я не слышала разрыва. Наверно, далеко.

— Нет, не очень, но он не взорвался. Что-то сегодня не видно «юнкерсов»…

Я молчу, хочется спать. Может быть, они сегодня не станут бомбить Мадрид? Мысли рассеиваются, вспоминаются первые дни приезда в Испанию и разочарование, когда вместо фронта меня направили в штаб авиации. Там мне выдали красивую бумагу с огромной печатью. В бумаге значилось, что сеньорита Хосефа Перес Эррера направляется на аэродром в Альбасете. Эта бумага стала единственным документом, с которым я не раз пересекала из конца в конец всю республиканскую территорию, побывала на всех фронтах и даже переходила линию фронта; нигде ни разу мне не напомнили, что, согласно документу, я обязана пребывать на аэродроме в Альбасете. Такие здесь порядки. Законы и приказы в Испании пишут не для женщин…

— Хосефа, ты слушаешь? — снова прерывает мои размышления наблюдатель.

Начальник штаба, полковник Федосеев, заглядывает на командный пункт и на минуту задерживается в дверях.

— Связь с Мадридом есть? — спрашивает он строго.

— Наблюдатель у аппарата.

— Скажите…

В этот момент в трубке раздался взволнованный голос

наблюдателя:

— Идут! Три… Пять…

— Пять в воздухе! — повторяю я громко.

— Курс? — спрашивает начальник штаба.

— Девять… Пятнадцать… На Мадрид! — продолжает наблюдатель.

— На Мадрид пятнадцать!

Начальника штаба как ветром сдуло. На поле уже рокочут моторы. Стартеры торопятся к последнему звену истребителей. Через минуту самолеты отрываются от земли, проносятся над головой, и вот уже гул замирает вдали. В ушах остается тонкий звон, как будто порвалась и тихо вздрагивает невидимая струна. На поле еще не улеглась рыжая сумятица пыли и сухих осенних травинок.

— Хосефа, ты слушаешь? — снова окликает наблюдатель.

— Слушаю…

— Двадцать семь, изменили курс, идут на вас…

Кидаю трубку и бегу докладывать. Федосеев еще на поле. Его плотная невысокая фигура виднеется вдали около дежурного звена Сережи Черных. Бегу к ним и кричу, но меня не слышат. Остаются считанные минуты, от Мадрида до нас тридцать километров; бомбардировщики будут здесь через три-пять минут.

Наконец, меня заметили, и начальник штаба, словно догадавшись, зачем я выскочила, посмотрел на горизонт в сторону фронта. Там, высоко в небе, уже показались черные точки. Опытным глазом он сразу опознал «юнкерсов». На аэродроме мигом все пришло в движение. Стартеры и грузовики, наспех подобрав в поле рабочих и механиков, направились в сторону — подальше от аэродрома. На командном пункте капитан Рамос торопливо звонит по телефону, но резерва истребителей на соседних аэродромах не оказалось: все в воздухе, на других боевых операциях. «Юнкерсы» уже близко. Дежурное звено поднялось в воздух и пошло им навстречу. В последнюю минуту мы вскочили в машину и тоже выехали за пределы аэродрома, но далеко отъехать не успели, пришлось вылезти из машины и залечь метрах в трехстах от аэродрома. Началась бомбежка. Когда взрывы сливаются в сплошной гул, я перестаю чувствовать, что земля холодная и твердая… Над аэродромом поднимается темный занавес дыма и пыли. Ветер несет на нас оттуда всякий мусор. Если бомбить будут не очень метко, то пара — другая бомб может залететь и сюда… Несколько «юнкерсов» проносятся над нами, а с аэродрома опять слышны взрывы. Прижимаюсь плотнее к земле и чувствую себя как ребенок, который впервые узнал, что «коза» — это не рогулька из двух

пальцев…

Когда новизна ощущений проходит, начинаю присматриваться к тому, что происходит в воздухе. Наши истребители яростно атакуют, но их только три. Они то взмывают вверх, то пикируют в самую гущу «юнкерсов», проносятся через их строй, снова набирают высоту и опять пикируют. Постепенно бой перемещается к горизонту, становится тихо. Начальник штаба хмуро смотрит вслед удаляющимся самолетам.

— У них уже должны были кончиться патроны…

На аэродроме жарко горели оба ангара. Рабочие выкатывали из них авиетки. На летном поле десятки черных воронок и навалами развороченная земля. Помещение командного пункта сильно пострадало, всюду раскрошенный кирпич, красный, как раны. Внутри полный разгром. Осколками пробито решительно все — спинки и ножки стульев, забытый на столе портфель, а наблюдатель на вышке каким-то чудом остался невредим.

Через несколько минут над полем раздается привычный нарастающий гул наших возвращающихся истребителей.

— Куда их несет! — крикнул, выбегая на поле, начальник штаба. Я кинулась за ним, стараясь на бегу подсчитать, все ли вернулись.

— Отставить посадку! — кричит Федосеев, взмахивая коротенькими руками. — Побьются, черти!

Истребители кружат над аэродромом, выбирая место, но садиться решительно негде. Один все-таки изловчился и сел, да, наверно, и сам был не рад — начальник штаба погрозил ему кулаком, но потом махнул рукой и пошел на командный пункт. Другие самолеты, покружив немного над аэродромом, ушли приземляться на другие.

— Ступайте к телефону, Хосефа! — в сердцах прикрикнул на меня начальник штаба.

— Сначала надо бы разыскать телефонную трубку, — ответила я с досадой.

Хотелось расспросить летчика, единственного, приземлившегося среди воронок, как протекал воздушный бой и удалось ли тем, кто вылетел на Мадрид, перехватить «юнкерсов» на обратном пути. Оказалось, что удалось и двух «юнкерсов» сбили у самой линии фронта. Приземлился «дома» Алексей Минаев, ведомый дежурного звена. Он подтвердил, что патроны у них действительно кончились, но они продолжали преследовать противника до самой линии фронта. Вернувшись на командный пункт, я осмотрелась и поняла, что делать там нечего. В ближайшее время наладить телефонную связь невозможно. Все провода порваны, и телефонную трубку действительно не

отыскать. Через пролом в стене было видно, как догорают ангары.

Начальник велел собираться в Алкалу. Здание, в котором временно была столовая, выходило фасадом на единственную в Алкале площадь. В середине ее, укрытый щитами и мешками с песком, был чугунный монумент Сервантесу, напротив — отель «Сервантес», где размещались наши советники и штаб истребительной авиации. Наскоро переодевшись, я пошла в столовую. Наверно, раньше здесь был монастырь. Зал выглядит величественным и немного мрачным. Своды теряются в полумраке, огромные узкие окна, глубокие ниши в каменных стенах, пол выложен каменными плитами, как и в большинстве старинных зданий. За длинным деревянным столом собрались все экипажи эскадрилий и сотрудники штаба. Обед прошел оживленно — в этот день обошлось без потерь. Все места заняты, на столе не было лишних приборов, которые обычно ставили для тех, кто не вернулся…

Конечно, обсуждали события дня.

— Почему вы кружили над полем, когда вернулись? Разве вы не поняли, что начштаба запретил посадку? — спросила я Сережу Черных.

— Поняли, — ответил он, смеясь. — Хотели сосчитать, все ли у вас целы…

Сосчитать было нетрудно. Мы все бегали по полю и махали руками, боялись, что ребятам захочется сесть поближе к столовой и они побьются на посадке. Оказалось, что соседний аэродром в Гвадалахаре тоже бомбили и жертв не было. У начальника штаба родилась хорошая мысль: сделать ложный аэродром, чтобы фашисты бомбили его вместо нашего. К осуществлению этой идеи приступили на другой же день. Подходящее место нашли километрах в двадцати от Алкалы. Через неделю аэродром был готов и полностью оборудован по типу посадочных площадок. По краям поставили фанерные самолеты, а зенитную артиллерию изображали бревна. Конечно, все это было соответствующим образом «замаскировано». Мой начальник полетел принимать работу, захватил и меня, чтобы на месте можно было внести поправки. Пока он обсуждал со строителями детали, я забралась в фанерный самолетик — укрыться от ветра. Но и там было холодно. Когда я окончательно замерзла, пришлось вылезать. Поле было пусто. Наша авиетка улетела, про меня просто забыли. До вечера я успела промерзнуть до костей. Того, что фашисты прилетят бомбить именно теперь, можно было не бояться. Сначала они обычно высылали разведчика выяснить, что за объект и чем прикрыт с земли. Но вдруг за мной не приедут и завтра? Впрочем, переводчик так или иначе утром потребуется…

Начало темнеть, но никто не появлялся. Я стала не на шутку злиться. От обиды хотелось, чтобы «аэродром» бомбили, пусть бы даже меня ранили, и начальнику попало бы от командующего…

Машина пришла за мной ночью. С этого дня я твердо решила уходить из авиации на фронт. Мне казалось, что мое положение здесь унизительно. Все летчики летают в бой, а я вечно остаюсь на поле, одинокая и ненужная. Конечно, было жалко расставаться с эскадрильей и хорошими товарищами, но расстаться с начальником жалко не было.

Вскоре случилось и еще одно несчастье, которое заставило меня предпринять решительные действия. Случилось это в декабре 1936 года. Рассвет наступил в плотном тумане, на востоке ни проблеска. Едва можно было различить на поле боевые машины. В них сидели только летчики дежурного звена. На командном пункте стало тесно и теплее, чем обычно. Время приближалось к полудню, а туман не рассеивался. В одном из самолетов молодой летчик объяснял испанским паренькам, как приводят в действие пулеметы. Ребята шумели, каждому хотелось прикоснуться к пулемету рукой. На летном поле не видно ни души. Из ангара вышел рабочий с ведром и пучком концов для обтирки фюзеляжей. Он шел не спеша, закончив какую-то работу. По синему ватнику и меховой шапке я узнала нашего русского рабочего, Василия Кабанова. Поравнявшись с самолетом, в котором шумела молодежь, он повернул голову и посмотрел, что там делается. В эту минуту раздалась пулеметная очередь, и Кабанов остановился… Я смотрела, но не понимала, что произошло. Кабанов выронил из рук ведро, наклонился вперед и без звука повалился на землю.

Пока врач добежал до того места, санитарная машина уже стояла подле с открытой дверцей, но носилок не оказалось, и раненого понесли к машине на руках. Врач сказал, что оперировать надо немедленно, из командного пункта вынесли стол и положили на него Кабанова. Обязанности сестры пришлось выполнять мне. Не знаю почему, но на аэродроме сестры не оказалось, а второй врач ассистировал хирургу. Рана была выше колена, широкая, как блюдце, и с рваными краями. Для анестезии ничего под рукой не нашлось, бежать на медпункт времени не было, кровь била из раны струей. Кабанов не кричал и даже не стонал, хотя был в сознании. Когда очищали рану, все тело его было напряжено до предела и временами вздрагивало. Кабанов все порывался взглянуть на свою ногу.

— Не надо, чтобы он смотрел на рану… Держите голову, — просил врач по-испански.

— Что он делает? Что у меня с ногой? Я ее не чувствую…

Боль где-то выше…

Голос его был глухим, хрипловатым, но твердым. Врач нервничал и все время с опаской посматривал на раненого. Наверно, боялся, что тот не выдержит и сделает резкое движение. Но Кабанов хорошо владел собой. Лицо его посерело, губы запали внутрь, на висках билась синяя жилка.

— Что он делает?

— Сейчас зашивает, — ответила я наобум, самой было больно смотреть на эту рану. — Потерпи еще немного.

В городском госпитале Кабанова поместили в общую палату, где лежало человек тридцать. Больные встали и, скрипя костылями, стали подходить к его койке. Кабанов лежал на спине с полузакрытыми глазами. После укола боль, наверно, унялась, но его бил озноб. Был уже поздний вечер, а я сидела у койки и не могла уйти. Ведь во всем госпитале никто не говорил по-русски. Принесли чашку горячего кофе, но уговорить Кабанова выпить не удалось. Ему становилось хуже.

Вдруг в дверях послышался какой-то шум, крики и возня. Кто-то требовал, чтобы его впустили, и санитары не смогли его удержать. В палату ворвался какой-то паренек. Он сразу нашел глазами койку Кабанова и, упав на колени, уткнулся лицом в угол матраца. Кабанов заволновался, хотел приподняться и не смог.

— Скажи, пусть встанет, — обратился он ко мне.

Мне удалось поднять только голову парнишки, с коленей он не встал. Лицо его было залито слезами, и глаза полны отчаяния. Он всхлипывал и глотал слезы, потом быстро-быстро заговорил.

— Что он говорит? — спросил Кабанов тихо. Силы его оставляли.

— Просит простить его, он нечаянно.

Это был тот паренек, который случайно нажал на спусковой крючок пулемета.

— Верю, — ответил Кабанов мягко. — Скажи, что не сержусь. Чего уж теперь… Эх, сынок! Что ты со мной сделал? Мне ведь и повоевать-то не пришлось…

Я переводила все слово в слово, понимая, как это важно сейчас для обоих. Присутствующие начали понимать, что произошло. Вся палата пришла в волнение. Один из раненых подошел ко мне и спросил:

— Это ваш муж? — голос его дрогнул, и лицо побледнело от волнения.

— Нет, просто товарищ, это наш рабочий с аэродрома…

— Рабочий?

Видимо, он был чем-то поражен.

— Смотрите! — сказал он всем. — Он даже не упрекает за то,

что тот его ранил, он назвал его сыном…

Раненые стояли и растерянно смотрели на осунувшееся лицо Кабанова. Кто-то украдкой всхлипнул. Я попросила раненых разойтись:

— Не надо так… он может подумать, что его состояние безнадежно…

Люди разошлись, и в палате воцарилась тишина. Скоро наркоз перестал действовать, и Кабанов снова заметался на койке. Я попыталась отвлечь внимание раненого от боли, стала расспрашивать его о семье. Кабанов с легкой досадой отмахнулся.

— Глупенькая ты. Эта боль почти нестерпима. Я думаю, что не выживу… Но не хочу умирать, ведь я не убил еще ни одного фашиста! Я ничего не успел сделать…

Поздней ночью пришел начальник штаба. Поговорив немного с Кабановым, он обратился к врачу:

— Каков может быть исход?

— Надо немедленно делать переливание крови, у нас в госпитале это невозможно… Может начаться гангрена…

Конец фразы я не перевела на русский, раненый пытливо прислушивался к ответам врача. Наутро следующего дня к постели Кабанова пришли трое: полковник Федосеев, командующий нашей авиацией в Испании Смушкевич и командующий истребительной авиацией Пумпур. Кабанов встретил их равнодушно, но вежливо. Он еще больше осунулся, пожелтел и затих. Казалось, его перестало интересовать, что с ним будет дальше.

— Сегодня или завтра переправим тебя самолетом в Валенсию, там хорошие врачи, — сказал Смушкевич.

Кто бы мог подумать тогда, что всех троих, стоящих сейчас у постели раненого, ждет еще более трагическая судьба… Кабанов умер в тот же день вечером. Я сняла с койки его карточку болезни и отнесла в штаб. Через несколько дней мне сказали: паренек, который его ранил, ушел на фронт. Это напомнило мне, что я тоже засиделась на аэродроме.

В один из зимних вечеров, когда в большом опустевшем зале остались только дежурные, телефонист и я, ко мне подошел заместитель начальника штаба.

— Вы, кажется, хотели на фонт?

— Просилась!

— Завтра за вами приедут, можете собираться.

Я тотчас побежала в свою комнату собираться, хотя вещей никаких и не было. Просто хотелось подержать в руках дорожный плащ и поверить, что все это не сон, что я действительно еду. Мне везло, хотя в моем стремлении попасть на фронт не было логики:

я должна буду признаться, что даже стрелять не умею, и моим новым товарищам, возможно, будет со мной нелегко. На другой день рано утром я поехала в город купить то, что, по моему разумению, могло пригодиться на фронте. В штаб вернулась к обеду, но пообедать удалось не сразу: за мной уже приехали. Начальник велел мне идти в гостиную и там ждать. Я очень волновалась: вдруг не возьмут? В зал вошел невысокий молодой человек в армейской форме, с большим маузером у пояса. В его внешности не было ничего примечательного, разве только большие серые глаза. Увидев меня, он помрачнел.

— Опять баба! — нисколько не стесняясь моего присутствия, проговорил он разочарованно. — Не возьму. В штабе мне сказали, что здесь дадут переводчика-мужчину, кажется, его имя Хосе.

— К сожалению, Хосефа… Поговорите со мной все же.

Несколько секунд он стоял молча, как бы обдумывая что-то, потом обратился ко мне с явной досадой:

— Поговорить можно. Без дорог ходить умеете?

— Мы в Дагестане ходили все лето и через перевал…

— А стрелять умеете?

— Да, мы в тире стреляли.

Он неожиданно рассмеялся и, словно примирившись с судьбой, заметил: — А на фронте, знаете ли, стреляют…

— Представьте себе, я так и думала.

— В обморок, случайно, не падаете?

— В обморок случайно не падают, в обморок женщины падают, когда хотят.

Я начинала злиться, но приходилось сдерживаться, ведь все зависело от этого командира: не захочет — не возьмет.

— Ладно, делать нечего, я уже две недели работаю без переводчика, а время горячее, на нашем фронте со дня на день ожидают наступление фашистов… Поедемте, а там будет видно.

— А куда?

— В Малагу.

Мы выехали в тот же вечер и ночью были уже далеко от Альбасете. Машина шла на юг в Андалузию. Хорошо ехать ночью: шоссе свободно, и шофер выжимает из мотора все, на что тот способен. Мой новый начальник, Артур Карлович Спрогис, оказался на редкость неразговорчивым спутником; он только назвал свое имя — Артур, а потом погрузился в какие-то думы, и мне ничего не оставалось, как смотреть в окно или пробовать вздремнуть сидя. О Малаге я почти ничего не знала. Помнила, что есть такое вино — малага, но я его никогда не пробовала. Мне раньше в голову не приходило, что это название связано с именем одного из самых древних городов Европы — некогда

финикийской колонией.

Уже вторые сутки дорога и дорога. Начинает болеть спина, мучительно хочется вытянуть ноги, но мы почти нигде не останавливаемся: надо торопиться. К вечеру подъезжаем к небольшому городу. При въезде застава. Документов не спрашивают, но и дальше ехать не позволяют. Я не сразу понимаю, в чем дело.

— У нас есть разрешение министерства!

— Здесь требуется только одно разрешение — местного алькальда.

— Здесь признают только разрешение градоначальника, — поясняю я Артуру.

— Спроси, как к нему проехать, спорить не будем.

Выясняется, что проехать к нему тоже нельзя: алькальд почивает, и до утра нам предлагается ждать, где нам будет угодно, но только не в городе. Командир молча обдумывает положение. Машина стоит. Шофер Паскуаль начал стыдить бойцов заставы, и я уловила, что он несколько раз произнес слово «сеньорита».

Решив поддержать Паскуаля, я выглянула из машины.

— Рубия! — раздалось одобрительное восклицание.

Машина тотчас же тронулась. Оказывается, «блондинка» — это тоже пропуск. В Альмерии Артур все же решил переночевать. Шоферу нужно было дать основательный отдых, но на окраине опять пришлось задержаться: город бомбили. Когда налет кончился, мы выехали на окраину. Бензоколонка и окружающие здания горели. С площади уносили убитых и раненых. Бойцы оттаскивали в стороны изуродованные машины. На рассвете мы снова были в дороге. Теперь шоссе шло по самому берету Средиземного моря. Становилось жарко. К северу тянулись невысокие скалистые горы, покрытые скудной растительностью.

Миновав несколько узких старинных улочек, остановились у одинокого приземистого строения. В темноте не разберешь — не то жилой дом, не то казарма. Оказалось, что здесь размещается разведотряд, которым руководит мой новый начальник. Он коротко предупредил меня об этом и просил больше вопросов не задавать. В дверях часовой. Он бросается к нашей машине с бурными приветствиями, обнимает шофера и протягивает руку Артуру. Все это, конечно, не по уставу, но Артур, видимо, не придает большого значения форме.

— Это не солдаты, — говорит он, заметив мое удивление. — Это шахтеры и крестьяне, получившие оружие совсем недавно.

Из дверей дружно высыпал весь отряд. Бойцы окружили Артура и стали о чем-то его расспрашивать. На меня никто

внимания не обратил, возможно, просто не заметили. Артур подтолкнул меня вперед и попросил переводить. Как только я сказала первое слово, все головы повернулись. Круг сомкнулся, всем хотелось посмотреть на новую переводчицу. Впереди оказался высокий широкоплечий молодой человек. Его окликали «Тримотором», кличка явно подразумевала трехмоторный бомбардировщик. В действительности его звали Хосе Муньос Гарсия, и он был официальным командиром отряда. Голос у него был глуховатый, но довольно сильный. Речь неторопливая, но из того, что он говорил, я ничего не поняла. Артур меня успокоил:

— Наши ребята — андалузцы, у них свое наречие, скоро ты начнешь их понимать.

На следующий день мы поехали в штаб фронта. В центре города душно. С моря наплывают волны теплого воздуха с запахом рыбы от причалов, водорослей, выброшенных на берег прибоем, и мокрого дерева. Площадь перед штабом была пуста, но в штабе шла напряженная работа.

В просторной неуютной и темноватой комнате, куда мы вошли, слышалось гудение работающего телетайпа. Около него сидел широкоплечий, немного сутулый пожилой человек с явно славянскими чертами лица, зоркими умными глазами и поредевшими светлыми волосами. Это был советник фронта полковник В. И. Киселев. Рядом с ним я увидела невысокую девушку с каштановыми кудрями, розовыми щечками и печальными карими глазами. Вглядевшись, я узнала свою подругу по институту Машу Левину, бывшую старосту группы. Благоразумную и тихую Машу я никак не ожидала увидеть во фронтовой обстановке, но и здесь она выглядела спокойной, хотя озабоченность наложила на лицо морщинки. Мы обе очень обрадовались и, пользуясь тем, что нашим начальникам для разговора переводчиков не требовалось, начали толковать о своих делах. Однако к тому, о чем говорили начальники, я тоже прислушивалась.

Киселев, наскоро обменявшись с Артуром несколькими фразами, вернулся к телетайпу. Он был на связи с Генеральным штабом. Связист передавал донесение о положении на фронте. Киселев начал диктовать шифровальщику дополнение для передачи главному советнику Яну Берзину. Заканчивалось оно весьма неутешительно: «Положение становится критическим. Противник ввел в бой итальянский экспедиционный корпус, насчитывающий более двадцати тысяч солдат; кроме того, в наступлении участвуют около пяти тысяч легионеров — отборное фашистское формирование и марокканская конница численностью до пятисот сабель. Данные разведки уточняются.

Главный удар противник наносит на Малагу, наступая в направлениях: Гранада — Альгама — Велес-Малага с северо-востока; Ронда — Малага с северо-запада и вдоль побережья Средиземного моря от Марбелье. Одновременно противник перешел в наступление на всех участках фронта. Вдоль берега курсируют три крейсера противника, возможен десант морской пехоты, предположительно в районе Фуэнхирола южнее Малаги. Береговых укреплений нет. Ближайшие подступы к городу удерживают отряды численностью до пятнадцати тысяч человек. В самом городе пять тысяч бойцов без винтовок. Анархистские части не боеспособны, действия нашей авиации ограничены отсутствием аэродромов для бомбардировочной авиации и в горах малоэффективны, боеприпасы на исходе, связь затруднительна. Удержать город в этих условиях невозможно…».

Донесение было похоже, скорее, на оправдание предстоящей сдачи города. Вообще, вся территория, на которой еще держались в Андалузии республиканцы, представляла собой узкую полосу побережья километров двести протяженностью, не защищенную ни береговой артиллерией, ни флотом, ни авиацией. Может быть, советник сгустил краски, чтобы выхлопотать в Генштабе подкрепление? Предположение звучало заманчиво, но надежды на это практически не было. Вернее всего, так все и было. Мне рассказывали, что когда генералу Клеберу предложили возглавить оборону Малаги, он ответил: «Я не хочу быть генералом поражения». Киселев закончил свой рапорт, подождал, пока он будет зашифрован и передан, потом молча взял свою фуражку, кивнул головой Маше и направился к дверям. Мы с Артуром последовали за ним. Видно, мне придется приобретать боевой опыт в отступлении…

Была ночь. Веяло спустившейся с гор прохладой. Шуршали тяжелые пальмовые листья, да изредка раздавались шаги патруля. Дом, в котором жили советники, стоял особняком в глубине сада, окруженного высокой чугунной решеткой. Широкая мраморная лестница вела прямо в столовую, временно расположенную в вестибюле. К ужину подали на плоских тарелках горстку каких-то ракушек. Внутри — маленький сморщенный кусочек моллюска, по вкусу напоминающий мясо. Я погремела этими ракушечками и осталась голодной. Пришлось просить добавки. Маша начала смеяться. Она уже привыкла к испанской кухне, а я в авиации была избалована русскими борщами. Сразу после ужина пошли спать.

Утро наступило солнечное. Начальник попросил меня пройти с ним в город, купить некоторые дорожные вещи. Мы шли по глухим каменным плитам, поглядывая на простиравшееся

спокойное нежно-голубое море. Ни на одном море ранее я не видела таких нежных мягких голубых тонов. А где-то поблизости затаились вражеские крейсеры, готовые обрушить на город огонь… Однако они еще не появились. Яркое теплое утро не располагало к грустным размышлениям, и вскоре я загляделась на богатые витрины магазинов. Там целые россыпи всяких безделушек и мишуры. Никогда не видела такого количества совершенно ненужных, но неотразимо привлекательных вещей. Закупив все необходимое, Артур предложил мне выбрать что-нибудь и для себя. В небольшом, пропахшем духами и кожей магазинчике я купила нелепые розовые перчатки. Зачем они мне? До обеда занимались картами. Я надписывала по-русски названия населенных пунктов в районах, которые Артур отмечал карандашом, и старалась запомнить их. Потом мы с Машей пошли побродить по приморскому бульвару. Время приближалось к полудню, было довольно жарко, и мы шагали по улице, не встречая прохожих. Было время сиесты — обязательного дневного отдыха южан. Когда-то вдоль Аламеды, приморской пальмовой аллеи, стояли мраморные статуи, найденные при археологических раскопках. Теперь их нет.

— Ты помнишь Казимира? — спросила я.

Маша ответила не сразу.

— Разве ты не знаешь, что он погиб?

Я знала, но хотела узнать, как это произошло.

— Вон там… — Маша показала рукой на север, где на небе сейчас не было ничего, кроме одиноко плавающего белого облачка. — Там, за аэродромом, однажды утром показался итальянский «капрони». Наверно, разведчик, он шел низко и не спеша. В ту же минуту с аэродрома поднялся Казимир и, набрав высоту, спикировал на фашиста. Бой был коротким. «Капрони» резко снизился и, охваченный клубами дама, пошел в сторону линии фронта. Казимир продолжал его преследовать, сделал облет и вдруг резко пошел в штопор. Через несколько минут мы с Киселевым подъехали к месту падения. На поле мы увидели только обломки самолета, а Казимир… Я не могла смотреть, мне потом рассказали…

Маша замолчала. Несколько секунд она пыталась подавить слезы, но не смогла. Когда мы — русские девушки — поехали в Испанию, мы как-то внутренне подготовились встретить лишения, опасности и даже те страшные минуты, которые все же не хочется называть смертью. Но мы оказались совершенно неподготовленными видеть гибель товарищей. Думаю, что на войне это и есть самое тяжелое… Я знала Машу много лет. Мы вместе учились, потом работали, но я первый раз видела, как она

плачет. Невольно подумалось, что если город придется оставить, то могила Казимира окажется у фашистов. От этой мысли стало еще тяжелее.

Вечером в штабе стало известно, что атаки противника прекратились почти повсеместно, наступило временное затишье. Во всех донесениях с фронта одни и те же просьбы: оружия и патронов. Оружия не было, патронов тоже. В штабе решили немедленно подорвать все мосты на горных дорогах, ведущих к Малаге. Эта операция была поручена нашему разведотряду. В трудных случаях Артуру приходилось самому становиться во главе отряда. Хосе был всего лишь прошедшим действительную службу сержантом, имевшим очень небольшой боевой опыт. В горах севернее Малаги имелось всего три-четыре удобных для наступления ущелья, но самым опасным командование считало направление Гранада — Альгама — Велес-Малага: если противнику удастся перерезать его, то группа войск, защищающих город, окажется в мешке. На этот участок фронта мы и отбыли в первую очередь.

Мы выехали всем отрядом с запасом динамита, не дожидаясь утра. Дорога на Велес-Малагу шла по берегу моря. Самое благоразумное — ехать ночью. В предрассветном воздухе еще держится ночная прохлада. Начинают светлеть дальние вершины Сьерра-Невады, но отроги Альпухары еще покрыты зловещей мрачной чернотой. Маленький городок Велес-Малага примостился на территории, замкнутой скалистыми склонами гор. На небольшой возвышенности — развалины мавританской крепости, но их можно заметить, если знать заранее. В окрестностях городка мавры жили с давних времен, но после восстания в конце пятнадцатого века большая их часть была уничтожена. Сколько же войн перевидала испанская земля, и сколько крови пришлось ей принять…

Вскоре дорога отступила от моря и втянулась в ущелье. Машина пошла медленнее. Артур спит, а я не могу, мне все это еще очень непривычно. Фары не зажигали, шофер едва различал перед собой дорогу, и где-то на повороте мы наткнулись на колонну стрелков. К счастью, никто не пострадал, но фары пришлось зажечь, иначе дальше ехать было опасно. Когда начало светать, стали различимы медленно идущие навстречу группы бойцов. Некоторые с винтовками, но большинство без оружия. Я уже знала, что на фронте не все вооружены, и все же не предполагала, что их так много. Неудивительно, что они, безоружные, отступали. Артур велел остановиться и разыскать кого-нибудь из офицеров. Наши бойцы выпрыгнули из грузовика и закурили. Я впервые увидела их при дневном свете. С виду это

были обыкновенные рабочие ребята, одетые в спецовки и обутые в веревочные альпаргаты — матерчатую обувь с веревочными подметками. На головах — самые различные шляпы, береты, андалузские сомбреро и горро, похожие на наши пилотки. Среди бойцов несколько человек довольно пожилых и один седой старик: малорослый, щуплый, но очень подвижный и энергичный. К моему удивлению, большинство бойцов оказалось белокурыми и голубоглазыми. Может быть, это потомки готов или англосаксов. Другие были черноволосыми и кареглазыми, какими я и представляла себе раньше всех андалузцев. Тримотор, то есть Хосе, был коренастым, но довольно высоким мужчиной; приземистым он казался из-за массивных плеч и привычки сутулиться. Лицо немного монгольского типа и карие чуть узковатые глаза. В прошлом крестьянин, он последние годы работал на рудниках, как и большинство бойцов отряда. Они очень дружелюбно поглядывали на меня, улыбались, но не заговаривали, очевидно, помнили неудачный опыт при первой встрече и не хотели меня конфузить.

— Если ты будешь сегодня плохо переводить, то мы все взлетим на воздух, — предупредил Артур, заметив, что я робею вступать в разговор с испанцами.

— А разве твои ребята не умеют обращаться с динамитом? — спросила я, не на шутку перепугавшись.

— Не все. Есть и хорошие шахтеры-подрывники, но нам еще не приходилось подрывать мосты. Привыкай к андалузскому наречию.

Я подошла поближе и попробовала завязать беседу. Оказалось, что андалузское наречие отличается от кастильского незначительно. Андалузцы избегают произносить на конце слов твердые гласные и часто пропускают букву «д» в последнем слоге, а в общем, понять их не трудно. Бойцы охотно вступили в беседу, только очень громко кричали, надеясь, что так я лучше пойму, и внимательно следили за моей жестикуляцией. Наверно, она им казалась необычной. Я уже заметила, что некоторые жесты испанцы воспринимают как нечто противоположное, они вкладывают в них другой смысл. Когда русские хотят придать больше убедительности своим словам, они ударяют себя в грудь. Испанец при аналогичных обстоятельствах ударяет в грудь собеседника, а когда хочет подозвать его к себе, машет рукой точно так же, как делаем мы, когда хотим его прогнать. Лучше всех меня понимал шофер грузовика Клаудио. Он старший брат Хосе и в отряде пользуется особым уважением. Клаудио от рождения хромой, но шофер он прекрасный. Мне очень нравится его лицо: доброе, открытое, с чуть грустной улыбкой. У него

большие серые глаза, внимательный взгляд и манера слушать, слегка наклонив голову. В отличие от других андалузцев, он при разговоре почти не пользуется жестикуляцией, только иногда приподнимает руку ладонью вверх, как будто ему хочется немного подержать слово, прежде чем отдать его слушателю.

Самый шумный и веселый — Ретамеро, молодой шахтер с быстрыми светлыми глазами и плутоватой улыбкой. Он больше любит слушать, чем говорить. Уклончиво отмалчивается, когда обращаются к нему лично, в основном по вопросам дисциплины, и любит выступать, когда с вопросами обращаются ко всем. Амарильо, человек уже немолодой, немного хмурый и быстрый в работе, наоборот, отвечает только на вопросы, заданные ему лично. В других же случаях равнодушно отводит глаза или просто поворачивается спиной: меня, мол, это не касается. Оказалось, что наши бойцы обладают большим чувством такта, они меня ни о чем не спрашивали, больше рассказывали о себе.

— В общем, дело пойдет, — сказала я, вернувшись к Артуру. Он посмотрел на меня с недоверием и промолчал.

Между тем время шло, а нам не встретился еще ни один офицер. Навстречу шли только бойцы. Наконец, показался один немолодой человек в военной форме с офицерскими знаками различия. Какими точно, я еще не разбирала. Поздоровавшись, он назвался командиром части, занимавшей оборону около мостов, к которым мы и направлялись.

— Там уже никого нет, — ответил он на мои вопросы. — Начали отступать, как только стемнело.

— Почему оставили позиции?

— Противник обходит нас по дну ущелья, мои разведчики донесли, что движется колонна численностью до полка, а у меня неполный батальон.

— Приказ имеете?

— Со штабом связь потеряна, но оставаться и быть отрезанными бессмысленно.

— Я только что из штаба. Приказа об отступлении не было.

— Вы можете дать мне об этом письменное подтверждение? — спросил офицер, настороженно прищурив глаза.

— О чем? Что не было приказа? Вы, простите, военный или гражданский человек?

— Я полковник.

— Странно…

Я поняла, что последнюю реплику переводить не следует, и молча кивнула головой. Как бы угадав наши сомнения, полковник горячо заговорил:

— Солдаты начали отступать без всякого приказа, многие офицеры уже оставили свои подразделения и ушли в город спасать семьи. Из тех, кого я послал в штаб для связи, никто не вернулся… Я не могу удержать фронт, а ведь главные силы противника еще в бой не введены.

Артур заметил, что в таком ущелье можно сдерживать наступление и превосходящих сил противника.

— Однако для этого надо иметь как минимум оружие, — раздраженно парировал офицер.

Это было правдой.

Итак, территория, на которой нам предстоит подрывать мосты, нашими войсками уже оставлена. Надо торопиться. Бойцы быстро заняли свои места в кузове машины, и мы поехали дальше. Ущелье все суживалось. Зеленые склоны сменились каменными отрогами. Наконец, впереди показались мосты. Один шоссейный, другой железнодорожный. Оба были перекинуты в самой узкой части ущелья, где не имелось объездов. Машины остановились за выступом скалы, и бойцы начали разгружать инструмент и динамит. В это время на противоположном берегу среди загромождавших русло камней петлистого ручья показалось несколько бойцов. Некоторое время они с любопытством наблюдали за нами, потом начали окликать. Узнав, что мы собираемся взрывать мосты, солдаты попросили подождать, пока они переберутся на нашу сторону. Через несколько минут на шоссе на противоположном склоне вытянулась колонна человек в сто. Двигались они быстро, и уже через пятнадцать минут все были здесь. Это был какой-то отставший отряд без командира. По их словам, противник был километрах в десяти за их спиной.

— А может быть, меньше, — поколебавшись, сказал один из солдат.

— По всей вероятности, меньше, — улыбнувшись, заметил Артур.

Им, видимо, очень хочется, чтобы мы подорвали мосты. Отдыхать они не стали и дружно устремились за поворот, правда, перед этим предложили свою помощь, но уже на ходу. Задерживать мы их не стали, тем более что в помощи наши подрывники не нуждались.

Осмотрели первый мост. Это было грандиозное каменное сооружение, возможно, еще времен Римской империи. Пролет под ним напоминал большую трубу, наполовину заваленную камнями и песком. Ребята сняли рубашки и взялись за кирки. Через несколько минут они уже обливались потом. Мост решено было взрывать в узкой точке пролета. Один из бойцов, высокий, с

грубоватыми чертами лица и длинными руками, отбросил кирку и взял в руки большой лом. Под его мощными ударами камни кололись, как лед, в воздух поднимались струйки пыли, и каменная крошка летела во все стороны. Это Амарильо, забойщик с серебряных рудников. В паре с ним яростно долбит камень стройный черноголовый рабочий с пробкового завода. Его зовут Сальвадор, что в переводе на русский означает «спасатель». Только это имя меньше всего подходит пареньку с такими озорными глазами. Сальвадору лет семнадцать. Видно, управляться с камнями ему нелегко, но мальчик старается. Думаю, что никому из нас здесь задерживаться не хочется. Хосе расставил дозоры, двоих бойцов послал на разведку вперед. Артур и старый подрывник Молина пошли осматривать второй мост.

Я села на камень рядом с Клаудио и молча наблюдала за работой. Теперь у мостов остались только мы, и у нас на весь отряд всего пять старых винтовок, несколько гранат и три, кроме моего, пистолета. Свой пистолет я еще не пристреляла, негде было…

Долбильщики сменились и отошли в тень, тяжело дыша и стряхивая с одежды пыль. Теперь камень долбят Ретамеро и рыжий вихрастый Энрике. Глядя на него, трудно поверять, что это андалузец, а не курносый рязанский или тульский паренек. Его маленький нос густо посыпан веснушками, а голубые глаза окаймлены совершенно выгоревшими ресницами. С тяжелым ломом он явно не справляется. Хосе некоторое время смотрит на него не то с состраданием, не то с осуждением, потом подходит, отстраняет своим могучим, как рычаг, локтем и берется долбить сам. Мне кажется, что работают очень медленно, ведь никто не знает, где противник и когда он появится. Наконец, в перекрытии моста образовалась яма глубиной около метра. В нее налили ведра три воды и высыпали несколько больших кульков динамита. Это меня поразило. Казалось невероятным, что загорится или взорвется что-либо мокрое. Оказывается, так и должно быть: воду наливают, чтобы при утрамбовке динамит не взорвался от удара самопроизвольно. Гореть мокрое не будет, а взрываться — пожалуйста. Мне пришлось стоять около этой ямы и переводить технологию приготовления адской каши на испанский язык. Слово «осторожно» я переводила очень быстро и вставляла чаще, чем требовалось, причем уже совсем по-андалузски выбрасывала из последнего слога звук «д».

— Ты довольно успешно осваиваешься с языком, — подтрунил Артур.

Все бойцы укрылись за поворотом, и около ямы остались

только Артур, Молина и я. Яма была заполнена. Молина присыпал ее сверху и еще немного утрамбовал. Снаружи остался только конец бикфордова шнура. Артур сказал, что он будет гореть две минуты, за это время надо успеть укрыться.

— Переведи это Молине.

Я глотнула набежавшую от волнения слюну и смерила глазами расстояние до поворота, а перевести забыла. По моим представлениям, самым коротким отрезком времени было пять минут, а две… Я умоляюще посмотрела на Артура: неужели нельзя немного больше двух минут? Он понял мое смятение и ободряюще улыбнулся. Это привело меня в чувство.

— Две минуты! — крикнула я Молине, когда Артур подвес спичку к бикфордову шнуру, и махнула рукой в сторону поворота.

Услышав слабое потрескивание загоревшегося шнура, я сорвалась с места и первой бросилась к повороту. Забежав за скалу, где уже укрылись другие бойцы, я присела на корточки и зажала уши. Взрыв раздался, когда мне уже надоело ждать. Все побежали обратно к мосту. Нас постигло разочарование: яма увеличилась, но мост не дал даже трещины. Пришлось повторять все сначала. После второго взрыва образовалась огромная дыра, но мост не рухнул и никогда не рухнет. Наверно, он выдержит еще не одно столетие и не одну войну. Вкладывать туда остатки динамита не имело смысла, а для техники мост стал непроходим. Конечно, ненадолго, но в данной обстановке было важно выиграть хотя бы несколько часов.

Железнодорожный мост оказался более податливым: после взрыва несущая балка сдвинулась с опоры и осела. Все — поезд не пройдет, а для восстановления потребуется специальная техника…

Со всей работой мы справились часа за три-четыре. Противник не показывался, разведка тревожных вестей не приносила. Бойцы побежали к ручью мыться, командир разрешил позавтракать. Вскоре все расположились на траве, разостлали большие цветные платки и начали делить что-то похожее на омлет. Я ничего поесть не захватала и отошла в сторонку. Артур стоял над дырой, что-то прикидывая в уме, потом спустился вниз, осмотрел основание поста и, поднявшись, подошел ко мне.

— В следующий раз ты должна позаботиться о продовольствии, — сказал он строго.

«Мог бы и сам позаботиться», — подумала я, но промолчала. В это время меня окликнул Клаудио. Второго приглашения я ждать не стала. Мне дали большой кусок омлета с картошкой и луком, пахнущий оливковым маслом, но это аппетита не испортило. Я быстро расправилась с куском и потом с

удовольствием наблюдала, как ребята пили воду из кожаных мешочков, которые носили на поясах. Они поднимали их высоко над головой, открывали рот, и тонкая струя воды попадала удивительно точно между двумя рядами зубов. Мне тоже захотелось попробовать, но оказалось, что с открытым ртом глотать совершенно невозможно даже в том случае, когда в рот что-нибудь попадало. Большая часть воды вылилась мне за пазуху. Никто не смеялся, мои новые товарищи были очень деликатными.

Неожиданно где-то неподалеку раздался отчаянный поросячий визг. Обернувшись, я увидела у плетня группу наших бойцов. Кроме визга, доносился топот и смех. Когда я подошла, Ретамеро держал одной рукой за ногу небольшого поросенка, пытаясь другой подхватить его под брюхо.

— Зачем ты взял поросенка?

— Так он ничей, люди из этого дома ушли.

— А вдруг хозяин вернется?

Ретамеро смутился, но продолжал крепко держать поросенка. Остальные стояли молча, но в их глазах ясно читалось: поросенок к обеду совсем не будет лишним.

— Видишь ли… — начал Ретамеро, осторожно подбирая слова, — я встретил хозяина на дороге, он сказал: «Если увидишь черного поросенка — бери, я все равно не вернусь…». Сразу не подберешь ответа. Видали вралей, сама совру не моргнув, но такого! Тем временем поросенком завладел Энрике.

— Я отнесу его в хлев, — торжественно заявил он и скрылся за изгородью.

На обратном пути, преодолевая сон, я осматривала окрестности. Перед глазами проходили печальные картины: по-зимнему темные склоны гор, потемневшая трава на обочинах дороги, над ними сухое белесое небо. Все идут и идут отступающие в тыл бойцы. Иногда на дороге стихийно собираются митинги и так же внезапно кончаются. Заметно, что солдаты отступают неохотно. Они продвигаются медленно, с большими остановками, и мы часто останавливаемся, говорим с бойцами, разыскиваем офицеров. Отступающие не имеют представления о том, что делается на оставленных позициях. Некоторые считают, что их позиции уже заняты противником. Когда мы говорим, что были у мостов час тому назад и фашистов не видели, нас слушают с недоверием. Большинство убеждено в том, что им предстоит оборонять город на ближних подступах. Другие думают, что город давно сдали и надо двигаться в Мотриль, что километрах в ста от Малаги по дороге на Альмерию.

Ближе к Малаге шоссе свободно, даже пустынно. Начинает темнеть. В городе заметны новые разрушения. Очевидно, днем бомбили. Поехали прямо в штаб. Там нам рассказали, что днем противник предпринял наступление в районе Ардалеса Эль Бурго, но успеха не имел. Спать нам пришлось не больше часа. Пришлось немедленно выезжать на другой участок фронта, на север от Малаги. Бойцы немного отдохнули. Надо было и мне не ходить в штаб, а лечь спать. Любопытство помешало.

Погрузили на машину новую партию динамита, Артур проверил оружие, мое и свое. С участка, где нам поручили взорвать еще один мост, уже более суток не поступало никаких донесений. Оказалось, что фронт там все еще держали бойцы под командованием молоденького рабочего в комбинезоне. Это была застава прямо на дороге, расположенная в тесном и неглубоком ущелье. Противника перед ними не было. Прежние позиции они оставили только утром. Пришлось отойти, потому что ушли соседи — анархисты, занимавшие две высоты на флангах. В расположении этой заставы был небольшой мост, который удалось разрушить довольно быстро. В ту же ночь мы вернулись обратно. На другие участки фронта можно было теперь проехать только через Малагу, обходных дорог не было. Один участок от другого отделен горами.

На окраинах города мы увидели пока еще немноголюдные группы беженцев, направлявшихся на шоссе к Мотрилю. Люди шли молча и быстро, вряд ли они тогда предполагали, что им предстоит тяжелый и многодневный путь, что все заботливо перевозимые вещи они оставят на дороге, что на этой дороге они оставят многих своих близких, что многие не дойдут… Город за одну ночь сильно изменился. Окна закрыты, магазины не торгуют. На площадях и на главных улицах митингуют бежавшие с фронта анархисты, и это еще больше возбуждает население. Говорят, что гражданский губернатор Малаги перебежал к фашистам, и, кажется, не он один. В штабе сказали, что связь потеряна почти со всеми участками фронта. Ругали генерала Монха, командующего Южным фронтом. Некоторые считали, что генерал, хотя ничего и не предпринимал, но и никому не мешал, что он был только лишней инстанцией между Малагой и Валенсией, где находился Генеральный штаб республиканской армии, Министерство обороны и правительство. Так или иначе, но помощи Малага пока не получала никакой, ни оружием, ни людьми. Мало того, даже те военные корабли, которые стояли в Малагском порту, были отозваны и переброшены в Альмерию. С моря город оказался совершенно незащищенным.

Наступило пятое февраля. У малагских берегов показались

два фашистских крейсера: «Канариас» и «Балеарис». Начался методический обстрел города и побережья из орудий тяжелого калибра. Мы зашли в городской комитет компартии, надеясь получить информацию о положении на фронте, но там никого не было. Почти все коммунисты ушли на передовые позиции, благодаря этому некоторым подразделениям удалось восстановить связь со штабом через комиссаров. Телефонная связь сохранилась только с войсками, которые занимали оборону на побережье севернее Марбельи. Со дня на день ждали десанта с моря.

Нам предстояло подорвать еще один мост. Последний. Погрузив остатки динамита, мы снова поехали в горы в направлении Антекеры. В этих краях когда-то более тысячи лет тому назад мавры уничтожили испанское войско, что позволило им захватить затем и всю Андалузию, а позднее и Кастилию. Снова ночная дорога. Едем с потушенными фарами и очень медленно. Навстречу небольшими группами движутся отступающие войска народной милиции, как здесь называют добровольцев, вооруженных комитетами различных партий, главным образом коммунистической, социалистической и анархистской. В невидимых кюветах, на обочинах шоссе и проселков люди расположились на отдых. Слышится негромкий разговор, огоньки тлеющих цигарок очень редки, наверно, солдатам давно не выдавали довольствие. Грузовик с нашими бойцами продвигается почти вплотную за нашей машиной: так меньше риска кого-нибудь задавить, машины здесь тоже редкость, транспорта не хватает даже для эвакуации раненых. Дремлется, а не спится. Артур пристроил свою голову на мягкой обивке машины и мирно посапывает. Паскуаль сосредоточенно крутит баранку, объезжая бредущих в тыл солдат. Одолевают тяжелые мысли. Сейчас просто невозможно надеяться, что Малагу удастся удержать. То, что делает наш отряд, может задержать продвижение противника, но ненадолго. Хорошо, если удастся не потерять связь со штабом, организовать оборону на ближних подступах или хотя бы вести арьергардные бои, но и это вряд ли окажется возможным.

Последняя застава в ущелье была у небольшого, но на редкость массивного каменного моста обычной для юга Испании кладки из огромных камней. На такой мост надо израсходовать полтонны динамита, а у нас осталось не более трехсот килограммов. Осмотрев мост, Артур погрустнел. Посоветовавшись со взрывниками, он решил подорвать часть моста с края, обращенного к пропасти; другой край почти упирался в сплошную скалу. Командир заставы, очень деятельный

и очень молодой, настроен оптимистично. Он считает, что если мост будет подорван, то на этих позициях можно принять бой и с превосходящими силами противника. Пока перед ним всего небольшой заслон фашистов, который разместился за мостом в каменной часовне.

— Они приходят туда вечером, а на рассвете снова уходят.

Артур спросил, думает ли командир удержать позиции силами одного своего отряда. У того на этот счет не оказалось никаких сомнений. В его распоряжении около двадцати бойцов, и все с винтовками, добавил он гордо.

— Хорошо, если бы и вы остались с нами, — попросил он улыбаясь…

— Кто у вас справа и слева?

— Наверху в горах есть еще бойцы, но это уже не мои.

— Вы уверены, что они и сейчас там?

— Днем были… — ответил командир, но уже с меньшей уверенностью.

Неожиданно он предложил нам «послушать» противника. Артур равнодушно отказался, а я, конечно, согласилась, было любопытно. Офицер пошел со мной сам. Он осторожно разобрал каменный барьерчик высотой в полметра, разграничивающий расположение воюющих сторон, и галантно пропустил меня вперед. Дорога за перегородкой была очень узкой и заваленной камнями.

Кажется, здесь ее уже кто-то пробовал ковырять. Приходилось жаться к скале, чтобы не угодить в пропасть. Через несколько шагов я нащупала вторую каменную перемычку, за ней, вглядевшись, можно было различить и часовню. Офицер сел на корточки за камнями и шепотом сказал:

— Я останусь здесь, вы не бойтесь, в случае чего я буду бросать гранаты.

— Куда?

Офицер махнул рукой в сторону часовни.

— Лучше не надо…

Подкравшись к часовне, я приложила ухо к стене. Внутри был слышен неясный ленивый разговор, какие ведутся за последней перед сном сигаретой. Окон в нашу сторону не было, и мне скоро наскучило слушать, тем более что слов я не разбирала. Офицер все еще сидел на корточках за камнями.

— Ну, как? — спросил он с видом хозяина, доставившего гостье интересное развлечение.

— Ничего не поняла. Давайте захватим их в плен или убьем!

— Что вы! — замахал он руками. — Это можно только в бою.

— Вот и будет бой.

Офицер недовольно пожал плечами.

— Вы уйдете, а я здесь останусь расхлебывать…

Когда мы вернулись, мост уже был подготовлен к взрыву. Все отошли за ближайший поворот дороги и укрылись. Молина поджег шнур. Через минуту раздался взрыв. Хорошо, что в горах много поворотов и ниш. На ровном месте, пожалуй, укрыться от камней было бы трудно. На рассвете вернулись в Малагу, но поспать и даже поесть на этот раз не удалось. В штабе неожиданно решили оборонять город во что бы то ни стало. Это было тем более неожиданно, что связь к утру бала потеряна почти со всеми участками. Связные штаба не возвращались, связные из частей приходили редко, и, пока добирались до города, не было никакой гарантии, что они найдут свои части там, где их оставили.

Телефонная связь была только со штабом полка в окрестностях Фуэнхиролы — самом отдаленном участке фронта в направлении Марбельи, португальской границы. Там только что сменился командир, точнее сказать, прежний штаб рассеялся целиком, начальника штаба еще не назначили, а моего командира Артура Спрогиса назначили туда советником и велели немедленно выезжать в войска.

На этот раз отряд остался в казармах. Хосе сказал, что они будут в полной готовности и выедут к нам на позиции по телефонному вызову. Артур каким-то способом достал бочонок бензина и велел держать его в грузовике. Нашу машину заправили бензином полностью, да еще в багажник поставили бидон. Вопросов я задавать не стала, но быстро сообразила, чем в таких случаях надо запасаться. Мы ехали с Артуром вдвоем на легковой машине. Карманы раздулись от обойм к пистолетам, пачек печенья и бинтов. Я заметила, что в машину Артур никаких запасов не берет.

— Нет смысла, — сказал он. — Если машина не будет потеряна, мы всегда доберемся до какой-нибудь каптерки, а если ее придется бросить, то нести припасы будет некому…

Наелись мы перед отъездом до отвала: кто знает, когда еще доведется пообедать?

Глава 3. Катастрофа

Дорога вьется по низкому берегу Средиземного моря. Горизонт чистый и пустынный. Радуемся, что не видно фашистских крейсеров. С другой стороны горы, которые отступают все дальше и дальше за море, оставляя место для обширной долины с невысокими холмами. Кругом тихо и совершенно безлюдно. Одинокие венты, мимо которых нам доводилось проезжать, были пусты.

Но вот из-за поворота вынырнули два небольших броневика. Проехали быстро. Шофер одного из них что-то крикнул нам, но не остановился. Внутри мелькнули офицерские фуражки. И снова дорога пустынна. Вскоре подъехали к маленькому поселку, расположенному на самом берегу. Затормозили у первого попавшегося на окраине дома, где и оказался штаб войск, оборонявших Фуэнхиролу. Часового в дверях не было. В темноватом длинном зале с гулким каменным полом только один человек. В ярких лучах солнца четко вырисовывались на фоне окна острые плечи с погонами и гордо приподнятая голова. Услышав наши шаги, он резко обернулся. Не молод, но красив и строен. Тонкий крупный нос, глубокие серые глаза и очень темный цвет лица. Мне показалось, что он хотел опустить руку на кобуру пистолета. Возможно, что он этого не сделал из-за появления женщины. Я поторопилась представить Артура, опасаясь, что полковник примет его за немца. Вообще говоря, мы и сами не были защищены от встречи с неприятелем, слишком необычной была обстановка. Командиры обменялись осторожными вопросами, а я пыталась сделать непринужденный вид, каждую минуту готовая внести в план поправки в случае непредвиденных осложнений. Оказалось, это был командующий данным участком фронта, прибывший сюда всего за полчаса до нас; о назначении советником Артура ему в штабе ничего не сказали. Штаб полка действительно исчез, от него остались на месте только вестовой и телефонист. Двоих офицеров полковник тотчас же по прибытии послал на позиции выяснить обстановку и установить связь.

— Я так задумался, что не слышал сначала шума ваших шагов, — оправдывался он.

Задуматься полковнику было о чем. Людей нет, на столе груда бумаг и карт. Принимать «дела» решительно не у кого. Командиры начали рассматривать карту расположения войск на участке. На ней была масса отметок, из которых можно было заключить, что на позициях, выдвинутых на пятьдесят

километров западнее по берегу моря и на десять-пятнадцать километров в сторону гор, занимают оборону два батальона, численность которых приближается к составу рот. Одна рота расположена в горном проходе на дороге к Мундо. Резерва никакого. Машин в распоряжении как штаба, так и войск нет, средств связи тоже нет. Однако надо было что-то предпринимать. Командиры разложили карты и начали прикидывать план обороны участка, предполагая, что занимаемые утром позиции еще удерживаются. Если солдаты отступили, они должны были пройти мимо Фуэнхиролы. Но это весьма предположительно. Они могли отойти горами, как только стало известно, что штаба нет. Полковник предложил нам выйти посмотреть на позиции издали. Перешагнув порог, я невольно вздрогнула и остановилась: с открытого моря, густо дымя, приближались два фашистских крейсера. Первый подошел так близко, что можно было рассмотреть людей, суетившихся на палубе. Даже не искушенному в военном деле человеку было ясно, что на борту десантные войска. В полукилометре от берега крейсер развернулся и направил стволы бортовых орудий на поселок. Чтобы не обнаружить себя, мы по одному перебежали до ближайших кустарников и оттуда стали наблюдать за этими маневрами. Поселок, видимо, был покинут жителями, и там никакого движения не наблюдалось.

Второй крейсер остановился и тоже развернулся. На «Канариасе» восемь восьмидюймовых орудий главного калибра.

— Ближе они не подойдут, — сказал полковник, — здесь мелко. Очевидно, будут высаживать десант на катерах.

Прикинув расстояние, я сообразила, что в этом случае мы успеем добежать до нашей машины… Это меня успокоило. Стало ясно, что мы, по всей вероятности, останемся здесь до окончательной развязки втроем, имея в резерве двух бойцов и шофера… Оставалось надеяться, что десант почему-либо не высадится или высадится в другом месте, отчего, наверно, легче не будет, но все-таки…

— Если бы наше положение было безнадежным, поступил бы приказ об отступлении, — вяло утешал Артур.

Эти слова адресовались, по-видимому, мне для успокоения. Все понимали, что положение безнадежно, но приказа об отступлении не было. Мы еще не знали, что в это время штаб Малагского фронта выехал из города, никого не предупредив. Был час дня.

Насмотревшись на далекие горы, где еще могли быть бойцы республиканской армии, и на четкие силуэты крейсеров, мы вернулись в штаб. На пороге нас встретил вестовой.

— Вам велено немедленно возвратиться в Малагу, — обратился он к Артуру.

Артур пожал плечами. Ехать, конечно, придется, приказ есть приказ, но прежде он решил связаться со штабом и выяснить, в чем дело. Телефонист приник к аппарату, а командиры начали договариваться о дальнейших действиях. Малага не отвечала. Несколько минут телефонист пытался установить связь, потом безнадежно опустил трубку.

— Малага не отвечает.

Вот как, даже городская станция не отвечает…

— Должен был остаться хотя бы дежурный, — робко заметила я. Артур посмотрел на меня, как на последнюю тупицу, и отвернулся к окну. В комнате воцарилось долгое молчание.

— Давайте поедем в штаб вместе. Там все и выясним, — предложил Артур.

— На мое имя никакого приказа не поступало, — твердо заявил полковник. — Кроме того, там мои люди. Если вы не возражаете, я поеду вслед за вами, скажем, через час.

Артур сделал еще одну безуспешную попытку уговорить полковника, но он остался непреклонен. Проводив нас до машины, он пожал нам руки. Отъехав немного от штаба, мы встретили два грузовика с морской пехотой. Артур с облегчением вздохнул. Но потом оказалось, что они подъехали как раз в тот момент, когда к поселку прорвались фашистские танки. Одновременно начался десант с крейсеров. Бой длился всего несколько минут. Одного из этих матросов мы увидели уже в Велес-Малаге. Это был единственный, уцелевший в том бою. Полковник погиб вместе с ними.

В то время как мы въезжали в Малагу, фронт, на который мы предполагали вернуться, перестал существовать. Малага встретила нас молчанием, необычным в этот предвечерний час. Двери и окна домов плотно закрыты, на улицах никого. Сначала мы направились в дом советника Киселева. Около решетчатых ворот особняка стояли часовые, но дом оказался пуст. Пришлось вернуться к воротам и расспросить часовых. Определенного мы от них ничего не узнали.

— Из дома все выехали, никаких распоряжений мы не получали.

— Наверно, вернутся, — предположила я.

— Наверно, нет… — хмуро ответил часовой.

Снова вошли в дом. Видимо, отъезд был неожиданным и поспешным. В Машиной комнате я увидела ее платья и другие вещи, но никаких признаков сборов в дорогу. Побросав Машины вещи в чемодан, я захлопнула крышку. Артур сказал, что,

вероятно, фашисты начали наступление на Велес-Малагу с целью отрезать от республиканской территории весь малагский участок фронта. В этом случае не оставалось ничего другого, как немедленно оставить город и попытаться наладить связь с войсками из Мотриля.

— Если дорога у Велес-Малаги перерезана, нам уже торопиться некуда, — сказал Артур. — Дождемся темноты и выйдем из окружения горами.

Решили прежде всего поесть и собрать, что можно, про запас. На кухне отыскали две булки и кусок колбасы. Пока я заглядывала в кастрюли, Артур погрузил в машину оставшееся оружие и боеприпасы. Паскуаль взял запас бензина. Теперь можно было заглянуть в штаб и попытаться установить, что там произошло. Мы ведь даже не знали, куда штаб девался. Около штаба часовых не было. Двери и окна распахнуты настежь. Ветер шуршит по полу разбросанными бумагами и выносит их в окна… Видимо, здесь ничего не жгли… Больше в городе делать было нечего. Поехали в казарму. Был пятый час. В казарме все уже было готово к отъезду. Ждали нас. Хосе рассказал, что с фронта нас вызвала Маша. Это было уже в последнюю минуту, когда командующий войсками Малагского фронта садился в машину. Артур договорился с Хосе, что отряд немедленно выедет на Велес-Малагу, а мы заедем в госпиталь за нашими ранеными и за семьей шофера Паскуаля. Через минуту мы мчались по горной дороге в военный госпиталь. Там осталось двое наших бойцов. Кое-где слышалась перестрелка, но фашисты, видимо, еще не вошли в город. Наверно, там начали хозяйничать местные реакционеры. Потом мы узнали, что танки фашистов в это время были в пяти километрах от окраины Малаги, но на ночь глядя командование не рискнуло вводить в город войска.

Госпиталь находился высоко в горах, километрах в пяти, во всяком случае, фашисты добрались бы туда в первый же день. Там еще никто ничего не знал. В последние три дня раненых не привозили. Врач сбежал. Осталась только сестра. Бедная женщина металась по палатам, не зная, что предпринять, и не смея отлучиться. Продуктов утром не привезли, и все чувствовали, что положение резко ухудшилось. Теперь события развертывались по минутам. Было около семи часов вечера. Малейшее промедление могло поставить нас в безвыходное положение. Артур быстро прошел в палату и бегло оглядел ряды тесно стоявших коек, отыскивая наших бойцов. Они сразу заметили нас и поднялись навстречу. Сначала бойцы очень обрадовались, но тут же почувствовали, что произошло что-то неладное. Ничего не спрашивая, они начали собирать свои вещи. К нам подошла

сестра. Она растерянно смотрела на больных, уходящих без спроса, но промолчала.

— Скажи всем, — обратился ко мне Артур, — что город оставлен. Раненым надо уходить, кто куда может… Пусть тем, кто не может ходить, помогут товарищи…

Я начала переводить. Вокруг нас сразу собрались все, кто мог стоять на ногах. Остальные повернули головы и внимательно слушали, пытаясь постичь, что произошло. Казалось невероятным, что за ними никто не приедет, но это было так. Вся палата пришла в движение. Больные вскакивали с коек и срывали бинты: попасть к противнику с огнестрельным ранением означало верную смерть. Некоторые молча и угрюмо собирали вещи. Отовсюду сыпались проклятья и возгласы отчаяния. Лежачие беспомощно озирались на товарищей, не смея просить о помощи: большая часть раненых сами еле держались на ногах. Сестра в отчаянии выбежала из палаты и вернулась с одеждой и пачкой бинтов. Некоторые бойцы пошли с ней, чтобы принести одежду другим.

Волнение вскоре улеглось, хотя вспышка и была бурной. Раненые были настоящими бойцами и умели держать себя с достоинством. Потом сестра начала раздавать лекарства и хлеб. Пока они одевались, она подошла ко мне. Никогда не забуду ее глаз, скорбных и возмущенных одновременно.

— Вы понимаете, остаются самые тяжелые. Они не могут обойтись без помощи, без ухода, без врача… Они погибнут…

Сестра прижала руки к груди и замолчала. Я тоже молчала. Ответить было нечего.

— Пора ехать, — напомнил мне Артур.

Услышав, что Артур заговорил, раненые замолчали и повернулись к нам. В их глазах засветилась надежда: может быть, командир предложит выход из положения. Я не могла им сказать, что речь шла всего-навсего о прощании, и не могла повернуться к ним спиной и уйти. Нельзя уходить, когда на тебя так смотрят десятки горящих глаз. Никто ни о чем не просил, они только смотрели, а я не находила в себе сил повернуться и выйти. Так мы и стояли, пока Артур не приказал отправляться к машине.

Стало темнеть. На восточной окраине большое скопление беженцев. Нам едва удалось проехать по запруженным улицам. На шоссе в Мотриль, казалось, устремился весь город. У небольшого, запертого на все запоры дома машина остановилась. Паскуаль выскочил и принялся колотить кулаками в двери. Ему долго не открывали, наверно, боялись. А время шло, перестрелка начиналась то в одном, то в другом конце улицы. Наконец, дверь открылась, и Паскуаль вошел в дом. Через несколько минут он

вышел и молча сел за руль.

— А жена? — спросила я.

— Она не поедет, у нее больна мать, а младший сын еще грудной…

— Постой, — сказал Артур и, вынув из кармана, протянул Паскуалю пачку денег. — Это твоя получка, немного вперед. Ей на первое время хватит.

Паскуаль обрадовался, взял деньги и опять кинулся в дом. В это время перестрелка началась и на соседних улицах. Мы не стали выяснять обстановку, и, как только Паскуаль сел за руль, машина тронулась. В нескольких километрах от города мы нагнали отступающие войска. Комиссар Боливар с группой коммунистов из горкома и небольшим отрядом пытался восстановить порядок в рядах отступающих и сформировать отряды для арьергардных боев. Но прежде им пришлось вести настоящий бой с анархистами, хотевшими захватить транспорт и улизнуть в тыл вместе с оружием. Повернуть их лицом к фронту никто не смог бы, но транспорт и оружие отбирали, тем более что многие солдаты готовы были укрепить заставу, если дадут оружие. Боливар сказал, что в городе республиканских войск уже не осталось.

Обычно до Велес-Малаги не больше часа пути, но мы добрались до этого городка только поздно ночью. Как и можно было ожидать, весь штаб вместе с командующим, полковником Вилльяльбой, оказался там. Предполагалось, что именно в этом месте противник попытается отрезать Малагу от остальной территории республиканцев. Штаб расположился в большом каменном доме на берегу моря. В темном зале с каменным полом и низкими потолками оказалось много народа. Здесь были также и представители гражданских властей и различных партийных организаций. На деревянном табурете, низко опустив голову, сидел Вилльяльба. Он был еще сравнительно молод, с мрачными черными глазами, в которых угадывалось, скорее, не утомление, а отчаяние от сознания безнадежности положения. При нашем появлении Вилльяльба немного оживился и внимательно посмотрел на Артура, но не задал ни одного вопроса. В комнату непрерывно входили самые различные люди: офицеры и бойцы, потерявшие свои подразделения, связные, приносившие известия из частей, которые уже рассеялись, и те, которые должны были доставить приказ командирам и не могли их разыскать… Прибывали и связные от подразделений, ведущих арьергардные бои. В эту ночь отступления из Малаги штаб еще не наладил связь с войсками и фактически потерял управление. Некоторые офицеры остались при войсках, другие выбрались с фронта и из

города в разное время и разными способами. В помещении становилось душно. Свет не зажигали. Только в глубине зала слабо мерцала масляная коптилка, освещая часть деревянного стола и темные человеческие фигуры. Я присела на табурет и, кажется, заснула, но вздремнуть так и не удалось. Артур просто стряхнул меня с табурета:

— Быстро в машину! Едем дальше.

В помещении почти никого уже не было, штаб выехал, и мы остались одни. В открытые двери ветер заметал соломенную труху и обрывки каких-то бумаг. Я оглянулась на больного Люиса. Он все еще спал, и лицо его казалось почти неживым.

— Люис, вставай! Надо ехать дальше.

Он уставил на меня сонные глаза, потом тяжело поднялся и оглядел комнату, будто вспоминая, как сюда попал. Ночь была на исходе, солнце еще не взошло. С гор тянуло холодком. Заметно посветлел восток. Дорога казалась пустынной. Откуда-то доносились тихие голоса. Это были беженцы, они провели ночь на берегу и теперь начали подаваться на шоссе. Вскоре мы смогли их разглядеть. Детей и больных они несли на руках. Вещей почти ни у кого не было. Только женщины были с небольшими узелками с едой. Они вышли из деревень в окрестностях Малаги, наверно, несколько дней назад. Городские беженцы вряд ли прошли за эту ночь с десяток километров. Светало. Дорога стада быстро наполняться толпой уставших голодных людей. Все направлялись на восток. Кто-то сказал, что фашисты уже вступили в город. Было восемь часов утра, по шоссе двигалась плотная колонна безоружных солдат. Впрочем, кое-кто был и с оружием. Многие бойцы шли со своими семьями, несли на руках детей. А может быть, они несли и не своих детей… Это была не регулярная армия, а вооруженные крестьяне, защищавшие свои села и теперь вынужденные уходить. Они оставили все свое имущество, спасая только родных.

— Я думаю, что фашисты сегодня не будут продолжать наступление, — сказал Артур, подойдя к нам.

— Шоссе так забито, что продвигаться по нему с техникой, да и без нее просто невозможно, — ответила я и подумала, что Артур выразил скорее надежду, чем убеждение: фашисты могли пойти и по беженцам.

Вскоре стало ясно, что они так и сделали. С утра начались налеты авиации и расстрел людей из орудий крейсеров, продвигавшихся вдоль берега. Со стороны моря дорога была открыта почти на всем протяжении до Мотриля — километров сто. Мы немного отъехали до того места, где машину можно было поставить на обочину. Паскуалю пришлось менять колесо. Артур

все смотрел на дорогу, ожидая наших. Время шло, а их все не было. Теперь беженцы шли сплошным потоком. С глубокой печалью мы смотрели на этих растерянных и утомленных до предела людей, но помочь ничем не могли.

Наконец, мы заметили Хосе. Он протискивался к нам через толпу и махал над головой своей черной шляпой с широкими помятыми краями. Рядом с ним замелькали поднятые над головами пилотки и береты. Здесь оказалась почти половина нашего отряда. Артур на радостях обнял Хосе. На душе стало немного легче. Я боялась, что в этом хаосе ребята потеряют машину и будут вынуждены идти всю дорогу пешком. И действительно, анархисты пытались отнять у них грузовик, но наши бойцы отстояли его и уже успели дважды съездить в Мотриль с больными и ранеными. Сейчас грузовик пошел туда в третий раз с многодетными семьями.

— Это хорошо. Только смотри, чтобы хватило бензина.

Хосе успокоил Артура. В машине, как всегда, имелся бочонок горючего. Разведчики — народ предусмотрительный.

— Кстати, мы одну машину прихватили по дороге. Их там, немного подальше, без горючего довольно много.

Хосе указал на стоящую у обочины восьмиместную «Испано-суизу». Артура это очень обрадовало. В двух машинах можно было разместить вместе с нами всех оставшихся на шоссе бойцов нашего отряда. Кое-как разместившись, мы тронулись в путь. Время шло томительно медленно. Дорога то уходила в горы, то снова лепилась к самому берегу моря. Над головой нависали серые скалы, покрытые зарослями кактусов. Пресной воды нигде не встречалось. Около полудня мы увидели на обочине Вильяльбу с двумя адъютантами. Он стоял у края проезжей части и хмуро смотрел на протекающий мимо людской поток. Позади стояла шикарная штабная машина. Шофер безнадежно копался в моторе. Артур тронул Паскуаля за плечо и показал на полковника. Машина стала выруливать, пробираясь к командующему, но путь преградил какой-то конный отряд. Коней бойцы вели под уздцы, а в седлах сидели дети. Наконец, мы приблизились к обочине, и Артур предложил командующему место в нашей машине. Впервые за эти дни я увидела на лице Вильяльбы слабую улыбку. Артур предложил также в распоряжение полковника наш отряд, но тот только махнул рукой и весь оставшейся до Мотриля путь не проронил ни одного слова. Правда, он заметно забеспокоился, когда через несколько километров мы встретили на пути и нашего советника, полковника Киселева. Похоже, что такое совпадение не было случайным. Киселев стоял около заглохшей машины и тоже с

надеждой смотрел на шоссе. Мотор они уже и не пытались заводить. Рядом стояли Маша, радист Лева Хургес и шифровальщик Василий Бабенко. Положение у них сложилось не из легких. Пришлось и их взять с собой. Я уже сидела у Артура на коленях, а оба адъютанта Вильяльбы стояли на подножках машины. Пришлось оставить на дороге наших бойцов, которые ехали на второй машине. Договорились, что они будут дожидаться грузовика. Маша от радости теребила меня и что-то рассказывала, морща свой маленький носик. Они уже потеряли всякую надежду на машину и собирались двинуться пешком. Оказалось к тому же, что все они голодные и не захватили в дорогу провизии. Я вспомнила накрытый стол на их вилле в Малаге и поняла, что не ели они более суток. Пришлось делить две булки на всех, те две булки, которые я, уезжая, прихватила с собой и берегла на крайний случай. Большую долю надо было отдать шоферам: они работали, и еще неизвестно, сколько времени нам выбираться. Кусок булки дала командующему. Он поблагодарил кивком головы. Остальное разделила между всеми. Каждому досталось по крошечке. Колбасу оставила в резерве.

Дорога постепенно становилась свободнее. Основная масса беженцев еще не дошла до этих мест. Теперь встречались только те, кто вышел из Малаги заблаговременно. Однако здесь шоссе было значительно уже, и горы притиснули его к самому морю. Небо и море ослепительно блестели бледной голубизной. Несмотря на то что был еще февраль, жара давала о себе знать, и без воды стало мучительно тяжело. В это время фашистский крейсер подошел близко к берегу и начал обстрел. Снаряды врезались в скалы, и шоссе стало засыпать крупными обломками камней. Люди бросились бежать, подхватывая на руки детей, теряя последние пожитки. Слышался плач и стоны раненых. Все торопились добежать до поворота, где дорога удалялась от моря. Старики со слезами умоляли родных бросить их и спасать только детей. Наши машины остановились. Мы вылезли и легли на землю, чтобы переждать. Один снаряд упал прямо на шоссе, метрах в ста от нас. Когда крейсер удалился, мы встали и некоторое время шли пешком. На пути лежала опрокинутая деревенская тележка. Из кучи тряпья свисала детская ручка. Я бросилась к этой тележке, но, взглянув на ребенка, поняла, что помощь уже не нужна… Вот с этого момента я почувствовала, что уже не смогу оставить оружие. Для меня началась новая жизнь — жизнь солдата.

Мы переночевали в каком-то пустом доме, а утром пошли разыскивать наших бойцов. Проколесив по улицам до полудня, вернулись обратно. Пора было подумать об обеде. Оказывается,

мы потратили зря столько времени и просто недооценили наших товарищей — все они вместе со своим грузовиком уже ждали нас около подъезда. Они даже приготовили обед — котелок вареного гороха и несколько ломтей ячменного хлеба.

— Это мы получили в интендантстве, — пояснил Ретамеро, косясь на меня. Но на этот раз я не стала допытываться, где это «интендантство» находится.

— Я не думаю, что наши ребята получили это незаконно, — обратилась я к Артуру.

Артур ничего не ответил, склонив голову на стол. Он крепко спал. Пришлось разбудить его, чтобы поел. Молина принес большой таз воды, положил рядом кусочек зеркальца и выгнал из комнаты всех ребят. Пока я мылась, бойцы за дверями обменивались впечатлениями о дороге. Оказывается, на шоссе у них далеко не все проходило гладко. Дважды им пришлось отбивать свой грузовик от анархистов. За Мотрилем из-за этого произошел настоящий бой. На память остались синяки и царапины. Героем событий стал старик Молина, он участвовал во всех схватках. Несколько человек отстали в пути и добрались до города под утро, двоих не хватало.

Хосе ушел в горком партии, и мне пришлось пока взять бытовые вопросы на себя. Артур, отоспавшись, направился в комендатуру, да там и остался. Оказывается, его назначили помощником коменданта города, а обязанности переводчика взял на себя Люис, который немного знал русский язык. Я послала Сальвадора разыскивать штаб и велела оставаться потом в комендатуре для связи, а Ретамеро пошел в интендантство получать на отряд продукты. Остальных бойцов надо было отпустить в город разыскивать семьи и земляков. Клаудио занялся основательным осмотром и ремонтом наших машин, надо было также запастись бензином. Так, в хлопотах мы постепенно отходили от дорожных впечатлений. Сведения о положении на фронте поступали скудные. Стало известно, что Малагу фашисты заняли утром восьмого февраля и что на улицах и площадях города началась настоящая бойня. Расстреливали всех, кого подозревали в принадлежности к партиям Народного фронта или в причастности к сопротивлению фашистам, хотя бы и невооруженному. Позднее стадо известно, что таких оказалось восемнадцать тысяч.

Артур вернулся поздно и, наскоро поделившись новостями, пошел обратно. На следующий день штабу удалось установить связь почти со всеми крупными подразделениями, ведущими арьергардные бои. К ним присоединились два батальона пехоты из резерва Южного фронта. Судьба оставшихся в тылу мелких

отрядов была неизвестна. К северу от Мотриля обстановка была неясной. К концу десятого февраля противник начал подходить к стенам Мотриля. Штаб фронта выехал в Альмерию, но Артур остался и отряд не отпускал. Только когда к фронту подошел батальон имени Чапаева и 13-я Интернациональная бригада, фронт начал стабилизироваться.

Глава 4. Что такое «активная разведка»

Одиннадцатого февраля мы рассчитывали уже находиться в Альмерии. Необходимо было пополнить боеприпасы, отоспаться и, конечно, помыться. Но все планы неожиданно были спутаны. Время перевалило за полдень, и мы почти собрались в дорогу, когда Артура вызвал в свой штаб советник Киселев. На всякий случай и я пошла с ним. Ведь могло случиться, что он получит срочное задание и потеряет время, чтобы зайти за мной. Так и оказалось. В помещении, занимаемом Киселевым, оказались два летчика. Молодые люди выглядели довольно сконфуженными, очевидно, полковник только что закончил с ними не совсем приятный разговор.

Киселев кратко объяснил Артуру обстановку: экипаж скоростного бомбардировщика СБ совершил вынужденную посадку на территории, где шел бой; летчикам удалось отступить с республиканцами, и их доставил сюда встретившийся на пути штабной майор. Спасти или хотя бы разоружить самолет не удалось, потому что он был посажен горящим в сахарные тростники, и на борту был еще один член экипажа, тяжело раненный. Этот тип самолета противнику был малоизвестен, нельзя было ни в коем случае допустить, чтобы он попал в руки фашистов. Тем более это относилось к секретному пулемету Шкас, находящемуся на его борту. Артуру полковник поручил немедленно отправиться в тыл противника, найти самолет и, сняв пулемет, уничтожать машину. Как далеко противник продвинулся по шоссе от того места, где произошло приземление, известно не было. Следовало готовиться к худшему — к тому, что поиски продлятся всю ночь.

— Когда вы приземлились? — спросил Артур у летчиков.

— В первой половине дня, около двенадцати… Мы вышли на шоссе, и нас подобрал майор, который проезжал мимо на легковой машине.

— Долго вы шли до шоссе?

Было ясно, что Артур прикидывал, где следовало искать самолет и как далеко мог продвинуться противник по шоссе после отхода арьергарда. Он решил выехать немедленно. Зимой темнеет рано, и до цели добираться, по его приблизительным расчетам, придется только по шоссе более часа. Полковник дал нам в помощь одного пулеметчика с оружием. Пришлось просить майора, подобравшего летчиков, показать место, где он нашел их. Сборы заняли всего несколько минут. Из отряда вызвались идти Мануэль, Сальвадор, Леон и Ретамеро. Тут я впервые обратила

внимание на Леона и Мануэля. Первый был парнишкой совсем маленького роста, черноволосый, с девичьими чертами лица и небольшими, но удивительно круглыми глазами, которые всегда казались испуганными. Мануэль имел столь же невнушительную наружность; повыше ростом, но тоненький и хрупкий. Он отличался застенчивостью и очень серьезным выражением лица в сочетании с легкомысленно вздернутым носиком.

Около пяти часов вечера мы уже преодолели половину того пути, который с таким трудом проделали в течение двух суток от Малаги. Дорога теперь была почти пустынна, и все ранее пережитое здесь казалось нереальным, точно приснилось. Время от времени навстречу попадались запоздавшие грузовики, собиравшие на шоссе отставших беженцев и раненых.

Чтобы скоротать время в дороге, мы начали понемногу знакомиться с нашими новыми спутниками. Пулеметчика звали Володей. Он бывший белоэмигрант, приехавший в Испанию из Франции. Высокий рыжеватый человек лет сорока, он по виду ничем не отличался от рабочего. По-русски говорил свободно, но мне его язык показался каким-то странным, неживым. Он, очевидно, это понимал и чувствовал себя скованно. Майор — тоже человек не первой молодости. Немного полноват, с поседевшими висками. Однако он оказался говорливым и довольно суматошным, с массой благих намерений и небольшой долей решительности. У меня сложилось впечатление, что он опрометчиво согласился нас сопровождать и теперь жалеет об этом. Машина мчалась на полной скорости, солнце быстро клонилось к горизонту, а до цели оставалось еще далеко. Вскоре нам повстречалась группа беженцев. Вид у них был измученный и потерянный. По мере продвижения вперед таких групп становилось все больше и больше. Мы задержались, чтобы расспросить людей о том, что они видели за последние часы. Оказалось, грузовики до этих мест не доходили, и на дороге осталось еще много детей и раненых. Майор, как мог, успокаивал людей, но у него самого настроение быстро падало. Становилось совершенно очевидным, что сопротивление республиканцев на этом направлении организовано слабо.

Через несколько минут после встречи с первыми беженцами нас остановила группа солдат. На руках у них были тяжелораненые. Они окружили наши машины и поднесли раненых. По всей вероятности, они были уверены в том, что мы возьмем раненых, отвезем их в госпиталь и вернемся за остальными, и спорили между собой о том, кого надо отправить в первую очередь. Услышав наш отказ, они просто не поверили своим ушам. У меня от растерянности сжалось сердце. Артур был

в замешательстве. Он не мог объяснить людям причину нашего отказа и настойчивого продвижения вперед, к фронту, которого, по единодушному заявлению всех встречных, просто не существовало.

— Знаешь, — обратился ко мне Артур, — они, скорее всего, подумают, что мы решили перебежать к фашистам. Тем более что некоторые офицеры так и сделали. Нас могут просто пристрелить. Будь осторожна в разговоре.

Я кивнула, но мне было совершенно непонятно, что в таких условиях значило быть осторожной. Ведь обратно повернуть мы не могли и объяснять всем встречным, какая нам предстоит операция, тоже не могли. Дальше ехали молча. На фоне догорающего заката причудливыми силуэтами, тревожные и загадочные в полутьме, громоздились уродливые кактусы. На вершинах Сьерра-Техеда еще скользили блики уходящих лучей, а небо становилось холодным, бездонным и безнадежно равнодушным к нашим земным горестям. Мы остались на шоссе одни. Вокруг ночная тишина. Вдруг на дороге обозначилась одинокая фигура, преградившая нам путь. Машины остановились. К нам нетвердым шагом подошел человек и взялся за ручку дверцы. Даже при таком слабом свете было заметно, что он очень бледен.

— Я ранен, — сказал он, — больше идти не могу, возьмите меня с собой.

— Кто вы?

— Командир роты, ранили сегодня утром. Моя рота уничтожена почти полностью.

— Сейчас мы не можем взять вас, — сказал майор. — Мы должны установить, где противник, кроме того, необходимо восстановить связь с нашими бойцами.

— Но там дальше никого из наших нет, я — последний!

— Если контакта с противником нет, я должен убедиться в этом лично, я не могу докладывать штабу с ваших слов, — убеждал майор раненого. — Мне поручено точно установить, где противник и где наши части или хотя бы последний заслон.

На лице комроты явно читалось недоверие. Артур и я не вмешивались в разговор. Переводить было излишне. Артур все понял и тихо сказал:

— Через несколько часов мы поедем обратно и сможем захватить его в Альмерию, подскажи это майору.

Итак, дальше никого из наших не было. А где же противник? Оставалось надеяться, что с наступлением темноты фашисты прекратят продвижение. Логики в этом не было, продвигаться выгоднее всего ночью, конечно, если дорога прямая и впереди нет

препятствий. Но мы уже по опыту знали, что фашисты ночью не наступают. Наши машины сбавили скорость и продвигались с потушенными фарами. Тьма точно невидимой рукой заслонила глаза. Наконец, Артур приказал остановиться. Он пошел вперед один и велел всем дожидаться сигнала. Через несколько минут мы различили мигающий свет ручного фонарика, и машины проехали еще метров триста. Так медленно мы продвигались около часа. Под конец Артур ушел, но сигнала не последовало. Минут через десять он вернулся.

— На дороге застава, придется объезжать проселком.

Он сел в машину и объяснил шоферу, где надо сворачивать. Проселок снова вывел нас на шоссе не так скоро, и мы проехали вперед еще несколько километров, пока впереди не показались огоньки. Дальше ехать на машинах было опасно.

— Далеко до того места, где приземлился самолет? — спросил Артур.

— Это за деревней, километров семь-восемь отсюда, — ответил майор.

— Если мы потеряем машины, обратно не выберемся. Оставим их здесь и дальше пойдем пешком.

Я не стала переводить это замечание, оно никому не адресовалось, и молча вылезла из машины. Артур приказал шоферам ждать нас до рассвета, а если мы не вернемся, бросить машины и отступать горами. Паскуаль загнал обе машины в тень высокой скалы и выключил моторы. Теперь наша судьба в значительной мере зависела от выдержки шоферов. Как определить тот момент, когда больше ждать невозможно? Пройдя немного по шоссе, Артур спустился к морю. За ним все остальные. Вот и деревня. Между домами и морем узкая полоса песка. На темный берег, шурша, наползают невидимые волны. Из окон крайних домов на песок ложатся полоски света.

— Дальше придется передвигаться ползком, — сказал Артур и первым опустился на землю.

Переводить не пришлось, все последовали его примеру. Некоторое время слышалось только шуршание, да изредка стук приклада о гальку. Никогда не думала, что ползти так трудно… Впереди обозначилась темная полоса сахарного тростника. Я обрадовалась, но быстро разочаровалась: тростник был залит водой, и пройти по нему невозможно. Мы пробулькали там около часа и были вынуждены выбраться на шоссе. Не успели сделать и нескольких шагов, как услышали шум мотора. На асфальт легли прямые лучи фар. Залегли у обочины. Мимо проехало несколько грузовиков с войсками. Если они доедут до наших машин… Наверно, об этом подумалось не мне одной. Когда мы поднялись,

оказалось, что Мануэль и Леон куда-то исчезли. На том месте, где они лежали, остался ручной пулемет и сумка с дисками. Пока Артур раздумывал, искать их или нет, майор начал объяснять, что поиски людей и самолета безнадежны, что он решительно не знает, где самолет может быть. Положение становилось неприятным, без майора мы проблуждаем по тростникам всю ночь. Артур попробовал уговорить его «вспомнить», но, вглядевшись пристальней, понял, что это бесполезно. Пришлось Ретамеро провожать майора к машинам. Так мы лишились сразу четырех человек. Артур протянул мне оставшийся без хозяина пулемет и сумку:

— Бери, будешь пулеметчиком.

Я была очень горда таким доверием, но, приняв драгоценную ношу, невольно пригнулась к земле. Артур спохватился, молча забрал у меня пулемет, но сумку с дисками все же оставил. Снова тростники. К нашему счастью, на этом участке вода оказалась спущенной. Осталась только жидкая грязь и сникшие стебли, переплетенные таким причудливым образом, что нога легко попадала в них, но вытащить ее обратно было трудно. Выдирая из тростников и тины то один, то другой ботинок, я плелась сзади. Так прошли несколько десятков метров, пока на пути не оказалась глубокая водосточная канава, выложенная по краям камнями. Мои товарищи легко перепрыгнули, но мне не удалось. Как только я заносила ногу над канавой, тут же чувствовала, что на другой край она не попадет: диски тянули меня книзу. Попробовала перебросить их, но рука не поднималась. Шаги товарищей постепенно затихли. Надо было торопиться, чтобы не потеряться, и я металась вдоль канавы, теряя драгоценные минуты. Наконец я прыгнула наудачу и попала прямо в канаву… Вода обдала меня с ног до головы. Но дно оказалось твердым. Все попытки вылезти ни к чему не привели, края были скользкими и довольно высокими. Хорошо, если мне вообще удастся выбраться. Надо идти к морю, другого выхода нет. Вода все прибывала, но диски в ней несколько потеряли в весе, и мне удалось выбросить их на край канавы. Без них я выбралась довольно легко. Сидя на краю ямы и едва переводя дыхание, я чувствовала себя совершенно счастливой. У меня каким-то чудом даже сохранился мой пистолет «Астра», который болтался на кожаном ремешке у запястья. Однако долго отдыхать нельзя. Надо разыскивать товарищей. Пока я блуждала по канаве, совершенно потеряла направление. Пришлось идти наудачу. Временами я останавливалась и прислушивалась, но из ночной темноты не доносилось ни звука. Пробовала идти зигзагами от берега к шоссе и обратно к морю, постепенно продвигаясь вперед. Через полчаса

основательно устала и продрогла. Наконец мне показалось, что почва под ногами стала тверже, тростники раздвинулись, и передо мной открылась небольшая возвышенность. В темноте трудно разобрать, но, кажется, там сухо и можно отдохнуть.

Чтобы не терять даром времени, я решала заодно перекусить и отломила большой кусок сахарного тростника. На полянке послышалось шуршание и женский шепот. Прихватив в ладонь «Астру», я шагнула вперед и наткнулась в темноте на маленькую фигурку, которая тут же исчезла, точно я дотронулась до нее волшебной палочкой. На секунду я замерла и расслышала испуганный всхлип:

— Мама.

— Тихо, ты! — последовало немедленно. Голос был женский.

— Кто здесь? — спросила я.

Никто не ответил.

— Не бойтесь. Кто вы?

— Беженцы, — ответил женский голос.

Я подошла и стала нащупывать место, где можно было бы опуститься на землю. Прямо перед собой наткнулась на маленькую ножку. Она вздрогнула, как испуганный зверек, и исчезла. Рядом оказалась ручка, в другом месте — еще ножка, головка… Всюду были дети.

— Сколько же их? — спросила я растерянно.

— Восемь, — печально ответила женщина. Восемь… и ведь завтра все они захотят есть!

Если бы у меня в ту минуту в руках оказался хлеб, хотя бы немного хлеба.

— Почему вы бежали?

— Муж с республиканцами — нас все равно убили бы. Далеко наши?

— Далеко.

Этой женщине не выйти к своим. Даже общими усилиями мы не смогли бы довести бедствующую семью к машинам, а тут я одна и тоже потерялась. Чтобы хоть что-то для нее сделать, я сняла с руки часы и протянула их женщине.

— Возьмите, может быть, обменяете на еду… Но она отстранила мою руку.

— У нас никогда не было часов, подумают, что я их украла.

Несколько минут мы тихонько говорили. Женщина сказала, что деревня занята фашистами, а самолет она не видела. Немного отдохнув, я снова пошла на поиски. Похолодало. Ветра не чувствовалось, но поднимающаяся от воды сырость пробирала до костей. Даже ходьбой согреться не удалось. Неожиданно я услышала шаги сзади. Отступив в гущу тростников, остановилась

и прислушалась. Шаги быстро приближались. Не доходя до меня два-три метра, человек тоже остановился и затих. Так мы и стояли друг против друга несколько секунд. Затем человек прошел мимо, и я узнала по фигуре Сальвадора. Тихонько свистнула. Оказывается, его послали искать меня. Никто не заметил, где именно я потерялась. Вскоре мы нагнали и остальных. Они все это время обшаривали тростники, но самолета не нашли, а ночь перевалила уже на вторую половину.

— Разойтись всем и прочесывать тростники, — сказал Артур.

Он распределил между нами участки и приказал тому, кто найдет самолет, посвистеть. Мы разошлись, но Сальвадор больше от меня не отставал ни на шаг. Пробродив без толку целый час, мы, наконец, собрались у шоссе. Все очень устали и дружно опустились на землю. Немного посидев, Артур поднялся и приказал ждать его на этом месте. Несколько минут мы лежали молча.

— Закурить бы, — прошептал Володя.

— И не думай! Командир некурящий, в такой обстановке… Он тебя не поймет…

Курить хотелось и мне. Пошептавшись, решили покурить «в рукав». Володя дал мне маленькую сырую сигаретку. Закурили со всеми предосторожностями.

— Ты бы сказала командиру, — неуверенно произнес пулеметчик, — пора возвращаться. Если нас здесь застанет рассвет…

— Ты бы сам и сказал, — ответила я зло. — Думаешь, мне приятно встречать здесь рассвет?

— Мне неудобно, я мужчина…

Больше на эту тему говорить не стали. По шоссе прошуршала легковая машина. Мы воткнули в землю сигареты и пригнули головы. В это время подошел Артур.

— Метрах в ста от нас фашистская застава, — сказал он, опускаясь на земле рядом с нами. — Самолет я нашел, он прямо за нами в самом болоте. Наверно, поэтому охрана и поставлена на шоссе.

— Ты думаешь, у самолета охраны нет?

— Проверим. Подходить будем с четырех сторон. Кто первый обнаружит часового — должен убрать без шума.

Артур старается разглядеть выражение моего лица. Я рада, что темно. Впрочем, выхода нет. Часовой может оказаться на любом из четырех направлений, а нас всего четверо, значит, на одном из направлений должна быть я. Продвигались медленно, перед целью разошлись в стороны, и каждый начал заход со своей стороны. Друг друга мы не видели и не слышали. Хуже всего,

если кто-нибудь один вырвется вперед, а часовой окажется не с той стороны. Наверно, мысли у нас у всех были одинаковы, и мы вышли к цели одновременно. Когда я увидела перед собой темный силуэт самолета, справа послышался шелест тростников. Приглядевшись, различила фигуру Артура. Он стоял, не двигаясь. Чтобы выйти к самолету одновременно, оставалось только наблюдать за ним. С моей позиции было видно, что самолет посажен без шасси, поэтому его и оказалось так трудно найти. Через несколько секунд Артур сделал решительный шаг, и в тот же момент из тростников вышли остальные. В несколько скачков мы очутились около самолета и заглянули в кабину, которая оказалась открытой: прозрачный колпак валялся рядом, разбитый и изуродованный. Приборный щит светился циферблатами, на сидении пилота лежал развернутый парашют, два других оказались на сидении стрелка-радиста. Артур приказал Володе и Сальвадору идти в сторону шоссе, где была застава, на случай, если нас обнаружат и поднимут тревогу.

— Скажи им, чтобы стояли намертво, пока не услышат взрыва, а потом пусть догоняют нас, мы пойдем к морю и берегом попытаемся вернуться к нашим машинам.

Когда ребята ушли, Артур начал внимательнее осматривать самолет. Пулеметов на нем уже не было. Нам оставалось только уничтожить машину, то есть или сжечь, или подорвать. Артур решил сделать и то, и другое, потому что и для первого, и для второго у нас достаточных средств не было. Все, чем мы располагали, это коробок спичек, несколько гранат и тот бензин, который должен был быть в баках самолета. Но ни Артур, ни я не знали, где расположены бензобаки.

— Ты работала в авиации и должна знать, где бензобаки, — ворчал Артур, ощупывая борта кабины.

— Я работала в истребительной.

Впрочем, где баки у истребителей, я тоже не знала.

— Думаю, что бензин подают в мотор, а не в кабину, так что ты зря там шаришь.

Будто я виновата, что Артур понадеялся на меня и не расспросил у летчиков об уязвимых местах, в том числе и о баках.

— Надо простреливать бока, откуда-нибудь бензин потечет, — решил Артур. — Пойди, предупреди, чтобы они твердо стояли на месте. Если фашисты с заставы откроют огонь, не отвечать, но если станут пробиваться сюда, ни в коем случае не пускать.

Я пошла выполнять приказ, как мне думалось, последний в моей жизни. Я была уверена, что застава вступит в бой, ведь для этого она и поставлена. У меня в ту пору было мало опыта. Я еще

не знала, что охотников преследовать партизан ночью обычно находится немного. Не знала я и того, что ноги несут человека сами, независимо от того, мог он до этого бежать или не мог. Володя выслушал приказ молча, только глубоко вздохнул, а Сальвадору пришлось объяснять, почему именно надо простреливать бока самолета. Договорились после взрыва самолета каждому, кто как разумел, бежать к нашим машинам. Вернувшись, я увидела, что Артур уже нашел бензин. Он перерезал бензопровод.

— Теперь давай поджигать же скорее, — торопила я.

— Погоди, надо отвинтить какой-нибудь прибор, а то нам могут не поверить, что мы нашли самолет, — возразил Артур, ковыряясь в кабине.

— Ну и пусть не верят!

Но Артур оказался довольно упрямым. Ни слова не ответив, он вынул из кармана набор инструментов и начал выковыривать с приборной доски часы. В темноте слышалось только его пыхтение да изредка лязг инструмента о металлический щит. Когда злополучные часы оказались у него в кармане, Артур смочил в бензине парашюты, положил сверху несколько гранат и выпрыгнул.

— А чем зажигать? У нас нет ни шнура, ни пакли, ни запалов…

Артура это обстоятельство нисколько не смутило. Он вынул из кармана коробок спичек, взял из него насколько спичек и повтыкал их с обратной стороны лесенкой.

— Смотри, — сказал он, поднося коробок мне под нос. — Когда я зажгу первую спичку, то сразу брошу коробок в сторону самолета. За две-три секунды, пока он летит, по очереди вспыхнут все остальные, и под конец — весь коробок. Этого вполне достаточно, чтобы вспыхнул бензин. Отойди шагов на десять, сейчас буду бросать.

Я отбежала в сторону и, когда увидела вспышку, быстро прибавила к дозволенным десяти второй десяток шагов… Раздался взрыв, потом второй. Артур после рассказывал, будто я хотела поджечь самолет сама. Но я такого не помню. Если что-нибудь в этом роде и говорила, то, наверно, неискренне. Со стороны заставы раздались выстрелы. Затем еще и еще, но стрельба не приближалась. Видимо, нас не преследовали. Это, конечно, еще не значило, что противник отказался от намерения выловить нас другим путем или устроить засаду на обратном пути при возвращении к машинам. Надо торопиться. Добраться до машин мы могли только по берегу моря. Левее параллельно шло асфальтовое шоссе, по которому время от времени

проезжали машины, а сразу за шоссе поднимались отвесные скалы. Обратный путь был особенно трудным, я даже не предполагала, что мы могли уйти так далеко. Но все когда-нибудь кончается. Прошли деревню, где все еще горели в окнах огни. Артур не выдержал и решил выяснить, в чем там дело. Он пошел один и вскоре вернулся.

— Никого там нет. Дома, в которых горит свет, пусты, жители спрятались, а освещение оставили, боясь ограблений.

— Ты хотел пить…

— Хотел, но воздержался; в чужих домах лучше воду не пить, ведь здесь ожидались фашисты…

На рассвете стало холоднее, море слегка посветлело, и мы прибавили шаг. Ночью фашисты, очевидно, дальше деревни не продвинулись, но утром, не имея перед собой препятствий, продолжат наступление.

Вдали на шоссе показалась скала, под которой стояли наши машины. На фоне побледневшего неба стало видно, как на краю дороги нетерпеливо топчется Паскуаль. Моторы машин тихо гудели. Второй шофер сидел за рулем, а на заднем сидении, прижавшись друг к другу, крепко спали потерявшиеся Леон и Мануэль.

— Все-таки у них довольно крепкие нервы, — смеясь, заметил Артур.

Во второй машине по разным углам, хмуро погладывая друг на друга, сидели майор и Ретамеро. Они, видимо, не спали всю ночь, оба выглядели усталыми и злыми. Вырулив на шоссе, машины рванулись вперед и помчались, скрываясь от надвигающегося рассвета под тенью нависавших над дорогой каменных глыб.

В Мотриле задерживаться не стали. Советник Киселев тоже уехал в Альмерию. В комендатуре сказали, что резервные части уже заняли позиции в горах и на побережье. Когда мы достигли предместий Альмерии, солнце стояло уже высоко, становилось жарко. Среди первых домов несколько оказалось разрушено. Два дома еще дымились. На опустевших улицах обвалы кирпичных стен и битые стекла. Налет, очевидно, был ранним утром и вряд ли последним в такой безоблачный день. Бойцы отправились отдыхать, а нам предстояло устраиваться на новом месте.

Дом, где советник разместил свой штаб, оказался просторным, но Артур выбрал для нас две малюсенькие комнатки под самой крышей, куда вела крутая, как штопор, железная лестница с глухими стенами. Я очень устала после бессонной ночи, но перед сном надо было помыться, поесть и убрать комнаты, где, видимо, давно никто не жил. Естественно, что я

прежде всего начала ворчать. Надо же забираться в такую дыру, когда внизу много свободных и чистых комнат. Артур, как всегда, реагировал на мои капризы спокойно.

— Соображать надо, — начал он своей любимой фразой. — В городе действует фашистская агентура, можно ожидать любую провокацию. Здесь надо смотреть в оба.

Альмерия была главным портом, в который из Советского Союза прибывали транспорты с оружием и продовольствием. Там же был арсенал военно-морского флота республики. Наш советник Николай Герасимович Кузнецов большую часть времени тоже находился в Альмерии.

Пока я убирала комнаты, Артур пошел с рапортом к полковнику.

— В доме есть нечего, — сказал он, вернувшись. — Немного отдохнем и пойдем ужинать в ресторан.

Проверив выход на чердак и заперев двери, он лег и, повернувшись к стене, тотчас заснул.

Проснувшись, Артур велел мне надеть «гражданское» платье. Пришлось переодеваться, а свое дорожное платье я бросила внизу под лестницей. В кармане куртки остался один из моих пистолетов. Артур пошел в форме и при оружии. Полковник ушел раньше. Несмотря на поздний вечер, в городе шумно, как на берегу моря во время прилива. Тысячи беженцев разместились на мостовых. На окраине слышались редкие ружейные выстрелы. Около ресторана бойцам раздавали горячую пищу. Здесь на площади комплектовали небольшие отряды из добровольцев и отправляли их на шоссе. Бои шли где-то под Мотрилем.

В ресторане людно, но тихо. Большая часть посетителей в военной форме и без дам. Что было на ужин, я не помню. Очевидно, последовавшие события вытеснили это из памяти. Со мной так всегда случалось: чувство страха я не испытывала, но то, что происходило перед событием, которое производило наибольшее впечатление, я забывала начисто. Помню только, что поели мы очень быстро и вышли на улицу, не дождавшись полковника с его сотрудниками и охраной. На рассвете Артур предполагал выехать на передовые позиции. Шли молча. Я прикидывала в уме, что взять с собой утром. Могло случиться, что мы вернемся нескоро, могло случиться, что не вернемся в этот город совсем. Еще ничего не было ясно.

Артур вошел в дом первым. Он, не торопясь, пересек большой холл с антресолями и, миновав небольшую переднюю, начал подниматься по винтовой лестнице. Я чуть-чуть задержалась, чтобы прихватить свои брошенные под лестницей вещи, и, заторопившись, выронила из кобуры пистолет. Попробовала

засунуть его обратно, но в этот момент раздался напряженный, но негромкий голос Артура.

— Хосефа, не ходи сюда!

Приказ был таким неожиданным, что я не удержалась от вопроса:

— Почему?

— Не ходи, я тебе говорю!

Судя по голосу, Артур за эти несколько секунд не продвинулся ни на шаг и, видимо, стоял сразу за поворотом лестницы. Затем воцарилась напряженная тишина. Что бы это значило? Это было настолько необычно, даже в военной обстановке, что я не смогла побороть любопытство и начала подниматься по ступеням. В конце концов в руке под ворохом одежды у меня пистолет, и на моей стороне будет фактор неожиданности.

— Я хочу посмотреть, — проговорила я громко, чтобы Артур был предупрежден о моем появлении.

Он что-то проворчал с досадой и снова замолк. За поворотом лестницы я невольно остановилась. Прямо передо мной была спина Артура, а немного выше небольшого роста мужчина в черном пальто с поднятым на Артура пистолетом. За его спиной в такой же позе стоял второй. Это было так неожиданно, что я только удивилась, не успев испугаться, и не решив, как мне использовать свой пистолет. Я тихонько отвела предохранитель. Спросить Артура я не могла, эти господа могли понимать по-русски.

— Руки вверх! — заорал налетчик по-испански. Поднимать руки мне не хотелось, но никакой отговорки наскоро я тоже не могла придумать, поэтому ляпнула то, что вертелось на языке:

— Не хочу!

— Что? — переспросил господин в черном пальто. Видно было, он в полном замешательстве,

— Не хочу, — ответила я уже более уверенно. — Разве вы не видите, что у меня на руках вещи?

— Молчать! — грубо прикрикнул второй. Было ясно, что по-русски он не понимал.

— Как это — молчать? Я переводчица и должна переводить. Вы должны объяснить…

С этими словами я осторожно протиснулась, остановилась впереди Артура и теперь была прямо перед человеком в черном пальто. Это был упитанный господин лет сорока с лицом рядового филера и темными усиками под хрящеватым носом.

— С вами говорит полиция, поднимите руки! — приказал он еще раз, но в его голосе уже не было уверенности.

— Вы же видите, что у меня вещи.

Я подняла их повыше, и мой пистолет оказался на уровне его живота. Можно было стрелять, но как тогда быть со вторым полицейским и какой смысл стрелять, если это действительно полицейские из гвардии асальто, сформированной республиканским правительством в противовес гвардии сивиль, старой полиции, принявшей сторону Франко. Но это могли быть и провокаторы…

Артур сразу определил, что это самый подходящий момент, и мгновенно нырнул вниз, оказавшись за поворотом прежде, чем полицейский шевельнул пистолетом. В ту же секунду я бросила под ноги вещи и сунула свой пистолет полицейскому в нос. Для него это оказалось полной неожиданностью. Он охнул и отпрянул, чуть не потеряв равновесие. Теперь было ясно, что стрелять он не будет. Что касается меня, то я имела полное право стрелять, но создавать инцидент и тем самым способствовать задуманной провокации я не хотела. Таким образом, мы оба стрелять не могли, наверно к обоюдному сожалению, и начали перебраниваться. Диалог сводился к общепринятому шаблону: «А ты кто такой?!». Без этого, как известно, не начинается ни одна порядочная драка. Мне нужно было выиграть время, пока Артур, что-нибудь не предпримет, а полицейскому хотелось отнять у меня пистолет. Мы стояли очень близко. Полицейский раза два пытался схватить меня за руку, но я кричала: «Стреляю!», и он отпускал. Я тоже пыталась отнять у него пистолет, но у меня на это не хватало сил. Так мы и стояли, продолжая переругиваться. Тот, что стоял выше, не проронил ни звука и не сделал ни одного движения. Интересно, зачем они держат на службе таких дураков? От напряжения у меня начали дрожать коленки, и я боялась, что они это заметят. Разговор надо было заканчивать.

Наконец, наверху за спинами полицейских бесшумно появился Артур с бойцами охраны. Когда мы вывели наших пленников в холл, там уже был наш советник с охраной и Маша, которая вызывала по телефону начальника полиции города. Он появился подозрительно быстро и тут же начал рассыпаться в поклонах и извинениях. По его словам выходило, что полицейские должны были устроить засаду в другом доме, но ошиблись адресом…

— Что говорит начальник полиции? — спросил Артур.

— Извиняется, просит вернуть полицейским оружие, говорит, что они ошиблись.

— Врет! — усмехнулся Артур. — Просто хотели пошарить, не найдется ли что-нибудь для провокации. Впрочем, это могли быть и диверсанты. Почему бы нет?

К середине февраля Южный фронт стабилизировался. Наша оборона была усилена двумя бригадами с небольшим количеством танков и артиллерии, а также 13-й интербригадой. После нескольких дней боев войска укрепились восточнее Мотриля и оказали фашистам такое решительное сопротивление, что противник отказался от намерения продвигаться на Альмерию. Поступили сведения, что фашисты начали переброску войск на север. Намерения их пока были неясны. Последние дни шли упорные бои на реке Хараме, где фашисты пытались перерезать шоссейную дорогу с юга на Мадрид, но в тех боях они не использовали итальянский экспедиционный корпус. На его счет строились всякие предположения, но независимо от этого следовало воспрепятствовать переброске итальянцев по железной дороге. В среднем течении Тахо линия железной дороги проходила почти по самому берегу реки, по которой и пролегала линия фронта. Воспользовавшись небольшим отдыхом в Альмерии, Артур съездил в Валенсию повидаться с Берзиным и получил от него задание перебазироваться в Мору-де-Толедо и начать «рельсовую войну». Часы из сбитого самолета Артур подарил своему начальнику, а от него привез подарок — из арсенала Альмерии нам выдали ящик с американскими автоматами «томпсон» и два ящика с дисками и патронами. В те годы мало кто видел автоматы, ни в республиканской армии, ни у фашистов их не было. Теперь наш отряд был хорошо вооружен и готов для рейдов по тылам противника.

— Все это хорошо, — заметил Артур, — но у нас нет динамита. Попробую договориться с интендантом.

Когда я вышла к обеду, Артур уже вернулся из штаба с неутешительными вестями. Это можно было понять по его виду. Обедали молча. Поднимаясь из-за стола, Артур нерешительно посмотрел на меня, с полминуты помедлил и произнес:

— Я сейчас поеду с Киселевым на фронт, а ты достань динамит и направляйся с отрядом в Альбасету. Это как раз на полпути к Море. Будете ждать меня там.

— У тебя есть накладная на динамит? — спросила я ехидно.

— Можешь сама достать. Не понимаю, о чем тут говорить…

Вид у него был немного виноватый, но доставать динамит, видимо, придется все-таки мне. Пошла посоветоваться с Хосе. Прежде всего, решили узнать, есть ли динамит на складе. Эту задачу без труда выполнил Ретамеро, успевший перезнакомиться со всеми складскими работниками. Оказалось, что на складе имеется две тонны динамита. Немного, но можно попытаться достать хотя бы половину.

Не откладывая, я переоделась в самое лучше платье, взяла

модную сумочку крокодиловой кожи и вышла из дома. Клаудио вымыл легковую машину до блеска, замаскировал все следы скитаний по фронтовым дорогам и тоже приоделся, заменив свою фетровую шляпу на горро военного образца. Решили попытать счастья у заместителя командующего, который прибыл сюда недавно и не был с нами знаком. Оставив машину у подъезда, я поднялась по ступенькам внушительного особняка и попросила доложить о себе, назвавшись полным именем — Хосефа Перес Эррера. Имя Перес звучало довольно аристократически, но, конечно, ничего не говорило о моей должности. Полковник принял меня немедленно. Возможно, из любопытства.

За большим старинным столом я увидела грузного пожилого человека, поднявшегося навстречу мне с неожиданной легкостью. Предлагая мне сесть, он не придвинул кресло, а только слегка коснулся пальцами его спинки, давая этим донять, что я могу устроиться, где мне будет угодно, и мне не навязывают никаких обязательных условий. Он также не спросил, зачем я пришла. Очевидно, об этом я могла сказать, когда мне захочется. Все это, а также внимательный взгляд умных карих глаз я отметала особо. Приходится обучаться дипломатии на ходу. Получать отказ не хотелось.

Полковник непринужденно опустился в кресло и выждал ровно столько, сколько было необходимо, чтобы я могла начать разговор первой. Я молчала, обдумывая, с чего начать. Тогда хозяин пришел мне на помощь. Он дружелюбно улыбнулся и заговорил о красотах Андалузии, о погоде, о городе, незаметно перевел разговор на тему о «небольших трудностях», которые могут встретиться интеллигентным девушкам в военной обстановке. Он попытался выяснить, не требуется ли мне квартира, продовольствие или пропуск на выезд. Время от времени он вопросительно поглядывал на меня и наконец, заметив мое полное равнодушие ко всем перечисленным благам, с добродушной улыбкой откинулся на спинку кресла.

— Может быть, в моем ведении работает кто-либо из ваших друзей?

— Нет, сеньор полковник, моя просьба гораздо скромней.

— Сеньорита, я уверен, что смогу ее выполнить.

Он придвинул к себе блокнот и посмотрел на меня с видом взрослого человека, который не позволит себе улыбнуться даже самой нелепой просьбе ребенка.

— Мне нужен динамит.

Полковник действительно не улыбнулся. Несколько секунд он смотрел на чистый лист бумаги, и его рука с карандашом замерла. Я напомнила полковнику об отряде, который взрывал

мосты под Малагой, и созналась в причастности к этой операции.

— Мы там израсходовали весь наличный запас… У вас запас тоже небольшой, но из двух тонн вы могли бы уделить нам хотя бы половину. Без доставки. Моя машина у подъезда.

Полковник незаметно перевел дыхание, затем энергичным росчерком набросал на бумаге несколько строк. Я поднялась с кресла, и полковнику не оставалось ничего другого, как вручить мне распоряжение о выдаче динамита.

— Молодец, — сказал он серьезно и крепко, как мужчине, пожал руку.

Хотя и не без труда, но динамит мы заимели. Дальше случилась непредвиденная заминка. Когда шофер доставил его в штаб советника, комендант потребовал показать, что находится в кузове.

— Динамит для сеньориты, — простодушно ответил Клаудио.

Пока взволнованный комендант выяснял, можно ли разрешить ввезти во двор такой опасный груз, прошло полдня. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Клаудио не догадался выехать со двора, не дожидаясь возвращения коменданта. Когда я вернулась в штаб, комендант посмотрел на меня очень недружелюбно: город бомбили каждый день.

К полудню все оказались в сборе и сидели в грузовике. Ждали только меня и Хосе. Он выправлял в штабе дорожные документы. Клаудио в последний раз обошел вокруг грузовика, потрогал шины и залез в кабину. От штаба широким шагом шел Хосе. Теперь можно было трогаться в путь. Когда мы выехали на загородное шоссе, ночь уже успела поглотить все дорожные знаки. Дорога предстояла долгая, можно наконец как следует поспать, свернувшись клубочком в уголке кузова. И мы спали, спали совершенно спокойно, не подозревая, что находимся на волосок от смерти. Дело в том, что полученный нами динамит был проморожен. При этом наиболее активные взрывчатые элементы выкристаллизовываются к поверхности, и взрыв может произойти от простого толчка. Об этом мы узнали позже, когда потеряли одного из товарищей… До самой Альбасете ехали без приключений. В дороге отдохнули, выспались и изрядно запылились. Обычно в дороге жизнь подчинялась порядку, устанавливаемому шофером Клаудио. Ему одному было известно, когда машина пойдет и когда не пойдет, когда надо и когда не надо делать привал. Слушались его беспрекословно.

Когда мы въехали в Альбасете, Клаудио заявил, что машина может двигаться дальше только через два часа. Ребятам Хосе разрешил пойти в кино, а меня все дружно отослали в парикмахерскую. Они считали, что я лишаю себя большого

удовольствия тем, что не хожу туда. Я не стала их разуверять, а просто не пошла. Хотелось просто побродить по городу и посмотреть витрины магазинов. Повсюду было много беженцев. Они размещаются группами и в одиночку на тротуарах и на камнях прямо под открытым небом. Жалко было смотреть на лохмотья, прикрывавшие плечи стариков и старух. Сколько ночей они спали, не раздеваясь.

На выезде с площади я увидела наш грузовик. Вокруг него, прихрамывая, ходит Клаудио, а в кузове теснятся ребята. Все собрались и ждут меня.

— Причесалась? — спрашивает Клаудио.

— Нет, не успела.

— Мы только что вернулись, смотрели, нет ли на площади земляков.

— Не было?

— Не было.

Я забралась в кузов, и машина тронулась. Едем молча. В поле безлюдно: ни огонька, ни звука. Невольно хочется прижаться друг к другу, станет теплее и спокойнее. На выбоинах машина подпрыгивает, и мы теснее сбиваемся в кучу, нас прижимает к динамиту, уложенному ближе к кабине.

— Покурить бы… — нерешительно шепчет Маноло.

— Нельзя.

Никто не спорит. Все мы еще под впечатлением той площади, где сидят бездомные люди.

— Что смотрели в кино? — спрашиваю я, чтобы отвлечься ох грустных мыслей.

— В кино мы не попали, — отвечает Хосе.

Нечего было и спрашивать. Раз они были на площади, наверняка все деньги оставили там. Подъехали к аэродрому в Ла Финка. На контрольном пункте спрашивают документы. Моя красивая бумага с министерской печатью вполне удовлетворяет контроль, однако у них возникает сомнение: может ли Хосефа Перес Эррера, которой, согласно документу, в прошлом году был разрешен въезд на аэродром, провести с собой целый вооруженный отряд? Клаудио удивленно поднимает брови и вскидывает на часового оскорбленный взгляд:

— Обмбра! Сомос де каса…

По-русски это означает: «Приятель, мы из истребителей…».

У часового больше не нашлось возражений, и мы проехали к штабу, расположенному в заповеднике среди высоких старых кедров. Дежурный по штабу оказался знакомым и разрешил разместить отряд в казарме для охраны. Два дня мы спокойно отдыхали, а на третий мне пришла в голову злополучная идея,

приведшая к печальным последствиям. Удивительно, как Клаудио не насторожился. Что касается Хосе, то он вообще относился к моим затеям с излишней доверчивостью.

Утром того дня я сидела у окна и смотрела на кружащиеся над полем самолеты. Потом пошла поболтать в караулку, побродила по пустой столовой и уже собиралась улизнуть в город, как вдруг мне вспомнилась мотрильская операция, когда мы не могли найти в самолете бензобаки. Надо было воспользоваться посещением аэродрома и сделать экскурсию со всем отрядом на летное поле. Комбриг Смушкевич разрешил показать ребятам трофейный «Юнкерс» и дал в провожатые летчика. К моей большой радости, это оказался старый друг — Сергей Черных, недавно ему было разрешено возвращение на Родину, и он находился в Альбасете в ожидании попутного корабля. Мы давно не виделись. Свободных машин для поездки на аэродром не оказалось, и мы прихватили наш грузовик со всей поклажей. Ребята с большим интересом осматривали трофейную машину, а Сережа объяснял нам, где у нее уязвимые места. Ребята обступили самолет тесным кольцом и уже по нескольку раз успели потрогать все, что было под руками. Наконец Сережа пригласил влезть внутрь самолета. Прежде чем поставить ногу на лесенку, я по привычке оглянулась. Не знаю, какое стало у меня лицо, но все головы быстро повернулись в том же направлении. Даже при ярком солнечном свете было видно, как из нашего грузовика поднимаются оранжевые языки пламени. За секунду я успела измерить взглядом расстояние, которое надо пробежать, чтобы не сбило воздушной волной, когда взорвется динамит, и посмотрела на Сережу: успеет ли вылезти из самолета. То, что пожар можно тушить, мне и в голову не пришло. Под руками ни воды, ни песка. Когда оцепенение прошло, бойцы кинулись к грузовику и начали растаскивать горящие вещи. К счастью, огонь занялся в спальных матрасах, лежащих по краям. Только один ящик с гранатами успел немного обуглиться. Ребята работали быстро и молча. Чем они гасили ящик, не знаю. Возможно, ладонями. Матрасы догорели на земле, остальное было не тронуто огнем. Пока все это происходило, я стояла на месте, не в силах сделать к грузовику ни шагу. Потом меня долго мучил стыд. Покончив в огнем, Хосе вытер травой руки и грозно оглядел присмиревших ребят.

— Курили?!

Все категорически отвергли такое подозрение. Выходило, что грузовик загорелся сам. Хосе больше не сказал ни слова и молча забрался в кабину.

— А ты испугалась, — смеясь, заметил Сережа.

— Испугаешься тут! У нас в кузове полтонны динамита.

Улыбка исчезла с лица Сергея моментально. Потом мы часто вспоминали эту историю, но где у самолета бензобаки, я до сих пор не знаю. Может быть, Сережа не успел об этом сказать, может быть, у меня за эти несколько минут все повылетало из головы.

Вечером того же дня приехал Артур. Он молча выслушал меня и велел немедленно собираться в дорогу.

Артур торопился. Надо было подорвать железную дорогу в районе Толедо, чтобы заставить фашистов сократить перевозки на север. Делать это придется систематически и подкладывать мины в разных местах — от Талаверы-де-ла-Рейна до Толедо. Практически это не сложно. На этом участке у противника войск немного. Главные трудности заключались в том, что Генштаб и офицеры на отдельных участках намеренно затрудняли разведывательно-диверсионные операции. Они требовали выполнения всевозможных формальностей, возражали против уничтожения подвижного состава на территории противника и железнодорожных построек. Командиры на местах часто запрашивали разрешение на операцию у своих начальников прямо по телефону, открытым текстом в переписке. Естественно, что после таких разговоров от перехода фронта приходилось отказываться, ибо не было никакой гарантии, что разговоры не подслушиваются, а почта не читается агентами фашистской разведки. Армия в те времена пользовалась обычной городской и междугородной телефонной связью; к тому же приходилось считаться со значительной засоренностью штабов не только болтунами, но и предателями. Таким образом, успех наших операций во многом зависел от того, какие отношения удастся наладить с командующим войсками под Толедо. Говорили, что полковник Урибарри — человек неглупый и настроен либерально, но больше мы о нем ничего не знали.

Меня больше всего занимал вопрос, знает ли полковник французский язык, так как испанским я владела еще очень плохо, а договариваться придется о многом и подробно.

Мы ехали уже около пяти часов, а об ужине командир не заговаривал. Наверно, спит. Обычно он первый напоминает о еде, и мне без труда досталась репутация человека терпеливого и скромного. Чтобы не ронять своего достоинства и на этот раз, я, как бы невзначай, пихнула его в спину. Проснется — захочет есть. В этот момент машина резко затормозила, круто развернулась, чуть не выбросив нас на обочину, и с выключенными фарами понеслась обратно. Уже за спиной послышались громкие окрики.

— Что случилось, Клаудио?

— Фачос!

Артур не потребовал перевода. Каким-то образом мы наскочили на фашистскую заставу. Линия фронта здесь довольно путаная, а брать проводника Артур не любил. Теперь он начал всматриваться в скользящую за окном мглу. Сон слетел мгновенно. Об ужине на этот раз позабыли мы оба.

— Почему ты думаешь, что это были фашисты? — спросила я Клаудио.

В ответ он молча повторил жест, которым фашисты останавливают для проверки машины — вытянутая рука ладонью вниз. К утру мы выехали на нужную дорогу. Впереди уже виднелись каменные дома Моры-де-Толедо. Этот небольшой городок похож на горсточку светлых камешков, случайно брошенных на пустынное плоскогорье. Невдалеке, за грядой холмов, протекает река Тахо. Другой берег, вдоль которого проходит железная дорога, занят фашистами. По той дороге день и ночь тянутся эшелоны с войсками и оружием. Фашисты получают его в южных портах из Италии и Марокко. Мы должны были прервать этот поток. С нашим прибытием в Мору началась «рельсовая война», и вскоре фашисты полностью отказались от ночного движения и выставили охрану на всем отрезке пути.

Командир занимавшей оборону бригады, полковник Урибарри, оказался очень гостеприимным хозяином. Он предложил нам жить в доме, где располагались и он сам, и начальник штаба, приходившийся ему зятем. Нам отвели две комнаты первого этажа, что нас вполне устраивало. Полковник, немолодой, но очень эффектный, с благородной осанкой и большими черными выразительными глазами, был хорошо воспитанным и вполне светским человеком. Начальник штаба — маленький, кругленький, жизнерадостный и совершенно штатский человек. На португальской границе у него было небольшое потомственное поместье, а его симпатии к республиканцам объяснялись тем, что он мечтал поселиться там снова.

Когда необходимые формальности представления были закончены, мы удалились в наши комнаты, чтобы перед завтраком привести себя в порядок. Мне принесли большую фарфоровую чашу и кувшин холодной воды. В помещении было так холодно, что я отважилась вымыть только лицо и руки, на больше не хватало мужества. Метровые каменные стены не прогревались, вероятно, и в летнюю жару. Отопление отсутствовало. Так жили сеньоры в средние века в своих замках. Был, конечно, камин, но только в столовой. На завтраке присутствовали только хозяин и его родственник, которого я мысленно окрестила «дядюшкой» за его добродушие и какую-то

«домашнюю» безобидную болтливость. В камине горел веселый рыжий огонь. Завтрак был вкусным, а разговор легким. Для меня было особенно приятно, что Урибарри владел французским, и я могла переводить все, что требовалось, довольно точно. Для налаживания отношений с командиром бригады это очень важно. Полковник оказался человеком умным. Он сказал, что мы можем просить любую помощь, а штаб можно информировать лишь время от времени и «в общих чертах», то есть сообщать некоторый минимум сведений для включения в сводки донесений.

«Дядюшка» понимающе кивал годовой:

— Я ничего не буду спрашивать. Докладывайте, когда найдете нужным.

Добрый старик сдержал свое слово, хотя ему было нелегко побороть любопытство. Мы, в свою очередь, не злоупотребляли доверием хозяев и аккуратно докладывали об операциях, когда они были уже закончены. Первые дни Артур обследовал берега Тахо на всем протяжении нашего участка и выбрал подходящее место для переправы. Здесь железная дорога проходила так близко от фронта, что можно было обойтись без проводников. Для уточнения обстановки он решил выйти с отрядом сам. «Дядюшка» очень оживился, когда узнал, что мы собираемся перейти фронт. Его мучило любопытство, но он так и не решился о чем-либо спрашивать.

Утром в день операции мы зашли в штаб за письменным разрешением. Артур избегал разговоров по телефону и всегда просил, чтобы из штаба не звонили на позиции по поводу операции. «Пропуском» обычно служила простая записка к командиру подразделения, занимавшего оборону в месте переправы. «Дядюшка» выписал нам пропуск с видимым удовольствием, но делал это довольно долго. Он вздыхал, улыбался и болтал без умолку, желая нам всяческих удач, но в то же время старался мимоходом узнать, что именно мы намерены делать в тылу противника. Артур отшучивался, а «дядюшка» патетически восклицал: «Я ничего не спрашиваю! Я ничего не спрашиваю!» — и с особым чувством жал нам обоим руки. Первая наша операция под Толедо прошла удачно, но под сильным впечатлением недавних событий, хотя Артур часто повторял, что нельзя переправлять через фронт людей, только что перенесших сильную встряску.

Это случилось в конце февраля. Утро выдалось хмурое, шел дождь. Холодный упругий ветер — когда его не бывает над плоскогорьем Кастилии зимой? — настойчиво нагонял на Мору тяжелые черные тучи, точно их некуда было девать. Самая подходящая для разведчиков погода. Бойцы с утра собрались в

патио. К выходу все было подготовлено, и они слонялись без дела, расспрашивая Хосе о том, чего он не знал: кто пойдет, а кто останется? Когда мы с Артуром вошли, все головы повернулись в нашу сторону. Хосе придирчивым взглядом оглядел свою команду и выжидательно остановился перед Артуром. Все давно привыкли к тому, что Артур по-испански не понимает, и старались обходиться без лишних вопросов. Артур объявил состав группы, назначил прикрывающих и добавил, что тоже пойдет на операцию. К полудню мы с Хосе выехали на передовые позиции, а грузовик с ребятами должен был подъехать, когда стемнеет. Артур был уже на месте переправы. Перед отъездом Хосе напомнил Клаудио, что в дороге грузовик ни под каким видом останавливаться не должен. Об этом мы предупреждали каждый раз, иначе ребята хоть что-нибудь да забывали на привале. До реки, то есть до фронта, было около пятидесяти километров, но проехать их удалось только за два часа. Проселок основательно размыло дождями, объездов не имелось. Все плато завалено крупными зелеными валунами, а там, где была земля, росли оливковые и миндальные деревья. Грустны эти зимние бесснежные пространства, покрытые почерневшей прошлогодней травой.

На передовых позициях тихо. Бойцы в окопах прижались к мокрым глинистым скатам, а сесть негде, на дне окопов густая рыжая жижа. Сидеть приходилось на корточках. Артур, не отрываясь, смотрел на противоположный берег, но там было мертво. Тучи становились все чернее и сползали с неба почти к самой земле. Начало темнеть. Артур послал меня встречать грузовик с ребятами. Хосе вел наблюдение ниже по течению, и его нельзя было отрывать от этого.

— Проверь, чтобы ничего не оставили в кузове, и веди ребят прямо к переправе.

Я с радостью бросалась выполнять приказ. Наконец-то можно было выпрямить спину и размять закоченевшие ноги. Не успела я спуститься с холма и выйти на поворот дороги, как увидела приближающийся грузовик. Клаудио остановил машину и спрыгнул с подножки. Я с завистью посмотрела на его сухую куртку.

— Как доехали?

— Все в порядке

Мы вместе подошли к кузову и остановились в полном недоумении: машина была пуста…

— Ты останавливался в дороге?

— Нигде! — оторопело ответил Клаудио.

— Не провалились же они сквозь землю!

Клаудио только развел руками. По выражению его лица я поняла, что он готов допустить вмешательство сверхъестественных сил.

— Ничего в дороге не произошло?

— Ровно ничего! Все ребята были в грузовике, когда мы выехали из Моры.

— Поехали назад!

Пришлось ехать на полной скорости. На переправе ждал командир. Ночь уже наступила. Поскольку ехали ложбиной, можно было зажечь фары. Не проехали и пяти километров, как увидели выстроившийся у обочины весь отряд. Нас встретили полным молчанием. Пройдя вдоль шеренги, я убедилась, что все на месте, а главное — на ногах. Но почему они так торжественно выстроились? Перевела дух и задала один-единственный вопрос:

— Что случилось?

Речь держал Ретамеро. Первые фразы содержали сожаления и извинения, их было много. В конце концов выяснилось, что все они выбросились за борт на полном ходу из-за одного неосторожного возгласа: «Горим!». Кто-то потихоньку курил и, боясь выбросить окурок, решил тихонько затереть его ногой. Нечаянно он наступил на мину, которая вместо взрывателя имела предохранительную сигнальную лампочку. Обычно мину мы устанавливали без взрывателя, ставя на его место лампочку от карманного фонарика, и только после установки заменяли ее взрывателем.

— Они прыгали, как лягушки! — осуждающе закончил Ретамеро.

— А ты?

— Я прыгнул последним, — ответил он с видом человека, выполнившего свой долг до конца.

Делать нечего. Так сказалось впечатление от того пожара на аэродроме. И подумать только, что это были те же самые ребята, которые гасили огонь ладонями! Наскоро определив, что на ногах все держатся крепко, Клаудио погрузился, и мы поехали.

— В темноте командир не заметит, — утешал меня шофер.

Когда отряд подошел к переправе, никто и словом не обмолвился о происшествии. Двух прихрамывающих я сразу отправила на пункт наблюдения, другие пошли на посты вниз по течению, где лодка должна была пристать по возвращении. Артур не обратил внимания на быстроту, с которой все было проделано; поскольку мы припозднились, это выглядело естественно. Опустили на воду лодку и — с богом!

Операция прошла гладко, без стычек с противником. Всю ночь лил тот же нудный дождь, а к утру стало подмораживать.

Вокруг ног образовалась ледяная корочка, но мы старались не шевелиться, чтобы не хрустело; река неширокая, и на той стороне слышны даже слабые звуки. Опуститься на землю, конечно, никому в голову не приходило. Резервная группа всю ночь провела в лодке, даже птицы перестали считать нас за людей и прекратили свой базар. Разведчики вернулись задолго до рассвета. Мины под полотно они благополучно установили, и мы не стали дожидаться взрывов. Наши аппараты не отказывали.

Вернувшись домой, все повалились спать. Утром, как всегда, Артур встал рано. Побрился, выпил кофе и направился в казарму обсуждать операцию. Отряд выстроился на проверку. Я остановилась в стороне и, надо сознаться, не без волнения ожидала приближения командира. За ночь ребята здорово подраспухли. Лица разукрашены кровоподтеками, на лбах шишки и ссадины, у одних распухли носы, у других заплыли глаза или вздулись губы.

Артур, как всегда после удачной операции, сиял. Вдруг лицо его изменилось. Каким оно стало, трудно передать. Он резко остановился и окинул строй пристальным взглядом. С минуту длилось молчание. Потом Артур обратился ко мне:

— Ничего не понимаю, — произнес он упавшим голосом. — В бою мы не были. Что произошло?

— А я почем знаю? — ответила я спокойно. — Ты их водил, а не я.

Артур пожал плечами. Он чувствовал, что мы что-то скрываем, но понял также и то, что говорить не хотим. Несмотря на простоватую внешность, Артур обладал большой долей чутья и такта. Он хорошо понимал психологию солдат. Однако у меня бывало немало забот, когда мы попадали на официальные приемы, где приходилось считаться с сословными формальностями и требованиями этикета. Артур мог запросто встать спиной к генералу или сесть первым в присутствии высших чинов. В знаках различия республиканской армии он разбирался плохо. Что касается обращения с дамами, если таковые оказывались среди присутствующих, то я старалась оттереть его в какой-нибудь угол подальше. Так или иначе, но об этой истории Артур мне никогда не напоминал. Мы тоже молчали.

Глава 5. В гостях у «тигров»

Несколько раз мы переправлялись через Тахо, но наши действия стесняло то, что на весь отряд была всего одна лодка. В таких условиях работать трудно. Главная опасность заключалась в том, мы не смогли бы подбросить на ту сторону реки подкрепление в случае, если бы разведчикам навязали бой. Временно пришлось перебазироваться на соседний участок фронта против Талаверы-де-ла-Рейна, где имелся брод. Рано утром мы отправились в штаб части, занимавшей тут оборону. Нам были нужны проводники, и в штабе нам посоветовали обратиться к «тиграм».

Смеясь, полковник рассказал, что коммуна «тигров» существует на правах своего рода автономии в системе местной гражданской самообороны. Говоря проще, это вооруженные крестьяне, готовые защищать свои деревни, но не больше.

— Военную службу члены этой коммуны несут по собственному усмотрению. Приказов не принимают, только советы, и обсуждают их на общем собрании. Держатся степенно и с местными властями почтительны.

— Они не анархисты?

— Возможно, потому что не знают, что такое анархизм. В наших краях анархизм не распространен. Условия жизни здесь тяжелые и не располагают к легкомыслию.

Познакомиться с «тиграми» мы поехали сразу. Поселок, где располагался их штаб, был километрах в пяти. На первой же улице мы повстречали несколько человек в полосатых коричнево-желтых бобриковых куртках. Штаб своеобразного войска обнаружить было нетрудно: на площади у порога большого каменного дома со скучающим видом сидели три молодых «тигра». День клонился к закату, и «тигры», наверно, отдыхали от своих трудов. Наш приезд они встретили с большим энтузиазмом: русских они никогда не видели. Особенно оживились женщины. «Тигровок» они не носили, на них были обычные деревенские платья, и к моему городскому платью они проявили большой интерес. Артур велел передать собравшимся, что хотел бы поговорить с командиром. Оказалось, что командира у них не было, и они готовы заслушать наши предложения на общем собрании. Кстати, собирать народ не придется: все члены коммуны и большая часть жителей деревни были уже здесь.

— Но это совершенно невозможно! — растерялся Артур. — Если докладывать о цели нашего приезда на собрании, то потом на этом участке вообще нельзя будет проводить операции.

— Поэтому, — ответила я, — придется немного обмануть этих симпатичных ребят. Скажем, что нам нужны один-два человека для осмотра береговых линий.

Артур думал: может быть, лучше уехать совсем? Однако от разговора уклониться было уже трудно. Нас обступила толпа, и понеслись вопросы. Положение складывалось критическое. Тут из толпы выступил очень высокий молодой брюнет с суровым и энергичным лицом. Ему дали дорогу, и по всему было видно, что если это и не командир, то своего рода вожак.

— Мы выполним вашу просьбу, но сначала вы должны присутствовать на нашем собрании; у нас все, как в России: полная демократия и коллективное управление.

Он оглянулся на стоящих вокруг «тигров», и они поддержали его дружным хором. Молодой человек подождал нашего согласия только из вежливости. Тут же он преградил нам отступление к машине, очень выразительно заслонив спиной дверцу. Артур сердито засопел, но делать нечего. Мы прошли в дом с твердым намерением поздороваться с собравшимися и поскорее уехать. Не больше того. Ссориться с «тиграми» не следовало, все-таки мы были первыми советскими людьми, которых они видели.

Молодой человек занял место председателя и объявил, что приехали русские друзья, которым требуется их помощь. Когда продолжительные возгласы затихли, он снова обратился к нам с просьбой изложить наши пожелания. Его особенно горячо поддержали женщины, отчасти по природному любопытству, отчасти потому, что боялись за судьбу своих мужей и хотели точно знать, что им предстоит делать. Немного подумав, Артур попросил меня возможно точнее перевести следующее:

— Никаких военных действий мы здесь предпринимать не собираемся. Нам только требуются два человека, хорошо знающие местность и реку, для того чтобы подыскать место для береговых укреплений.

Выслушав его, собрание притихло. Потом с мест поднялись два парня. Оба складные, высокие, с хорошими добрыми лицами. Тогда поднялся шум. Председатель обвинил этих ребят в нарушении дисциплины, сказав, что с русским офицером пойдут те, кого выберут на собрании. После жарких пререканий и споров было решено, что мы должны брать или весь отряд, или никого. Это объявил тот же председатель. Между прочим, я не заметила, чтобы кто-нибудь выбирал его на это почетное место.

— От этого предложения надо решительно отказаться и попробовать договориться с этими двумя. Шепни им, чтобы завтра они пришли в штаб.

Я взяла слово и объявила, что, поскольку переговоры зашли в

тупик, мы свое предложение снимаем. Собрание сначала растерянно молчало, потом поднялся невообразимый гвалт. Порядок был окончательно нарушен. Я незаметно выскользнула из образовавшегося вокруг Артура круга, а «тигры» не сразу поняли, что для дальнейших переговоров не хватает существенной детали — переводчика. Тем временем я протиснулась к одному из намеченных нами парней и дернула его за рукав.

— Проводите меня до машины, здесь очень душно…

Просьба была вполне естественна, ибо пробиться к двери было нелегко.

— Я не хочу обидеть ваших товарищей, — сказала я, когда мы вышли на улицу, — они все мне очень нравятся, но нам нужны только двое. Поймите, что такой отряд невозможно выводить на передовые позиции, фашисты подумают, что начинается наступление, и начнут стрелять…

— Здесь давно уже не стреляли, но я думаю, вы правы. Поговорю с товарищем, и мы придем вечером к вам в штаб.

Артур выбрался из помещения, когда я уже сидела в машине. «Тигры» следовали за ним всей толпой во главе о «председателем» и двумя энергичными брюнетками. Видимо, его не хотели отпускать. Артур мило улыбался, вертел головой, разводил руками и откланивался, потихоньку отступая к машине. Заметив меня, он быстро открыл дверцу, и его больше не стали удерживать. Когда мы немного отъехали и перевели дух, Клаудио рассказал, что к нему тоже был послан «парламентер», пытавшийся выяснить, где наша база.

— Что это за артель? — спросил его Артур.

— Это просто местные крестьяне; они вооружились, чтобы защищать свою деревню. Работают на поле и едят вместе. В казарме живут только парни из ближайших деревень. Некоторые требуют, чтобы все жили в казарме, поскольку они бойцы; другие считают это излишним, и продукты, получаемые в интендантстве, разносят по своим домам. Вместе с тем они считают, что у них настоящая советская коммуна.

— Интересно, что они читали о Советском Союзе? — улыбнулся Артур.

— Ничего, наверно; в деревнях у нас большая часть крестьян безграмотна.

Оба молодых человека из отряда «тигров» пришли к нам в тот же вечер. Они рассказали, что весь актив коммуны собирается отправиться в штаб с красным знаменем и в парадных «тигровках»… Артур решил провести операцию как можно скорее, пока «тигры» не успели поднять шум на весь район.

В наше отсутствие Молина с Бонильей успели изготовить три мины для поездов. Готовые мины, которые мы получали из Хаэна, имели очень ненадежное предохранительное устройство, и нам приходилось делать дополнительные работы в нашей лаборатории. Погода установилась теплая. Река немного обмелела. Местами появился брод глубиной по грудь. На заходе солнца отряд погрузился на машины. К намеченному для переправы месту подъехали, когда стемнело. Ночь выдалась безлунная. На этот раз двенадцать бойцов получили задание установить мины в трех местах. На пару подрывников назначили по два человека для прикрытия. Артур хотел, чтобы бойцы отработали тактику действия всем отрядом. Десять бойцов оставались в резерве на нашем берегу, остальных распределили на посты наблюдения вдоль берега реки. Артур приказал оперативной группе переправиться и идти вместе до самого железнодорожного полотна. Там они должны были разойтись и установить заряды в пятистах или трехстах метрах один от другого.

Мы выгрузились на передовой и прошли окопы, Артур пошел разводить наблюдателей вниз по реке, а мне поручил проследить за переправой. Стемнело окончательно, река угадывалась только по шуму. Спускаюсь к воде. Группа бойцов разместились в кустах. Рядом со мной только Хосе. Каждого бойца обычно подпускали к переправе после осмотра снаряжения. Случалось, что, сидя на берегу в ожидании, бойцы забывают что-нибудь из вещей.

— Время! — говорю я Хосе.

Он дал сигнал, и первая партия вышла из кустов. Но не успели они сделать несколько шагов, как вдруг повернули назад и исчезли. Что случилось? Не поняли? Бросаюсь в кусты, но навстречу мне только хлесткие ивовые ветви и шорох удаляющихся шагов. Разбираться некогда. Весенняя ночь коротка, нельзя терять ни минуты.

— Хосе, зови вторую группу!

Из второй группы первым выходит Бонилья. Увидев меня, он нерешительно топчется на месте и исчезает также внезапно, а за ним и вся группа. Минуту я стою одна в недоумении, отчаянии и обиде… Не знаю, куда кинуться, не понимаю, почему они ушли. Хочется разреветься и кому-нибудь пожаловаться. Тихо подходит Хосе и берет меня за локоть.

— В чем дело, Хосе? Почему ребята не хотят идти?

— Пойдут, пойдут… Ты только отойди в сторонку, я переправлю их сам.

— Почему же они ушли?

— Они переодеваются.

— Разве они не были готовы?

— Были, но они не ожидали, что ты будешь стоять здесь, у самой переправы…

Пришлось уйти. Я не подумала, что мое присутствие может вызвать замешательство. Я просто забыла, что я не мужчина.

— Чудаки, ведь здесь совсем темно…

Сидя у берега, я слушала, как плещется вода, рассекаемая десятком быстрых ног. Когда последние всплески стихают, возвращаюсь к месту переправы и осматриваюсь: не то мерещится, не то кто-то стоит на берегу. Подхожу ближе. Да это Маноло! В неясном свете призрачно виднеется его мальчишеская фигурка с винтовкой у ноги. В оперативную группу он назначен в первый раз, и то потому, что этот участок сравнительно тихий. Маноло стоит долго и терпеливо. Он не успел «переодеться» и отстал от отряда, один он боится сунуться в воду. Наверно, думает, что за ним вернутся…

Но кругом тихо, слегка журчит вода, временами вскрикивают потревоженные птицы, и снова тишина. Неужели ребята забыли про него? Если его не отпустить, он простоит так всю ночь.

— Маноло, одевайся, они уже ушли.

Маноло не оборачивается. Опустив голову, он перекладывает винтовку в левую руку, а правой вытирает нос. Маноло беззвучно плачет, и я догадываюсь об этом только по дыханию. Я бы тоже заплакала, если бы меня вот так забыли на берегу, и горе Маноло мне вполне понятно.

— Ну ничего, Маноло, ты пойдешь в следующий раз. Еще много придется ходить.

«А много ли жить? — подумала я. — Впрочем, и мне тоже».

Постепенно земля застывает. В низинах скапливается туман. От реки поднимается сырость. Через два-три часа начнет светать. Время промелькнуло почти незаметно. Мы с Артуром ходим вдоль берега и прислушиваемся к тому, что делается за рекой. На этом участке железная дорога проходит в одном-двух километрах от реки, и ребята не должны задержаться. За рекой все тихо. Вот начал зеленеть восток, попискивают, просыпаясь, птицы. Бойцы тревожно перешептываются. Пришел обеспокоенный Клаудио. Припадая на хромую ногу, он с трудом спустился к берегу и остановился у самой воды. Потом немного отступил и сел на траву. Как быстро кончается ночь… А так хотелось бы, чтоб она продлилась хоть на часок!

Наконец-то! На той стороне из кустов один за другим выскакивают бойцы. Через минуту они уже в воде. Высоко подняв над головой оружие, они борются с течением, хотят форсировать реку «без сноса», прямо к нам. Первым идет Амарильо, он самый

высокий. Последним старик Молина, ему труднее всех, сбивает течение, и к концу переправы ему приходится уже идти против течения. Скорее, скорее! Уже розовеют высокие облака… Вижу, Клаудио улыбается. Он успел сосчитать всех и теперь может спокойно вернуться к своему грузовику. Я тоже иду за ним, а то, чего доброго, ребята не захотят вылезать при мне из воды. Меня догоняет мокрый проводник-«тигр». Он очень доволен своим участием в операции и просит не забывать о нем в следующий раз.

Пожалуй, это была самая легкая операция из всех, что нам довелось проводить. Все три мины были установлены под рельсами и замаскированы. Теперь, когда рассвело, можно наблюдать, что произойдет дальше. Мы поднялись на склон холма и устроились в небольшом окопчике. Противоположный берег просматривался хорошо. Бойцы, занимавшие здесь оборону, тоже с нетерпением ожидали, когда подорвется поезд. Воздух становится более прозрачным. Немного приподнялся подогретый первыми лучами солнца туман, и железнодорожная насыпь стала хорошо видна. К своему огорчению мы увидели, что там в трех местах стоят часовые с винтовками. Значит, наши мины обнаружены. Теперь поезд подорвать не удастся, но и вытащить мины фашисты не смогут: на дне и по бокам каждой имеется обратный контакт, при малейшем перемещении она взорвется. Фашисты секрета не знают…

— Сейчас будет на что посмотреть, — с удовольствием замечает Артур, — не скоро сумеют они пустить поезд по этому пути.

Мы внимательно следим за часовыми в бинокли. Около первой мины собралось человек пять. Подходят другие. Вот их уже около десяти, а может быть, и больше, почему-то бегают вокруг. Двое наклонились над миной и начали что-то ковырять… Прогремел взрыв.

Когда пыль рассеялась, никто, из стоявших рядом с миной, с земли не поднялся. Через несколько минут показались солдаты с носилками. Они положили на них то, что собрали с земли. Биноклей было всего два, пришлось отдать свой Хосе, а самой пользоваться информацией Артура. Не отрывая от глаз бинокля, он не забывает говорить, что происходит. Около часа никто не приближался к остальным минам. Очевидно, кого-то ждали. Наконец на дороге от Талаверы показалась легковая машина. Остановившись довольно далеко от места минирования, машина развернулась, из нее вышли два офицера. Это было видно по выправке и по той уверенности, с которой они направились к минам. Саперы? Приблизившись, они наклонились над одной,

помедлили, посовещались. Потом один отошел метров на десять и лег, а второй начал что-то делать с миной. Все присутствующие там залегли на значительном расстоянии в кюветах, даже головы любопытствующих не приподнимались. Прошло минут пять, и я уже забеспокоилась, что секрет нашей мины будет раскрыт.

— Тот, кто секрет раскроет, прихватит его с собой на тот свет, — сказал Артур.

В этот момент поднялся столб пламени, и тут же прогремел взрыв. Когда воздух над местом взрыва прояснился, мы увидели, как фашисты, выскочив из укрытия, бегут к рельсам. Оставалась еще одна, к которой уже никто не осмелится подойти. Прошло немало времени, пока вдали не показалась дрезина с людьми и материалами для ремонта пути. Прибывшие стали разгружать запасные рельсы и шпалы.

На третью мину наложили хвороста и еще какого-то горючего материала. Солдаты под командованием оставшегося в живых офицера рассредоточились, залегли в кюветах и начали методически обстреливать мину из винтовок. Через несколько минут над миной показался дым, потом языки пламени. Раздался третий и последний взрыв. Больше смотреть было нечего. Мы собрались на другом склоне, позавтракали и отправились в обратный путь.

Вскоре стало ясно, что без второй лодки нам не обойтись. Артур поехал в Мадрид. Лодки он там не достал, но привез складную байдарку и разрешение выбрать любую лодку в королевском музее в древней резиденции испанских королей в Аранхуэсе. Мы поехали туда, не откладывая. Погода снова испортилась. День стоял холодный и хмурый, и мы без особого удовольствия бродили по обширному красивому парку в поисках сторожа музея. Наконец, мы нашли его на берегу небольшого пруда, где старик ловил рыбу, сидя в удобной и легкой лодочке. Он вышел на берег, учтиво поздоровался, взял наше разрешение в руки, но читать не стал. Наверно, не умел.

— Берите любую лодку, которая вам подойдет, — сказал он добродушно, когда мы объяснили цель приезда. Мы направились с ним к высокому длинному зданию музея и начали осмотр. Огромный зал был заполнен только лодками, гондолами и небольшими кораблями, служившими бог весть в какой древности для королевских прогулок и карнавалов на воде. Здесь были многовесельные открытые гондолы с бархатными навесами и сиденьями, обитыми парчой и атласом. Причудливая деревянная резьба покрыта уже поблекшей позолотой, нос и корму украшали головы и торсы драконов или нимф. Каждая ладья хороша по-своему, но все они рассохлись и вряд ли хоть

одна из них, даже самая маленькая, могла уместиться на грузовике. К тому же показываться с такой ладьей где-нибудь, кроме музея, было бы совершенно невозможно: сразу соберется толпа зевак. Мы еще долго ходили меж рядами гондол. Воображение рисовало праздничные кортежи с мелодичной музыкой, разодетых придворных короля Филиппа II и красавиц в шелковых кружевах. На мгновение мне представилась Испания моих детских грез, романтическая и сказочная. Я почувствовала себя в той ненастоящей стране, но очарование быстро прошло. Стоило посмотреть на мои грубые ботинки, кожанку с пистолетом у пояса и вспомнить, зачем мы сюда пришли. Настоящая Испания там, где мои товарищи, обутые в альпаргаты с веревочными подметками, вместо атласных плащей на их плечи накинуты байковые одеяла. Безграмотные идальго, гордые простосердечные рыцари революции.

— Единственная подходящая лодка — это лодка сторожа, — сказал Артур. — Не стоит брать ее, старик ловит рыбу.

Пришлось поблагодарить сторожа и уехать ни с чем. Пока мы ехали, Артур придумал новый план:

— Попробуем завтра нашу байдарку. Если удастся перетянуть на другой берег канат, то по нему мы переправим весь отряд. Река не широкая, — рассуждал он. — Один конец каната привяжем на корме, а другой останется на берегу.

— Неплохо бы. Потом можно привязать канат к деревьям, и получится подвесная дорога.

Мне этот план тоже показался реальным. К сожалению, позже вполне реальными оказались и другие моменты, которых мы не учли…

Хотя погода резко изменилась, похолодало и даже выпал слабый снежок, мы не стали откладывать пробу байдарки. На другой же день все отправились к небольшой речонке Хараме, протекавшей по нашей территории и впадавшей в Тахо недалеко от Аранхуэса. Эта река мне сразу не понравилась: прихваченные морозом и припорошенные снегом пологие берега, широкие заводи мутной воды — мартовское половодье. На середине реки крутые жгуты быстрины. Захваченные течением ветки быстро проносились мимо, а попав у берега в водовороты, исчезали прямо на глазах. Сначала они начинали кружиться, постепенно приближаясь к центру воронки, а потом точно проваливались, вскинув один конец к небу. Вдоль берегов рос частый ивняк, ветви которого, еще безлистные, полоскались в воде.

Пока Артур хлопотал около байдарки, мне совсем расхотелось опробовать ее в такой реке. Прикидывая на глаз, как это будет, мне показалось, что с веревкой на корме можно

проскочить метров десять. Потом канат ляжет на воду, и его потянет вниз по течению. Интересно, как мы тогда выберемся. Между тем Артур запихал в брезентовый чехол хрупкий костяк байдарки, бросил на дно настил и протянул мне двухлопастное весло, окрашенное в веселый желто-золотой цвет. Бонилья укладывал на берегу толстый канат в бухту. Один конец он привязал к корме, а Сальвадор с Гармоной легко перенесли байдарку к воде. Артур осмотрел ее в последний раз и велел спускать в воду. Под напором течения байдарка рванулась из рук, и не так-то легко было ее удержать. Артур взял второе весло и прошел первым. Он сел на переднюю скамью и завязал вокруг пояса брезентовый верх. Я тоже села на свое место и тоже привязалась, но не очень крепко.

— Завязывай потуже, — подсказал Артур.

— Подожду, — ответила я сквозь зубы. — Когда мы перевалим за середину, канат ляжет на воду, и лодка встанет «на попа», вот увидишь.

— Тоже мне, моряк! — насмешливо бросил Артур.

— Послушал бы лучше, что тебе говорит волжанка. Я полую воду знаю.

— Поговори!

Сальвадор отпихнул лодку от берега, и мы дружно взялись за весла. Нас могла спасти только быстрота. Несколькими взмахами мы вынесли байдарку почти на середину реки. Амарильо поднялся во весь рост и старательно подавал канат, держа его как можно выше, но через минуту он все-таки лег на воду. До противоположного берега оставалось метров двадцать, но на пути были затопленные половодьем деревья. Вдруг я почувствовали резкий толчок, и лодка встала как вкопанная, уткнувшись бортом в ствол полузатопленного дерева. Весло Артура оказалось прижатым к дереву, и вытащить его не удавалось.

— Надо резать канат, потом будет поздно, — сказала я.

— Паникуешь? — усмехнулся Артур.

— Тогда побыстрее отвязывайся.

Я поспешно скинула кожаную куртку, сняла пояс, стащила и выбросила за борт ботинки. Наконец Артуру удалось оттолкнуться от ствола, весло сразу унесло течением, а лодка снова уперлась в тот же ствол, а в ее брезентовом боку появилась большая дыра. К ногам прибывала холодная вода.

— Кричи ребятам, пусть тащат лодку обратно!

— Нельзя, вода пойдет через нас.

— Кричи, когда велят!

— Назад! — кричу я ребятам и вижу, как десяток рук вцепляются в канат и тянут его на себя.

Еще один толчок, лодка отрывается от дерева, и на нас обрушивается каскад воды. В следующий момент лодка удивительно легко и грациозно вскидывает вверх свой беспомощный киль, а мы с Артуром идем под воду.

Вынырнула я довольно далеко от лодки. Артур успел уцепиться за борт и давал мне оттуда полезные советы. Видя, что мое положение более чем плачевно, он бросил мне пробковый пояс, но он проплыл слишком далеко. С меня быстро смыло все, что я успела расстегнуть еще в лодке, но оставшаяся одежда все же тянула вниз. В ногах что-то путалось, вероятно, чулки. Я плыла «по-собачьи», мелко и часто загребая воду. В одном месте меня довольно близко прибило к берегу, но выбраться здесь оказалось невозможно: залитый почти до самых верхушек ивняк встал непроходимой преградой, и нельзя было на него опереться, ветви прогибались, и ноги в них заплетались. Пришлось снова плыть на глубокое место. Теперь течение несло меня со скоростью хорошего коня. По берегу с криками бежал весь отряд. Иногда ребята забегали вперед и спускались к воде там, где я могла бы пристать, но у меня уже не хватало сил подгребать, и течение проносило меня мимо. На повороте реки недалеко от моста ивняк оказался пореже. Я начала подбираться к нему, но к тому времени одежда достаточно пропиталась водой и тянула на дно. Над водой оставался только нос. Наконец, меня прибило к упругому кусту, но дальше я, как ни старалась, продвинуться не могла. Хорошо, что хоть на поверхности еще держалась. Попробовала достать дно и нырнула. Ребята подумали, что я совсем тону, и в воду бросился невысокий худенький паренек, который, как и все остальные, плавать не умел. Когда я разглядела, что это Мануэль, мне впервые стало по-настоящему страшно. Если он дотянется до меня и потеряет под ногами почву — это будет конец…

— Куда тебя несет?! — закричала я. — Мне здесь и без тебя плохо.

Любопытно, что при этом меня очень беспокоило, как я сейчас выгляжу в глазах отряда. Я следила за интонацией, чтобы крики выглядели как бы спокойными. Мануэль не послушался. Он зашел в воду по грудь, и его начало сбивать течением. Хосе тоже спустился в воду и ухватил Мануэля за пояс, а за Хосе еще кто-то уцепился. Я оттолкнулась от куста и продвинулась к берегу еще на метр так, что Мануэль смог ухватить меня за руку. Это была самая неприятная минута из тех, что я пережила. Грести уже было невозможно, а дна под ногами все еще не было. Мануэль со всей силы тянул меня к себе, а течение рвало в сторону. Наконец, ему удалось подтащить меня поближе и ухватить двумя руками. Потом в меня вцепилось сразу несколько рук, и они чуть не

стащили с меня все, что еще оставалось.

Вытащив на берег, меня поставили на ноги и подтолкнули в спину. Оказывается, я должна была еще бегать! Они, видите ли, боялись, что я простужусь. Бегать я категорически отказалась. Тогда Клаудио накинул на меня свой плащ и понес на руках. Всю дорогу до машины Гармона шел сзади и смотрел с такой тревогой, как будто я могла вот-вот умереть. А, в общем, все были довольны, что выловили меня.

Когда мы подошли к машине, все снаряжение было погружено. Артура благополучно вытащили на берег вместе с байдаркой. Он так и не выпустил из рук борт. Хоть это была и слабая опора, но все же хоть что-нибудь. Байдарка была на канате, а плыть Артур не мог, так как очутился в воде в полном обмундировании и сапогах. Теперь он резво бегал по берегу, пытаясь согреться. Нам еще предстояло мокрыми проехать километров пятьдесят. Все окончилось благополучно, но было неловко предъявлять на контрольном посту мокрые документы.

Потерпев неудачу с байдаркой, Артур заказал новую лодку местному плотнику, а пока ее делали, мы целые дни ездили по разным участкам фонта в поисках удобных переправ. Одну-две операции надо было провести в окрестностях Толедо. Там фашисты нас ждать не будут. Оборона под Толедо плотная, а железная дорога отходит от линии фронта километров на десять. Временно перебрались в Мальпику — большой замок с большим парком на самом берегу. Там было множество пустых комнат. Парк огорожен высокой кирпичной стеной, во многих местах разрушенной. По углам невысокие зубчатые башни с узкими бойницами. Двор, замкнутый со всех четырех сторон, выложен большими каменными плитами. В замке размещались две роты местного гарнизона, но свободных помещений оставалось вдоволь. Река протекает у самых стен замка, обрывистый берег весь зарос цветущими бледно-розовыми олеандрами. Над рекой — высокий железобетонный мост, подорванный в среднем пролете, а на другом берегу виднеется занятый врагами Толедо. Издали город похож на груду серых камней, наваленных на обнаженные холмы. На самом высоком из них возвышается крепость Алькасар. На южной окраине города в три смены работает оружейный завод. Его корпуса хорошо видны невооруженным глазом. Достаточно было бы одной артиллерийской батареи, чтобы снести его до основания. Полковник Урибарри давно и безнадежно выпрашивал пушки, хотя бы на один день, но в Генштабе отказывали. Этот завод буквально лишил нашего хозяина сна, и он не раз заговаривал с Артуром о том, можно ли что-нибудь сделать своими силами.

Артур, конечно, ничего обещать не мог. Как раз в дни нашего пребывания в Мальпике наблюдатели заметили, что за ворота завода в необычное время повалили густые толпы народа. На таком далеком расстоянии можно было только догадываться, что фабричную территорию спешно покидали. Через несколько минут над крышами заводских корпусов показался дым. Сначала это были черные косматые вихри, метавшиеся, как волосы, по ветру. Потом дым пошел гуще, поднимаясь в небо огромным штопором. Огня мы так и не увидели. Может быть, потому, что ярко светило солнце. На оружейном заводе был пожар. Кто-то потом сказал, что это сделали партизаны. «Дядюшка» же считал, что завод подожгли мы. Артур, конечно, категорически все отрицал, но это было воспринято как конспирация.

— Я ничего не спрашиваю! Я ничего не спрашиваю! — восклицал «дядюшка» по своему обыкновению. — Полковник очень доволен, очень…

— Но… — начинал снова Артур.

— Нет, нет! — патетически восклицал «дядюшка». — Я ни о чем не спрашиваю, я только хочу крепко пожать вашу руку…

Артуру ничего не оставалось, как пожать доброжелательно протянутую толстую ручку начальника штаба.

Последовавшие за этим дни были тихими и безмятежными. Установилась очень жаркая погода. Если с какой-то стороны к реке подходил боец или местный житель, по нему никто не стрелял. Люди страдали от зноя. Не успевала земля остыть после дневной жары и обмыться ночной росой, как солнце поднималось вновь и начинало накалять ее, вонзая во все живое обжигающие лучи. Земле не хватало влаги. Зелень начинала сохнуть и темнеть, а животные ходили с открытыми ртами. Люди спасались от жары, как только могли. Артур зорко следил за противоположным берегом, изучая обстановку и повадки противника. После обеда мы обычно собиралась под тенью больших смоковниц и дремали, растянувшись на траве. Наши «старики» — Барранко, Молина и Клаудио — любили полежать на солнышке, прикрыв головы газетами.

— На таком солнышке, — говорит он, улыбаясь, — можно прогреть каждую косточку со всех сторон… Когда я работал на шахте, то видел солнце только по воскресеньям.

Молодежь нашего отряда никак не может угомониться. Ребята резвятся, как козлята, и бегают, пока не покрываются крупными каплями пота. Потом бросаются на землю под тень дерева и смеются так весело, что невозможно не засмеяться вместе с ними. Противоположный берег полон купающимися. Рискнули и мы и выкупались в Тахо. Артур на всякий случай

велел поставить на крутом берегу ручной пулемет и сам залег за ним. Ребята кинулись в реку. Я тоже искупалась в сторонке и даже немного поплавала. На берегу противника это вызвало бурю восторга. Через некоторое время оттуда кричали:

— Эй! Партизаны! Где ваша блондинка? Пускай идет купаться, мы не будем стрелять!

Новая лодка была готова, и мы начали готовиться к операции. Провели только два рейда, заложили под рельсы мины, но взрывов подождали, так как обратный путь был неблизким. В конце марта мы окончательно вернулись в Мору. Прежде всего Артур отправился смотреть новую лодку. Это была прекрасная, изящная лодка, настоящее произведение искусства. Киль у нее острый и глубокий, как лезвие топора, бока крутые, а корма очень узкая. Такие лодки вертлявы, дают большой крен, но не перевертываются. Плотник, построивший ее, был рыбаком, он сам взялся переправлять нас через Тахо на ту сторону. Опробовали лодку в том же месте, где я тонула. На этот раз дела шли гораздо веселее. Ребята очень гордились новым приобретением. Оказалось, что лодка свободно берет пять человек, но управиться с ней по-настоящему мог только сам конструктор. Заодно вволю накупались и возвращались в казарму со звоном в ушах и посиневшие от холодной воды…

На следующий день все готовились к выходу. Артур никогда заранее не говорил, кто пойдет и где будем переходить фронт. Время объявлялось за час до отъезда, поэтому волновались все. Обычно посылали небольшие группы в пять-шесть человек, и каждому хотелось попасть в их число. К сожалению, на этот раз не обошлось без происшествия. Рано утром во время чистки оружия все сидели в маленьком патио, разложив свое снаряжение, и усердно начищали и смазывали оружие, подгоняли ремни и оттачивали навахи. Гармона собрал свой пистолет первым и хотел опробовать спуск, но забыл, что уже заложил обойму. Направив пистолет стволом вниз, он спустил курок. Раздался выстрел. Пуля куснула каменную плиту и рикошетом отлетела в ногу Люиса. Рана оказалась пустяковой, задета была только мякоть пониже колена, но этот случай встревожил всех. Разведчик не должен допускать случайностей, а подрывник — тем более. «Саперы ошибаются только один раз», — часто повторял нам командир. При этом он для наглядности поднимал вверх один палец и держал его так до тех пор, пока тот, к кому относилось очередное замечание, не отводил в сторону смущенный взгляд.

О случившемся немедленно доложили Артуру. Я в это время была где-то по поручению Артура, и ему пришлось объясняться

без переводчика. Потом мне Клаудио рассказал, что, когда перед ним предстал смущенный Гармона, Артур поднял вверх палец, и все поняли, что это означает. Гармона густо покраснел и горячо заверил, что этого больше никогда не повторится. Понять его можно было и без слов. Артур хорошо знал, что Гармона — отважный и смышленый парень, но тороплив. Решили не допускать его к выходу на целый месяц. Для паренька это было самым тяжелым наказанием. С самого рассвета начал моросить холодный дождь. Низкие тучи застилали небо до горизонта. Артур с видимым удовольствием посмотрел в окно и, обернувшись, сказал:

— Сегодня.

Я машинально глянула в угол, где стояли мои «расходные» ботинки. Они были сухими. Что же, сегодня так сегодня. Лучшей погоды не будет, лето на пороге, и тогда — прощай ненастье. Дождь то переставал, то снова сеял на земле частые холодные капли. Обедали молча. Потом каждый занялся своим делом. Артур изучал карту, готовясь к разговору с проводником, а я рассматривала обувь. Каждый раз, как я натирала себе ноги, мне казалось, что обувь была выбрана неудачно. Но новые ботинки натирали ноги в других местах, и я снова меняла обувь. Меня не оставляла надежда найти-таки ботинки, которые не натирают. Потом я поняла, что это напрасная затея. Надо было просто набраться мужества и ждать, пока ноги не огрубеют.

Паскуаль привел проводников. Артур видел их в окно и попросил сначала вызвать для разговора того, что помоложе, и сам вышел в гостиную с картами. Положив карты на стол, Артур мельком взглянул на молодого парня. Обычно он так смотрел только один раз, когда здоровался. Можно было наговориться с Артуром досыта и даже не заметить, что он ни разу не взглянул в глаза. Лицо его при этом, как всегда, было добродушным и спокойным, улыбка непринужденная и располагающая, а глаза и смотрят, и не смотрят. У меня другая привычка. Я всегда смотрю в лицо собеседника неотрывно, как глухонемая. При этом у нас с Артуром мнения о собеседнике всегда сходятся.

Молодой парень нам сразу не понравился, и от него отказались. Затем вошел Хосе с другим проводником — крестьянином с застенчивым взглядом немного печальных глаз. Сутулая спина и огрубевшие тяжелые руки свидетельствовали о том, что он работал на земле вою жизнь. Работал много и трудно, а жизнь одаривала его и нехотя, и скудно. Мне он понравился, такие не подводят. К нашему огорчению, идти он отказался. Упоминание о вознаграждении не произвело на него никакого впечатления. Он просто не понимал, почему он должен помогать

республиканцам — землю крестьянам не дали и не обещали.

— А на поле одни камни, одни камни…

Мы начали просить его помочь нам просто по-товарищески. Крестьянин слушал, не поднимая глаз, видимо, ему было совестно отказать. Его темные, плохо гнущиеся пальцы неспокойно перебирали край старой шляпы, лежавшей на коленях и прикрывавшей обширные заплаты на брюках. Немного помолчав, он поднял голову и тихо произнес:

— Я с вами пойду.

В казарме сборы закончились быстро. Бойцы собрались, как обычно, в патио вокруг высохшего бассейна. Все волновались: состав группы еще не объявлен. Эти минуты ожидания я и сама не любила, хотя знала наперед, что именно нужно делать. Времени оставалось мало. Надо было еще заехать в штаб за пропуском и выехать на передовую с таким расчетом, чтобы до наступления темноты хотя бы часа два понаблюдать за берегом противника. Операция предстояла довольно сложная: фронт плотный, а от него до железной дороги, которую надо подрывать, более десяти километров. В оперативную группу Артур назначил самых сильных бойцов, но тревожное чувство все же не оставляло. Артур отдал необходимые распоряжения и поговорил с каждым бойцом. После этого ребята успокоились, каждый начал собирать снаряжение в соответствии с поставленной ему задачей. Для прикрытия на берег должен был прибыть весь отряд. На этот раз Хосе остался с отрядом, а мы выехали на передовую, взяв с собой Факунду, молодого, очень серьезного паренька. В действительности его звали Франциско, но под этим именем в отряде было уже четверо, и троим пришлось дать другие имена, чтобы не возникало путаницы. Одного начали звать Антекера по наименованию города, откуда он был родом, второго Моро — он был очень похож на мавра, а четвертого — Бонильей, это было его второе имя. Франциско Гарсилья — одного из лучших автоматчиков и любимца Артура — прозвали Факунда. Гармона до самого отъезда ходил за нами по пятам. В его глазах было столько надежды и тоски, что я старалась на него не смотреть.

Прощаясь, Артур напомнил Хосе, чтобы все хорошо поели. К вечеру тучи спустились еще ниже. Легкий сероватый туман заволакивал низины. Вязкая проселочная дорога пустынна и неприветлива. Колеса машины буксуют в глубоких, наполненных водой колеях. По стеклам сползают крупные светлые капли, набегают новые, за ними остаются извилистые дорожки. Но тоска не от этого. Мне было жалко Гармону. Не надо было уезжать так, молча. Может быть, надо было что-нибудь пообещать или как-нибудь иначе утешить. Перед глазами так и стоит его страдающее

лицо с виноватой улыбкой.

— Что-нибудь случилось? — спросил меня Артур.

— Нет, ничего.

Артур посмотрел на меня недоверчиво, но больше ни о чем не спрашивал. Километрах в пяти от передовой мы нагнали на дороге молоденького лейтенанта. Он направлялся на наблюдательный пункт батальона, изрядно вымок и был очень рад, когда мы пригласили его в машину. Оказалось, что он командует ротой как раз там, где нам предстояло переправляться. Пока доехали, успели обо всем договориться и вместе подошли к передним окопам на склоне прибрежного холма. Было еще светло. Окоп, в который мы спустились, пустовал. Он был отрыт вполовину профиля и сильно размыт дождями. Приходилось стоять там на коленях или сидеть на корточках. Мы делали и то, и другое, пока не одеревенели ноги. Мучительно хотелось вытянуться во весь рост или лечь. Стекла биноклей заливало водой, их все время приходилось протирать. На противоположном берегу тихо и безлюдно. Метров на пятьсот там тянулись болота. Наконец, начало смеркаться. Подошел Факунда и доложил, что отряд прибыл. Комроты начал упрашивать, чтобы его тоже взяли «туда». Артур пообещал, что «в следующий раз».

Мы поползли из окопа в разные стороны: Артур к переправе, а я к грузовику, который стоял на повороте за холмом. Ребята сидели в кузове и покорно мокли. Наверно, Клаудио не позволил им вылезать. Вокруг машины одиноко бродил Хосе. Заметив меня, он подал команду, и бойцы дружно попрыгали через борт. Из-под ног густо брызнула грязь. Отряд выстроился, и Хосе еще раз повторил каждому, что ему следовало делать. На берегу разговаривать уже нельзя. Первыми пошли подрывники: Ретамеро, Молина, за ними Хосе и проводник, а замыкали Антекера и Сальвадор. Группа прикрытия пошла с Бонильей прямо к реке. Пока мы шли, стемнело настолько, что я видела только спину идущего впереди. Некоторое время все молчали, слышалось лишь хлюпанье грязи. Но вот кто-то поскользнулся и тихо выругался. На него дружно зашикали, потом начали друг друга убеждать, что шикать тоже не нужно, и поднялся гвалт. Тогда Хосе один раз гаркнул, и все стихли.

Теперь, когда до выхода осталось несколько минут, мне стало жаль ребят и хотелось, чтобы они не уходили. Бойцы из группы прикрытия принесли и опустили на воду лодки, Амарильо пошел расставлять посты. Теперь уже никто не разговаривал. Изредка перешептывались или дергали друг друга за рукава. На том берегу могли услышать даже самый тихий разговор. Проводник и рыбак стояли в стороне, ожидая, когда их позовут. Артур подал

знак, и рыбак приблизился с парой весел. Он передал их Хосе и легко прыгнул в лодку, потом принял весла и прошел к носу, освобождая место проводнику. За ним в лодку сели Молина и Ретамеро. Последним шел Факунда, он должен был оттолкнуть лодку. Река быстро вспухала от дождевых потоков, и течение убыстрялось. Прибрежные кусты заливало водой. Факунда с трудом удерживал лодку одной рукой, вцепившись другой в ветви затопленного дерева. В темноте трудно было понять, что произошло в следующую минуту. Очевидно, рыбак хотел поудобнее перехватить весла. Одно из них выскользнуло из руки, и лодку моментально прижало к дереву. Между веслом и бортом лодки оказалась зажатой рука Молины. Когда лодка ударилась о дерево, послышался порывистый вздох. Я видела, как Ретамеро встал и с силой отпихнул лодку от ствола. Лодку качнуло и швырнуло течением обратно к стволу, но Малина успел выдернуть руку. Пальцы оказались разбитыми в кровь. Факунда помог старику выбраться на берег. Подрывника приходилось заменить другим. Пока Артур шепотом спрашивал, что случилось, а я о том же спрашивала у Молины, мимо нас промелькнула тень, и кто-то из ребят на ходу перехватил у старика сумку с динамитом и прыгнул в лодку. Я была почти уверена в том, что это был Гармона, надо было немедленно задержать его. Артур, наверно, хотел сделать то же самое, но между ним и лодкой были Хосе и я. Хосе не понял меня, а может быть, думал иначе. Он оттолкнул лодку ногой, бросил чалку, и лодка скрылась в темноте. Раздался слабый всплеск опущенных весел. Потом все стало тихо. Теперь никто ничего выяснять не пытался.

Пробежав немного вниз по течению, мы остановилась, прислушиваясь; ловили малейшие шорохи, стараясь проследить, где лодка пристанет к противоположному берегу. Вероятно, Гармона не успел даже спрятать детонаторы и держит их в руке. Что, если он сунет их в мешок с динамитом? Прошло несколько минут. Лодка должна уже причалить, но мы не услышали ни звука. Артур приблизительно определил, насколько ее могло снести течением, и мы медленно побрели берегом еще ниже. Теперь уже выяснилось, что в лодку прыгнул действительно Гармона. Артур ругал меня за то, что я прозевала, но делать было нечего. На первом посту стояли Маноло с Леоном. Они слышали, как лодка причалила метрах в пятидесяти ниже. Прежде чем вылезти на берег, разведчики, конечно, сидели в лодке и слушали. Эти минуты были самыми опасными. Фашисты могли заметить их на реке и захватить сразу, как только они покинут лодку. Могли пропустить их немного вглубь, отрезать от реки, а потом напасть… Можно считать себя в относительной

безопасности, когда углубишься на территорию противника на один или два километра. Это могло быть часа через два, а то и больше. Сдерживая дыхание, мы всматривались в темноту. Никто не произнес ни слова. Старались не менять положения, чтобы не хрустнула случайно попавшая под ботинок ветка. Тихо звенели невидимые струи воды. В темных зарослях крикнула ночная птица, прошелестели ее крылья, и снова все стихло. Видимо, все прошло благополучно, и наши разведчики успели отойти от берега на несколько сот метров. Я немного успокоилась и почему-то сразу почувствовала холод. Мокрый воротник кожанки противно лип к шее, в ботинки просачивалась вода. Артур приподнялся повыше, отыскивая место, где можно сесть. Я хотела последовать за ним, но в это время почувствовала, как Хосе сильно сжал мою руку, и быстро оглянулась на реку. На противоположном берегу в воздух поднялся высокий столб огня. Пока до слуха донесся звук взрыва, я успела сосчитать до трех… Мы замерли, пытаясь расслышать что-нибудь еще. Ночная пропасть не отвечала ни единым звуком. Через несколько секунд послышалась беспорядочная стрельба. Стреляли далеко от того места, где произошел взрыв. Наши не отвечали. Значит, они обнаружены не были и столкновения с противником не произошло. Скоро все стихло. Что же все-таки произошло? Это можно будет узнать только тогда, когда наши вернутся.

— Если через полчаса лодка не появится, я пойду па розыски. Скажи, чтобы приготовились Хосе, Барранко и Сальвадор. За Хосе останется Бонилья.

Я перевела Хосе слова Артура, и он пошел за Бонильей, но вернулся очень встревоженный. Бонилья бесследно исчез. Ночь, полная загадок! Никто не заподозрит Бонилью в том, что он самовольно без крайней необходимости отлучился. Пришлось с прикрытием оставаться мне. Артур и Хосе спустились во вторую лодку, готовые отчалить каждую секунду. Решили подождать еще полчаса. Если ваши разведчики живы — придут. Растревоженная ночь не затихала. Над нашими головами со злыми вскриками проносились перепуганные птицы. Вода продолжала прибывать, и от реки шел ровный гул, как от поезда. Деревце, за которое придерживался Артур, наклонилось и скрипело. Лодку кренило. Так прошло еще несколько минут. К нам подошли Клаудио и Молина. Они видели вспышку и, растревоженные, не могли усидеть в машине. Но вот на противоположном берегу раздался треск сухой ветки, и мне почудилось, что прошуршали и листья. Я дернула за рукав Артура: после контузии он был глуховат. Хосе выскочил из лодки и быстро зашагал вниз по течению. Мы пошли следом. На воде ничего нельзя было различить, а плеск весел

очень трудно отличить от журчания неспокойной воды. Вдруг за кустами мелькнула тень, затем захрустели ветки, и лодка подошла под невысокий обрывистый берег. Мы побежали туда. Маноло и Сальвадор бросились в воду. Они ухватились за борта лодки и старались завести ее в небольшую заводь.

Когда мы разглядели силуэты сидевших в лодке, то сразу успокоились: их было пятеро, столько же, сколько и уходило. Но, к нашему изумлению, первым из лодки вышел Бонилья. Его шаги казались нетвердыми, а высокая стройная фигура точно надломлена. Он сделал два шага, потом остановился, стараясь сохранять равновесие, и оперся на плечо Маноло. Из груди вырвался булькающий хрип, и Бонилья медленно опустился на землю. Наклонившись, стараюсь разглядеть его лицо. Мне кажется, что оно совсем белое, на подбородке широкие подтеки крови. Бонилья тяжело дышит и молчит. Чувствуется, что говорить он не может. Его рука тревожно шарит по траве. Я подумала, что он хочет встать, и подала руку, но Бонилья мягко отстраняет ее и продолжает перебирать жесткую траву. Факунда подает ему автомат, и Бонилья успокаивается. Когда из лодки вышли остальные, оказалось, что нет Гармоны…

О том, что произошло, рассказал Ретамеро. Когда Гармона прыгнул в лодку, Бонилья пытался его удержать. Гармона выскользнул из его рук, и Бонилье ничего не оставалось, как прыгнуть в лодку за ним. В темноте было очень плохо видно, и все это происходило при полном молчании. Хосе не понял, кто оказался в лодке, он увидел, что там все пятеро, и оттолкнул лодку…

— На том берегу мы построились и пошли, — продолжал Ретамеро. Ночи теперь короткие, и мешкать нельзя. На всякий случай Бонилья пошел рядом с Гармоной. Мы быстро перемахнули заболоченный кустарник, и тут пришлось передвигаться перебежками: местность становилась все более открытой. Временами мы теряли друг друга из вида. Когда раздался взрыв, я был метрах в тридцати от того места и сразу побежал на вспышку. Там оказался один Бонилья. Через минуту собрались все остальные, но Гармону мы не нашли. Бонилья сказал, что был метрах в десяти от того места, может быть, немного дальше, в темноте это трудно определить. Мы даже не нашли автомата, который был у Гармоны. Когда мы пошли обратно к реке, я почувствовал боль в ноге, точно от ушиба камнем. Пощупал, рука стала мокрой и липкой, но это была не моя кровь…

Трудно было предположить, что Гармона живой или мертвый будет найден, но Артура никогда не оставляла надежда, пока он

не получал полной уверенности в том, что дальнейшие поиски бесполезны, этому учил и бойцов. Отправили две лодки под командованием Хосе. Мне было поручено с проводником и Бонильей разыскать в ближайшем поселке врача. Приходилось торопиться: мы не могли знать, насколько серьезно ранение Бонильи. Паскуаль осторожно вел машину и все время оглядывался на нас, хотя в темноте все равно ничего не было видно. По дороге Бонилья, превозмогая боль и с длительными передышками, рассказал, что Гармона не отдал ему динамит и детонаторы, он хотел ставить заряд сам. Пришлось идти вместе с ним. Когда вышли на открытое место и стали пересекать его перебежками, Бонилья немного отстал от Гармоны, но видел, как тот упал. Взрыв раздался в тот же момент… На том месте, где секунду назад был Гармона, осталась только развороченная земля и ничего больше…

На окраине поселка мы остановились и внесли уже потерявшего силы Бонилью в дом проводника. Паскуаль с хозяином пошли за врачом. Бонилья больше ничего не говорил. Дышать ему было трудно. Временами он сплевывал сгустки крови и вытирал посиневшие губы рукавом. Через полчаса Паскуаль вернулся без врача.

— Даже дверь не открыли, — сказал он возмущенно.

— Этот доктор никогда не ходит к больным ночью, — прибавил проводник и безнадежно махнул рукой.

— Он, наверно, не понял, что его зовут к раненому?

— Понял, — зло бросил Паскуаль, но ведь он сеньор…

— Посмотрим!

Пошли все трое. На площади, где стоял дом врача, мы еле вылезли из грязи. Дом высокий и массивный, как крепость. Нижние окна в решетках и так высоко, что даже постучаться нельзя. Долго колотили в дверь. Хозяева, конечно, проснулись. Они ждали, когда нам надоест колотить, а мы — когда они поймут, что не уйдем и спать не дадим. Наконец, нам открыли. На пороге появилась высокая костлявая дуэнья, но только для того, чтобы сказать, что доктор почивает. Паскуаль отодвинул ее от двери без всяких церемоний. Пока он с ней переругивался, я быстро отыскала комнату, где спал врач, и, постучав, открыла дверь, не ожидая приглашения. Врач даже подскочил от возмущения. В слабом свете, сочившемся сквозь жалюзи, он не разглядел, что перед ним женщина, и забегал по комнате, угрожая вызвать самого алькальда. По-видимому, он крепко ругался, во всяком случае, значительная часть слов, которые он употреблял, была мне совершенно не знакома.

— Я прощу оставить меня в покое! — гремел этот сеньор.

— Если вы сейчас же не осмотрите раненого, я поведу вас под конвоем!

— О-о… — доктор растерялся.

Последовала непродолжительная пауза. Потом он включил маленькую настольную лампочку и с удивлением начал меня рассматривать. Не знаю, что больше произвело на него впечатление: пара гранат у меня на поясе или иностранный акцент, во всяком случае, в его голосе что-то смягчилось, когда он произнес:

— Вы, может быть, выйдете, сеньорита, или мне надевать брюки при вас?

— При мне, — ответила я резко. — Чего доброго, потом вас не найдешь… Не обижайтесь, — добавила я примирительно. — В комнате почти темно.

Врач молча и быстро начал надевать на себя то, что положено для завершения туалета, потом приказал дуэнье подать чемоданчик, и мы пошли. Осмотрев Бонилью, врач сказал, что надо немедленно класть в больницу. Он опасался за состояние легких. Мы тут же поехали. Бонилья почти оглох. Сначала мы этого не заметили, но в дороге он все время переспрашивал нас или совсем не отвечал на вопросы. Добрались мы до больницы только к утру. Бонилье очень не хотелось оставаться там. Он с грустью смотрел на нас, пока мы не скрылись за дверью.

Прошло не так много времени с тех пор, как мы приехали, но на этом участке фронта делать стало нечего. Движение по железной дороге резко сократилось. Поезда проходили только днем, после того как фашисты тщательно осматривали все пути. В летнюю жару маленькая каменная Мора точно вымерла. Улицы оживлялись только с заходом солнца, и то ненадолго. Большинство жителей были заняты в сельском хозяйстве и ложились спать рано. Полковник уехал в Валенсию и, по всей видимости, не собирался возвращаться. Тем большей неожиданностью для нас стал вызов в штаб бригады. Говорили, что в Мору прибыло какое-то высокое начальство. Отправляясь, Артур просил меня быть очень точной в переводе.

В большом темном кабинете нас встретил невысокий чернявый полковник, представившийся просто: Касадо. Не скажу, чтобы мы были хорошо осведомлены о том, что делалось в высших инстанциях, но имя Касадо связывалось с представлением о наиболее реакционно настроенных кадровых офицерах. Он встретил нас с подчеркнутой холодностью, продолжая стоять посредине кабинета. Артур поздоровался с ним сухо и спросил, что полковнику от нас угодно.

— Прошу объяснить, что вы здесь делаете?

— Я имею направление на этот участок от Генштаба, и там, безусловно, известно, что именно я должен здесь делать.

— Надеюсь, вам известно, кто я?

— Я послал подробный отчет о проделанной работе своему начальнику в Валенсию и полагаю, что вам лучше обратиться к нему.

— Я хочу слышать отчет от вас лично.

— Ничего не могу добавить к тому, что уже докладывал раньше. В настоящее время я здесь только отдыхаю в ожидании командира бригады.

Касадо так ничего и не добился. Было заметно, что он раздосадован. Время от времени он бросал в нашу сторону хмурые взгляды. Наконец, потеряв терпение, полковник объявил, что больше не задерживает нас. Артур с достоинством откланялся и молча направился к выходу. В 1939 году Касадо переметнулся на сторону фашистов и открыл им дорогу на Мадрид.

Вскоре после этого разговора мы выехали в Мадрид. Перед отъездом я с Клаудио пошла в госпиталь навестить Бонилью. Палата выглядела бедной и мрачной. Серые цементные полы, низкие потолки. Через маленькое окно в глубокой нише с улицы в палату пробивался шум. Бонилья лежал на спине, вытянув руки поверх одеяла. Лицо его заметно осунулось и пожелтело, а синие жилки на висках бились тревожно. Он поднял на нас свои голубые глаза и улыбнулся. Впервые я заметила, что у него длинные загнутые ресницы и высокий белый лоб, на котором заметно выделялась полоска от кепки. Шея и грудь плотно забинтованы. Я думала, что он будет выглядеть хуже, и обрадовалась, но сестра сказала, что ему прядется лежать не меньше месяца: вся грудь в мелких ранках, а легкие… О легких она, видимо, не могла сказать ничего утешительного и только покачала головой. Думаю, что Бонилье здесь не нравилось, но он не жаловался, только смотрел на нас так, что мы не могли подняться и уйти. Клаудио уже третий раз говорил, чтобы Бонилья не волновался и скорее выздоравливал, что мы при первой возможности его навестим, а сам все продолжал сидеть на койке, поглаживая край жесткого больничного одеяла. Табак нам не позволили оставить, а гостинцы мы сложили в тумбочку.

— Лечись. Все будет хорошо, — сказала я в свою очередь и тоже погладила край одеяла.

— Да, да, конечно…

Бонилья смотрел на нас поочередно, улыбался. Может быть, он не слышал, что мы говорим, но не хотел переспрашивать, чтобы не огорчать нас. Когда принесли обед, нам все же пришлось уйти. Артур решил расстаться с Морой окончательно, но на этот

фронт нам еще предстояло вернуться.

С падением Малаги и решительным отпором, который дала фашистам республиканская армия на реке Хараме, на всех фронтах установилось относительное равновесие, но далеко не затишье. Фашисты продолжали предпринимать попытки продвинуться на Центральном фронте, но всюду или совсем не имели успеха, или добивались незначительных сдвигов. Только на Северном фронте противник имел некоторый успех, хотя последствия этого удалось использовать значительно позже. Мне очень хотелось остаться в Мадриде, но там уже действовал отряд Лени Писарева, молодого и симпатичного офицера, приехавшего в Испанию из Бельгии. Бои на окраинах почти прекратились, во всяком случае, противник не имел там за последнее время даже тактического успеха.

По приезде в Мадрид Артур отправился в штаб фронта. В подвале было тихо и прохладно. В длинном бетонном коридоре мы повстречали полковника Лоти (Львовича. — *Е.П.)*. Он всегда был прекрасно осведомлен о положении на фронтах. Хотелось поговорить с ним обстоятельнее, но у него не было времени. Он показал нам комнату наших советников, и приветливо помахал рукой. В комнате, куда мы вошли, сидело несколько человек — работников штаба. За столом невысокий кареглазый молодой человек старательно переводил какой-то документ с испанского. Узнав, что я переводчица, он попросил меня помочь. Я подсела к столу и попробовала разобраться. Смысл был понятен, но отдельные слова незнакомы. Наши советники наблюдали за нами, и я заметила иронические улыбки: у молодого человека перевод оказался гораздо удачнее. Один из них, тот, что был постарше, наклонился над переводом.

— Кто же из вас переводчик, не пойму, — заметил он шутливо.

Я толкнула своего соседа локтем в бок: не выдавай, мол. Молодой человек оторвался от бумаги и совершенно серьезно ответил:

— У нее совсем неплохо получается, я только уточняю кое-что…

Я подняла на него благодарный взгляд и вдруг обнаружила, что он совсем не так молод, как мне показалось сначала. Но когда я узнала, что это полковник Ратнер — советник командира корпуса, готова была провалиться от стыда. С ним мы познакомились ближе, когда перебрались в Гвадалахару.

Из штаба через поле мы пошли в сторону позиций. Солнце припекало, отвесно посылая слепящие лучи. Под ногами шуршала рано пожелтевшая на безводье жесткая трава. Вдруг я увидела

возле одного камня кучку патронов. Я собрала их и показала Артуру.

— Случается, что иногда бросают патроны, сказал один из офицеров.

— Наверно, это анархисты, которых мы сменили, — с досадой добавил другой.

В неглубокой ложбинке, куда мы спустились, стоял боец с четырьмя конями.

— Дальше поедем верхом. Ты умеешь? — спросил Артур.

— Конечно, мы в Дагестане…

— Ладно, потом расскажешь.

Войсковую разведку республиканская армия не вела. Это было настолько не принято, что иногда наша деятельность вызывала осуждение даже тех командиров, которые были непосредственно на передовых позициях, где отсутствие разведки сказывалось особенно тяжело. Поэтому разведотряды, подобные нашему, работали под руководством Генштаба и перебрасывались с участка на участок и даже с одного фронта на другой. Как советник, Артур подчинялся своему непосредственному начальнику, ранее главному советнику, Яну Берзину, а затем Хаджи Мамсурову.

Как-то Артуру предстояло выполнить разведзадание в районе расположения фашистских резервов вблизи одной из деревень, километрах в пяти от линии фронта. Мы прибыли в расположение роты, занимавшей оборону против этой деревни. Нас очень радушно встретил командир батальона, Артур сообщил ему о цели приезда и предъявил документ Генштаба, где значилось, что ему разрешается переходить фронт одному или с отрядом в любом месте и в любое время. Командир батальона ознакомился с документом и сразу помрачнел. Он повертел бумагу в руках и как-то странно посмотрел сначала на Артура, потом на меня.

— Вы хотите ночью идти в ту деревню?

— Да, сегодня ночью.

— Но это совершенно невозможно!

— Почему?

— Потому что там фашисты.

Наверно, взгляд, который бросил на него Артур, комбату тоже показался странным, и он поспешно добавил:

— Я могу предоставить вам возможность следить с наблюдательного пункта, у вас, я вижу, есть бинокль…

— Какая же это разведка — в бинокль?

— Как вам угодно, — обиженно пробурчал комбат, — но переходить фронт я вам не позволю; вы сами не понимаете, что делаете. Там фашисты…

Как Артур ни объяснял ему, комбат был неумолим. Пришлось уходить ни с чем.

— Шальной какой-то! — сказал комбат стоявшему рядом офицеру.

— А еще с женщиной… — поддержал его тот.

Я не оглянулась, меня разбирал смех, но не хотелось обидеть комбата, который, вероятно, был убежден, что сделал доброе дело — спас нас от верной смерти. Несколько дней мы усиленно проводили занятия по стрельбе из пулеметов и полученных недавно автоматов. Теперь отряд был хорошо вооружен, но стреляли мы еще плохо. Все старались нажать на спуск, кода удавалось подловить цель, и нам казалось невероятным, что именно в этом и заключалась ошибка. Промахнувшись, мы следующий раз пытались подсекать цель еще быстрее, дергали спусковой крючок и опять промахивались. С метанием гранат дело обстояло не лучше. Я заметила, что ребята гранат боятся; я, конечно, боялась тоже.

Однако с операцией медлить было нельзя. Артур часами просиживал над картами. В последних числах мая должно было начаться наступление республиканских войск в Гвадарраме. Неожиданно к нам приехал советник другого отряда, Кирилл Орловский. Ему было поручено срочно подорвать железобетонный мост в тылу фашистских позиций, чтобы противник не мог подтянуть резервы. Тол и другие материалы он раздобыл, но не было детонаторов, и их надо было достать любой ценой. Кирилл был в дороге уже вторые сутки без сна и без еды, и все безрезультатно. Оставалась надежда найти своего старого друга, Артура Спрогиса. Его-то теперь и разыскивал Кирилл. Он знал Артура как строгого конспиратора и не удивлялся, что Артур никому не говорил, где его отрад размещается. Кирилл лишь знал, что Артур должен быть где-то в расположении 11-й интербригады, следовательно, в окрестностях Гвадалахары. Вот он и кружил по проселкам, присматриваясь к попадавшимся на пути хуторам, отмечая опытным глазом признаки расположения отряда. Кириллу, конечно, и в голову не могло придти, что начинается отсчет мгновений, навечно запечатленных Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол».

Наконец он нашел то, что искал. На невысоком пологом холме стоял одинокий дом барачного типа. Вокруг тщательно вытоптанная трава. В дверях часовой с автоматом. Автоматы в ту пору были только у разведчиков 11-й бригады — предмет зависти всех остальных отрядов. Кирилл подрулил к дверям, подождал минуту, пока уляжется пиль, и окликнул часового. Тот оказался андалузцем, и понять им друг друга было трудно. Это

окончательно подтвердило, что он попал по назначению: отряд Артура был укомплектован в Малаге. Однако ни Артура, ни переводчицы в казарме не было. По всей видимости, в ней не было и никого другого. В это время отряд 11-й бригады был на операции в районе Утеки.

С рассвета Хосе сидел над картами: Артур поручил ему самостоятельно провести операцию по разведке на нашем участке фронта, Сложной ее назвать было нельзя. Надо было захватить «языка». Но никто заранее не знает, какой операция окажется при исполнении — сложной или простой. Все зависит от того, как сложатся обстоятельства. Разбираться в картах для Хосе, пожалуй, было сложнее всего. Он неграмотен, но Артур с ним много занимался, и карту Хосе понемногу читать научился. До завтрака они занимались картами вместе, я читала ему названия деревень и рек, а потом Хосе поехал в казарму. Он решил взять с собой только четырех бойцов. Отправив Хосе, мы с Артуром поехали выбирать место для операции в районе Саорехас. Вернулись поздно ночью.

Утром меня разбудила девушка, работавшая в нашем доме по хозяйству, Манола. Со сна я подумала, что что-то случилось. В гостиной ждал Хосе. Вид у него был такой сияющий, что сомнений не оставалось — все обошлось хорошо.

— Ну, как?

— Мы захватили двух офицеров: один командир батальона, а другой — еще не знаем кто.

— Где они?

— Здесь, в машине, у подъезда.

— Манола! — кричу я, — буди командира!

Артур вошел через несколько минут. Узнав о результатах операции, он распорядился отвезти пленных в штаб корпуса и сам отправился туда без завтрака. Долго искали начальника разведотдела. Артур реши пока допросить пленных сам.

Первым в кабинет ввели командира батальона. Это был высокий, еще молодой человек с энергичным, загрубевшим на солнце и на ветру лицом, с выправкой профессионального военного. Он подошел к столу, сильно прихрамывая, и с удовольствием сел, когда ему предложили. Выражение лица у него было деловым и серьезным, как будто он пришел с рапортом к начальству. Я подумала, что он откажется отвечать на вопросы, но неожиданно он изъявил полную готовность вступить в разговор. Сначала Артур спросил его относительно ранения, и офицер, видимо, успокоился. На вопрос, почему он на службе у фашистов, ответил односложно: «Служба». Как выяснилось из дальнейшего опроса, его часть была к началу мятежа под

командованием Франко, а в политике он никогда не разбирался. Впрочем, вопрос о его мировоззрении Артура не интересовал, и он перешел к выяснению обстоятельств, при которых тот попал в плен. Надо было возможно точнее обрисовать ход операции, что помогло бы ее участникам оценить свои собственные действия. Все четверо присутствовали при допросе и с интересом слушали. Из рассказа выяснилось, что фашистские офицеры возвращались в свою часть из штаба корпуса и растерялись, когда на дороге их остановили наши разведчики. Их было пятеро.

— Почему вас сопровождало столько человек?

— Я вез денежное довольствие на весь батальон.

Вынув из полевой сумки толстый пакет с деньгами, офицер положил его на стол.

— Положите на стол все ваши документы.

Офицер, не торопясь, выложил на стол все, что имелось у него в карманах. Я отобрала документы и вернула ему личные деньги.

— Кто второй офицер, который присоединился к вам в штабе полка?

— Не знаю. Он ничего о себе не рассказывал, и я ранее с ним не встречался.

— Вы стреляли, когда вас задержали на дороге?

— Нет, я сначала думал, что это наш контрольный пост, и приветствовал их, как положено. Когда те сказали, что они «красные», и велели слезать с коней, в них выстрелил вестовой. Ваши разведчики открыли огонь и убили его, а я спрыгнул на землю, но убежать не удалось. Я без возражений последовал за вашими людьми, хотя у меня прострелена нога.

Мне подумалось, что это очень крепкий парень. У нашего автомата калибр девять, наверно, сапог полон крови.

— Вы разрешите мне сделать перевязку? — спросил он, поморщившись.

— Сейчас вас осмотрит врач и будет оказана помощь.

Через минуту конвойный ввел следующего, а раненому разрешили идти.

— Меня расстреляют? — спросил раненый, обернувшись с порога.

— Не думаю, — ответил Артур, — но это зависит не от меня.

Вторым был тщедушный молодой парень без знаков различия. Быстрые вороватые глаза, тонкие злые губы. Артур не предложил ему сесть. Этот пытался придать своему лицу угодливую улыбку. Ничего не получилось. Лицо подергивало судорогой, в глазах застыл страх. На вопросы он отвечал торопливо и явно лживо, представлялся рядовым недоумком,

мобилизованным против желания. Хосе и Ретамеро внимательно следили за допросом. Осмотр документов и личных вещей не внес никакой ясности в вопрос о личности пленного. Заметив это, Хосе приоткрыл дверь и сказал что-то стоявшему в коридоре Сальвадору. В дверь просунулась рука с каким-то небольшим предметом, и Хосе знаком указал мне, чтобы я взяла. Я встала и подошла к двери. Пленный не посмел оглянуться, но как-то сжался.

— Это портмоне он выбросил при задержании, — тихо сказал Сальвадор, кивнув головой в сторону пленного. — Он не знает, что мы его подняли.

Вернувшись на свое место, я стала рассматривать находившиеся в портмоне бумаги, положив их на колени так, чтобы пленный не видел.

— Почему вы не носите знаков различия? — продолжал допрашивать Артур.

— Я направлялся в отпуск, и потом — я ведь не офицер.

— Командиру батальона представили вас в штабе как офицера,

— Возможно. Я не обратил внимания.

Между тем я развернула одну из бумаг. Документ был напечатан на хорошей плотной бумаге с печатями. В нем говорилось, что лейтенант республиканской армии такой-то перебежал на сторону фашистов и представил штабу корпуса ценные сведения и что ему объявляется благодарность. Тем временем пленный продолжал врать. Я быстрым движением руки положила портмоне с развернутой бумагой на стол и посмотрела на пленного. Он вздрогнул и заметно побледнел. Все понятно: узнал свое портмоне.

— Что это такое? — спросил Артур.

Я перевела ему содержание бумаги. Минуту длилось молчание. Потом пленный тихо сказал, не поднимая глаз:

— Я бы хотел исповедаться, если можно.

— Можно, — коротко бросил Артур и приказал вывести пленного.

Через три дня ко мне пришел Ретамеро. Вид у него был обиженный и растерянный. Он молча протянул мне свежую газету с большей статьей, отмеченной на полях красным карандашом, и терпеливо выждал, пока прочту.

— Хосефа, смотри, здесь один лейтенант присвоил себе всю нашу операцию… Он командует ротой на том участке, где мы переходили фронт, и провожал нас до переднего окопа, но дальше мы его не взяли.

Я тоже возмутилась нахальством этого лейтенанта и

побежала к Артуру. Узнав, в чем дело, он ничуть не огорчился. Мне даже показалось, что он остался доволен.

— Очень хорошо, — сказал он, когда я кончила читать статью. — О нас меньше будут говорить.

— Но ведь ребятам обидно!

— Тем, кто намерен собирать аплодисменты, в разведке делать нечего. Говорить и писать будут не о нас… Пойди и объясни это бойцам.

Конечно, Артур был прав, и все-таки обидно.

Вечером Артур предупредил, что с утра поедем на позиции. Наверно, он уже наметил подходящий участок и хочет посмотреть его на местности. Утром, наскоро проглотив горох, спешу в отряд. Вскоре показалась и машина Артура. К нашему удивлению, он приехал не один. За ним из машины вышел высокий белокурый молодой человек в простом сером костюме.

— Капитан Базиль (Василий Цветков. — *Е.П.),* сапер.

Мы поздоровались и вопросительно посмотрели на Артура. Гостей у нас обычно не принимали, и случай был исключительный.

— Некоторое время побудет у нас, чтобы освоиться с условиями работы, и подучит подрывному делу.

Я перевела бойцам, что приехал инструктор-сапер и будет с ними заниматься. Капитан очень приветливо улыбался, но в разговор не вступал, по-испански, видимо, не говорил.

— Если хотите, можете остаться в казарме, скорее научитесь объясняться с бойцами, но на операцию я вас пока не возьму, — сказал Артур.

Капитан был согласен и попросил разрешения осмотреть лабораторию. Раньше мы получали готовые мины и только немного усовершенствовали их, но после гибели Гармоны Артур от них отказался. Выход был назначен на следующий день. Все принялись за подготовку, а мы с Артуром отправились домой. С утра пришлось заниматься гостями: приехали два офицера с Мадридского фронта. Командир разведотряда, Леня Писарев, сын эмигранта из Брюсселя, хорошо говорит по-русски; второй — Лев Василевский, в его обязанности входило обеспечение этого отряда. В Мадриде я с ним иногда встречалась. Артур дал им «взаймы» один автомат; больше мы дать не могли, так как вечером сами должны были выходить. После обеда проводили их и стали собираться в дорогу. Мне предстояло проехать километров тридцать-сорок машиной и дальше пешком — километра три. Перед этим надо было заскочить в штаб батальона за Андрэ. Артуру ехать километров семьдесят, и он выехал немедленно.

В отряде никто не спал. В землянке на деревянном табурете горела коптилка. В слабом свете я разглядела нашего Мануэля. Он лежал на соломенном тюфяке и смотрел страдальчески. Мне почудилось что-то виноватое в выражении его лица.

— Почему ты здесь?

Мануэль молчал.

— Он заболел, ему стало плохо, — пояснил один из бойцов.

Я пытливо посмотрела на Мануэля — не очень-то в это верилось. Мануэль никогда не проявлял особой готовности участвовать в операциях, но мы не отчисляли его из отряда, потому что он искренне хотел побороть свою нерешительность.

Бывало и раньше, что он отказывался от выхода, но обычно заранее. Я думаю, что при Артуре он пошел бы. Мы с капитаном направились к окопам, но едва успели спуститься, как раздался выстрел. Следом за ним несколько очередей из автоматов. Минуту эхо перекатывало отзвуки по дальним холмам и ущельям, потом все стихло. Солдаты в окопах напряженно вслушивались. Нервы были так напряжены, что, когда раздался взрыв гранаты, мы вздрогнули. По фронту покатилась беспорядочная стрельба, но оттуда, где она возникла, мы не услышали больше ни звука. Похоже, что наши разведчики оторвались от преследования.

— Вашим солдатам, — обратилась я к комбату, — возможно, придется поддержать наших.

Комбат молча исчез в темноте. Вокруг шептались бойцы обороны. Было ясно, что произошла стычка и нашим пришлось открыть огонь. А потом? Удалось ли им надежно оторваться и скрыться? Перестрелка произошла приблизительно в километре от линии фронта. Возможно, разведчикам придется выходить на другом участке фронта. Комбат вернулся.

— Пойдет группа солдат первой роты, — сказал он. — Советую все же подождать минут пять-десять. Может быть, они выйдут сами.

Удивительно, что Хосе не оставил в окопах группу прикрытия, наверно, из-за отказа Мануэля возникла необходимость усилить оперативную группу. Ему виднее.

— Если опять начнется стрельба, мы медлить не станем, — добавил Андрэ. — Пожалуй…

Стали слушать, но тишина больше не нарушалась. Так прошло несколько минут. Комбат пошел проверить готовность группы поддержки. Неожиданно из темноты выскочил какой-то солдат и, не увидев комбата, обратился ко мне:

— Ваши ребята пришли, они у нас в окопе.

Мы побежали туда. Скоро я услышала голоса наших бойцов. Они громко и возбужденно переговаривались, но сколько их,

определить было трудно. Я спрыгнула в окоп в том месте, откуда слышался голос Хосе. Он действительно был там, но, увидев меня, метнулся в сторону и исчез. Можно было только заметить, что на нем не было рубахи. Передо мной встал Сальвадор. Он начал теребить меня за рукав и стараться не пустить за Хосе.

— Ты чего? Что случилось?

— Все в порядке, мы все вернулись.

— Раненые есть?

— Один.

— Кто?

— Хосе.

Вот он опять появился, неуклюже протискиваясь в узком окопе. На нем уже была рубаха. Значит, он не хотел показываться без нее.

— Рассказывай, — попросила я.

— Ничего особенного не случилось. Нам пришлось пересекать освещенную луной площадку, и нас заметили. Навстречу кто-то выстрелил, тут мы дали из всех автоматов, а Сальвадор, отступая, бросил гранату…

— Вот после того, как бросили гранату, нельзя было сразу бежать. Могли прилечь на секунду, пока она взорвется, — заметил Андрэ, который уже несколько минут прислушивался к разговору.

За его спиной столпились бойцы, назначенные в группу прикрытия.

— Куда тебя ранило?

— В плечо сзади, — в голосе чувствовалось смущение.

— Теперь нам попадет от Артура, — сказала я.

Хосе и сам понимал, что поступил опрометчиво, но делать нечего. Идти второй раз уже не хватало времени. Восток заметно посветлел. Надо было выбираться из окопов, днем выйти отсюда гораздо сложнее. За нами увязались два солдата из окопов: братья Рафаэль и Антонио. Они горячо упрашивали комбата отпустить их с нами. Тот не соглашался. Я предложила прислать этих ребят в наш отряд на обучение, если, конечно, Артур не будет возражать. Эта идея комбату понравилась, у него разведчиков не хватало, кроме того, разведку они вели, как и на большинстве участков фронта, только наблюдением.

От Артура нам не попало. Наверно, потому, что он сам сходил неудачно. Они обнаружили фашистский штаб, но не там, где ожидали, а километрах в десяти за линией фронта. Артур незаметно подошел к часовому и схватил его винтовку. Одновременно справа и слева от часового появились Факунда и Амарильо. Все это произошло для часового совершенно

неожиданно, и, поскольку ему не успели зажать рот, он заорал во все горло… Пришлось скрыться, гарнизон поселка был сильным. Неудача заставила Артура немедленно начать подготовку к новой операции. Нужно было что-то решать и с Мануэлем.

— Мануэль должен уйти, — заключил Хосе.

В это время из дверей казармы вышел Мануэль. Он, наверно, слышал последнюю фразу и насупился. Странно было видеть суровым его румяное лицо.

— Пойдешь в строевую часть, — сказал ему Хосе.

— Не пойду.

— Пойдешь, — подтвердил Рафаэль.

Остальные молчали. Молина передернул плечами, но все-таки промолчал. Голосовать не стали. Упрямство Мануэля возмутило даже тех, кто его жалел. Разговор прервало появление Паскуаля с машиной. Мы думали, что приехал командир, но оказалось, что машину прислали за мной. Я наскоро попрощалась и поехала в Гвадалахару. На другой день Мануэль пришел к нам. Мы думали, что он что-нибудь пообещает, но Мануэль попросил только не отчислять его.

— Ты будешь нести службу вместе с товарищами? — спросил Артур.

Мануэль отрицательно покачал головой.

— Ты понимаешь, что я должен отдать тебя под суд?

— Понимаю.

— Мануэль, ты понимаешь, что потом мы уже ничего же сможем изменить?

Мануэль отвернулся и опустил голову. Ретамеро потрогал его за плечо и постарался заглянуть в глаза.

— Если ты не уважаешь закон и товарищей, то пожалей хоть себя!

Все глаза были обращены на Мануэля, в них были тревога и растерянность. Никто не нашелся, что еще можно сказать. Бонилья стоял, прислонившись к дереву, и казалось, он ничего не слышит. Временами он кашлял, а дрожащие пальцы не могли справиться с платком. Неужели Мануэлю не стыдно перед Бонильей? Я переводила взгляд с одного бойца на другого, стараясь понять их чувства. Хосе терпеливо ждал, что Мануэль хотя бы объяснит свое поведение. Не дождавшись, он резко сказал:

— Кто дежурные? Отвести Мануэля в штаб вод конвоем!

Сальвадор и Маноло встали рядом с винтовками в руках.

— Хосефа, ты ничего не скажешь?! — кинулся ко мне Молина. — Он бросился в реку, когда ты тонула…

— Пусть бы он лучше швырнул меня обратно в воду…

Больше я ничего сказать не могла, голос не слушался, и куда-то девался воздух. Говорят, что когда человек постигает горе или тяжелое испытание, он закаляется. Не знаю… Мне кажется, что за эти минуты я просто постарела…

Вскоре пришли сведения о наступательных операциях республиканцев в Гвадарраме. В ней, по масштабам той войны, участвовали довольно значительные силы: 35-я дивизия под командованием комбрига Карела Сверчевского, 14-я Интернациональная бригада франко-бельгийского состава, 69 и 39-я бригады, усиленные танками и авиацией. Накануне Кирилл Орловский подорвал мост в тылу фашистских войск и взрывом завалил шоссе. Эта операция была проведена с помощью местного партизанского отряда. Наступление имело тактические цели и на четвертый день закончилось незначительным успехом республиканцев.

Жара над Мадридом, жара над всей Кастилией. Когда вспоминаешь эти последние четыре месяца, кажется, они прошли очень быстро, а когда вспоминаешь каждый из тех дней — все это длилось бесконечно…

Разведывательные и диверсионные операции под Толедо и Талаверой-де-ла-Рейна закончились в первой половине июля. Несколько дней разведчики объединенных отрядов держали в своих руках железную дорогу, по которой фашисты пытались перебросить с юга снаряжение и войска на Центральный фронт. Потерь в отрядах не было, раненых двое-трое. Наш отряд вернулся на свою базу в Гвадалахаре.

Лето 1937 года было особенно напряженным. Бои шли на всех фронтах. Особенно примечательной была операция республиканских войск под Брунете, западнее Мадрида. С ней республиканцы связывали большие надежды.

Глава 6. «Пятая колонна»

Отряд прибыл в Гвадалахару поздно вечером. Артур связался по телефону с Мадридом. Вести были тревожные. Противник перехватил под Брунете инициативу, и бои вспыхнули с новой силой.

— Я еду туда, — сказал Артур, — а ты останешься с отрядом. Надо срочно провести ночной поиск. Требуется установить, какие части действуют на вашем фронте в районе Гвадалахары.

Утром пришел Хосе, и Артур объяснил ему по карте, где следует искать «языка». Придется уточнять это еще на местности. Ну, это потом. Сейчас надо приводить себя в порядок после дороги и проверить оружие. Артур уже собрался в путь.

— Потом людям отдыхать, — крикнул он на прощание, и через минуту его уже не было, только на дороге, что вела в город, повисла легкая дамка пыли.

Эта операция была примечательна только одним: «язык» был взят с согласия обеих сторон. Он, можно сказать, сам на нас наскочил. Он подходил к поселку, когда Хосе преградил ему дорогу и положил руку на плечо. Хлопец не испугался и даже не удивился. Возможно, он в темноте не разглядел, кто перед ним, и принял Хосе за одного из своих товарищей. Когда из темноты выступил Бонилья и ухватил его за правую руку, солдат немного растерялся, завертел годовой, не пытаясь, однако, вырваться. Кругом было тихо, в поселке ни огонька.

— Не бойся, — сказал ему Хосе, — ничего плохого тебе не сделают, зададут несколько вопросов, а потом, может быть, и обратно пойдешь.

— Не! Я не дурак! — энергично запротестовал пленный. — Чтоб я обратно вернулся!..

Итак, с заданием управились. Больше в Гвадалахаре до возвращения Артура мне делать было нечего. Обычно, когда выпадало свободное время, мы отправлялись в Мадрид. Конечно, следует подразумевать, что по-настоящему свободного времени у нас не было никогда. Просто так назывались те дни, когда мы не были заняты на операциях или подготовкой к ним. В Мадриде мне хотелось узнать, где в настоящий момент находится 11-я интербригада. Мы состояли там на довольствии, а запасы продуктов подходили у нас к концу. Путь предстоял недолгий, всего каких-нибудь шестьдесят километров, час-полтора езды, если не будет неожиданных препятствий. Мы уже миновали Алкалу де Энарес и, пользуясь прекрасным шоссе, на большой скорости ехали между двумя рядами тенистых тутовых деревьев,

мечтая о глотке холодной воды, ибо жара стояла убийственная. Поля кругом выжжены, желтые и унылые. Вдали, почти призрачные в мареве раскаленного воздуха, виднелись вершины Сьерры Гвадаррамы. До самых гор равнина пустынна, только вдоль шоссе медленно брело стадо баранов. Они лениво переступали, низко опустив головы, и пастухи старались держать их в тени деревьев. Не успели мы поравняться с этим стадом, как вдруг совсем неожиданно бараны хлынули на проезжую часть шоссе прямо под колеса машины такой плотной массой, что не могли даже разбежаться, когда первые из них были сбиты с ног. Несколько секунд машина ехала по несчастным животным, колышась, как лодка на волнах. Пока шоферу удалось сбросить скорость и остановиться, на шоссе уже лежало несколько десятков искалеченных животных. Поразительно, что все это произошло в полной тишине. Не знаю почему, но раненые бараны не издали ни звука. Я вышла из машины и села на обочину дороги, стараясь прийти в себя. Меня мучили угрызения совести. Паскуаль, закусив нижнюю губу, обтирал кузов машины. Оба мы были подавлены этой нелепой сценой и молчали. Прошло не менее получаса, пока мы смогли продолжить путь. Каждый по-своему переживал происшедшее. Небо над нами бледно-голубое. Тихо. Только изредка щелкала о крылья машины вскинутая колесами дорожная галька, да рокотал мотор нашей натруженной военными дорогами машины. Мысли снова вернулись к глотку холодной воды, но солнце давно уже высосало из земли весеннюю свежесть, и по дороге встречались только высохшие русла ручьев да оскудевшие фонтаны, к которым не приближались даже бабочки.

— Плохая примета, — проговорил Паскуаль и обтер рукавом побуревшие от пыли губы.

Справа вдалеке показалось окруженное зеленью большое здание — дворец Эль Прадо. Совсем недавно мы там осматривали собрание прекрасных средневековых гобеленов. Вход в замок охраняли бойцы, но большая часть коллекции была упрятана в подвалах. Вскоре показалось и огромное краснокирпичное здание цирка. Раньше там проходили корриды, а теперь, говорили, в цирке содержат около пяти тысяч пленных франкистов, больше разместить их было негде. Я никогда не пыталась заглянуть за эти стены, хотя проезжала мимо много раз. После того что я видела при отступлении из Малаги, где погибло столько людей, жалости к франкистам я не испытывала, но все равно на этот цирк смотреть было неприятно.

Мы проехали к зданию штаба обороны Мадрида, который помещался теперь в глубоких подвалах. При входе необходимо

сдать личное оружие. Я выполнила это требование, правда отчасти. Пистолет был у меня не в единственном экземпляре. Отдавая оружие в чужие руки, расстаешься и с уверенностью, что потом оно будет исправно стрелять… На войне как на войне… В подвалах длинные темные коридоры. Направо и налево высокие, наглухо закрытые двери. Потолки низкие, бетонные, и все какое-то серое. Я открыла дверь в кабинет наших советников и заглянула. Тихо, начальства нет, можно заходить. За рабочим столом тоже никого нет. Я уж подумала, что на фронт уехали все, но ведь должен был остаться дежурный… Оглядевшись внимательнее, я заметила переводчицу Людмилу. Она лежала у дальней стены на чем-то, похожем на носилки, поставленные на простые стулья. Глаза закрыты, лицо темное и какое-то неживое.

— Людмила?!

— Плохо мне что-то, — прошептала она бледными губами.

— Не спала? — это первое, что приходит в голову, когда видишь, что человеку плохо.

— Не то.

— Встать можешь? Я отведу тебя в отель.

— Не надо. Врача уже вызвали, наверно, сейчас придет. Говорить ей было, видимо, трудно, и я не стала расспрашивать.

Людмила повернула ко мне голову и, преодолевая слабость, рассказала, что произошло. Утром она чувствовала себя совершенно здоровой, собиралась в штаб. Выпила стакан чаю и съела омлет. Дурно стало по дороге, но она не придала этому значения. Штаб от отеля Гейлорд совсем близко. Однако, выходя из машины, она почувствовала себя совсем плохо. Тошнило, кружилась голова… В комнату ее уже вносили на руках. Я молча слушала, боясь поверять страшной догадке: она отравлена. От чая и омлета не могло быть так плохо, да еще в считанные минуты.

— А где твой начальник?

— Должен был ехать следом, я отослала ему машину, но его почему-то до сих пор нет.

— И не звонил?

— Нет.

Наш разговор прервало появление врача. Он пощупал пульс и задал примерно те же вопросы, что и я. Особенно его интересовало, когда и что она ела.

— Отравление? — спросила я с тревогой.

— Я в этом уверен.

Вызвав ординарца, врач распорядился немедленно отправить больную в госпиталь. Я слабо запротестовала, а Людмила отказалась наотрез. В отеле у нас был хороший врач.

— Езжай в отель, Хосефа, скажи, чтобы приехал врач, может

быть, я так отлежусь…

Я взяла ее руку и почувствовала, что рука вялая и холодная. Пробежав весь длинный коридор, я выскочила на улицу и кликнула Паскуаля. Ему не нужно было объяснять, что я тороплюсь. Он только взглянул мне в глаза и бросился запускать мотор. Минут через пять мы были на месте. У подъезда отеля стояло всего две машины. Значит, и в отеле народу негусто. Это вполне естественно, ведь бои шли всего в нескольких десятках километров западнее Мадрида. Я побежала в столовую. Время близилось к обеду, в этот час кое-кого из советников можно было перехватить и в ресторане. Обычно во время обеда мы узнавали все новости, и сейчас нужно было найти хоть кого-нибудь. Дверь в конце коридора открылась, и появился Кольцов. Он несся так же стремительно, как и я, по инерции проскочил мимо, едва скользнув взглядом поверх моей головы. Вдруг, точно о чем-то вспомнив, обернулся и протянул мне руку. Это меня несколько удивило. Я привыкла к тому, что он всегда торопится, и никогда не пыталась с ним заговорить. Михаил Кольцов вечно метался в поисках новостей. Знал он немало, но ему, наверно, всегда казалось, что чего-то он не слышал, что за последний час могли произойти важные события, но он вовремя не узнает. На этот раз я меньше всего хотела воспользоваться его вниманием, да и вообще журналистов недолюбливала. Короче говоря, у меня к нему вопросов не было. Пожимая мою руку, он слегка улыбнулся, но быстрые темные глаза за круглыми очками оставалась такими же невыразительными, как всегда.

— Где Артур? — спросил он озабоченно.

— Сама ищу.

— Он говорил, что на этих днях намечается разведоперация.

— Хм.

— Понимаю, но мне хотелось бы… Мы как-то уже говорили об этом, выйти хоть раз с вашей группой. В общем, Артур мне не отказал.

Отказал. Это я точно знала. Но я знаю также и манеру Артура. Он отказывает вроде бы в шутку, вежливо и уклончиво: когда-нибудь, возможно… А Михаилу Кольцову прямо сказал: «Пройди пешком двадцать пять километров, потом придешь и попросишься…», а мне дал строгий наказ: не допускать в отряд никого из посторонних, и тем паче журналистов.

— Операцию, которую имел в виду Артур, мы уже провели, — ответила я.

Кольцов сразу потерял ко мне интерес, его птичьи глаза снова скользнули мимо.

— Вы не встретили тут врача? — спросила я, придержав его

за обшлаг.

— Он только что зашел в пятый номер.

Кивнув на прощанье головой, я побежала в пятый. Врач действительно оказался там. Он оказывал помощь начальнику Людмилы, тот был в еще более тяжелом состоянии. Оказалось, что проснувшись, он выпил только полстакана воды из графина, который стоял на столике у кровати. Я сказала врачу о состоянии Людмилы и побежала искать кого-нибудь из наших советников. Надо было немедленно начать поиски преступников, пока весь персонал еще в отеле. Злоумышленники не должны были бы уйти немедленно, это навлекло бы подозрение. В одном из номеров я обнаружила Льва Василевского. Он, ничего не подозревая о случившемся, писал очередной отчет в Валенсию.

— Лео! — начала я с порога, — надо срочно вызвать полицию! Наших людей отравили…

— Не паникуй. Сейчас допишу и разберемся. Через несколько минут в Валенсию ждет мотосвязь Генштаба.

Ждать и догонять, говорят, хуже нет. Я выскочила на улицу и велела Паскуалю ехать к начальнику полиции Мадрида. В то время этот пост занимал полковник Давид. Знакома я с ним не была. В здание полиции меня пропустили, но начальник принять отказался. Это было странно. Обычно сотрудников штаба интернациональных бригад принимали сразу. Ко мне так отнеслись, наверно, потому, что я пришла без своего начальника. Когда я вернулась в Гейлорд, сразу почувствовала, что обстановка резко изменилась. Поступили сигналы о еще нескольких случаях отравления. Острое недомогание почувствовали все, кто ночевал в отеле и хоть что-нибудь съел перед выездом на фронт. В числе пострадавших оказался Главный советник, комком Штерн и его переводчица. Они заболели в дороге и вынуждены были остаться на полпути. Лео бросил свой отчет и подхватил меня на пороге. Вместе с его начальником, П. Боярских, мы снова поехали к начальнику полиции. На этот раз он принял нас немедленно и казался очень взволнованным.

— Надо было сообщить немедленно! — патетически восклицал он, хватаясь за телефонную трубку.

— Я была у вас час назад, и вы меня не приняли.

Давид бросил грозный взгляд на своего адъютанта и начал извиняться. Впрочем, мне показалось, что все это было разыграно. К вечеру выяснилось, что всего было отравлено восемнадцать человек — советников и их помощников. Хорошо, что доля, пришедшаяся на каждого, была столь незначительная, что смертельного исхода ни для кого не последовало.

Операция прорыва на Брунете, начавшаяся шестого июля,

была одной из самых серьезных на Центральном фронте. В первых рядах, наступающих на Кихорну и кладбище, где укрепились марокканцы, была рота австрийцев и немецкие антифашисты с бригадой имени Тельмана. Из дневника, который вел в Испании командир 11-й интербригады Ганс Каале, видно, что в этих боях участвовали и бойцы других национальностей. 19 июля Людвиг Ренн замещал заболевшего Каале, и ему пришлось лично посетить артиллерийские позиции. По пути к Вильянуэва-де-ла-Коньяда он остановился, чтобы переждать налет вражеской авиации. Накануне здесь проезжала машина со снарядами, и фашистский «юнкерс» соблазнился ее атаковать. Снизившись, самолет забросал машину бомбами, и одна из них попала в цель. Но летчику не пришлось порадоваться — воздушная волна и осколки разнесли «юнкерс» на куски. Проезжая опасный участок, Ренн заметил остановившийся в стороне грузовик. По опознавательному знаку 3/11 Ренн узнал грузовик, принадлежавший его бригаде, а именно батальону имени Тельмана. За рулем сидел негр.

— Что у тебя в грузовике? — спросил он шофера.

— Боеприпасы.

— Что ж ты стоишь здесь?

— Так было приказано.

— Кем?

— Кем-то из батальона.

— На каком языке тебе дали этот приказ?

— На немецком.

— А ты его знаешь?

— Справляюсь.

— Как ты вообще попал в этот батальон?

— Послали нас сюда. Нам все-таки хотелось бы больше к американцам или к англичанам.

Ренн приказал ему немедленно съехать с дороги и проводил до более безопасного места.

— Боялся? — спросил он шофера.

— Боялся. Однако человек должен стоять там, где ему приказано.

24 июля франкисты перешли в решительное контрнаступление. Оно началось артиллерийским налетом, за которым последовал столь же массированный удар авиации. К командному пункту бригады без особой осторожности шел высокий человек в гражданском костюме. Шляпу он предусмотрительно держал в руках. Ренн выскочил из окопа, чтобы втащить туда наивного храбреца, так некстати появившегося на позициях.

— А ну, быстро прыгай в эту дыру! — потянул он его за рукав.

Когда кончился налет авиации и из окопчика показалась голова незваного гостя, Ренн узнал в нем участника Международного конгресса писателей-антифашистов норвежского писателя Нордала Грига. Последние дни конгресса проходили в Мадриде, и не один Нордал стремился побывать на фронте, хотя это и не разрешалось.

— Что тебе здесь надо, на передовых? — в сердцах воскликнул Ренн. — Сейчас здесь начнется нешуточный бой!

— Хотелось навестить норвежских товарищей, — оправдывался Нордал Григ.

— Они впереди, в окопах, я не могу позволить тебе туда идти, это слишком опасно, да и здесь не место для делегата конгресса.

Нордал спокойно улыбался.

— А нельзя ли пройти еще немного вперед?

— Я не позволю тебе в такой обстановке идти даже назад. Вот стемнеет, велю отвезти тебя в Эскуриал, там есть где переночевать.

Однако Нордал Григ все же удрал на передовые позиции и нашел там своих земляков. Мало того, он решительно заявил, что останется с ними.

25-го франкисты окончательно овладели снова городом Брунете, а к концу месяца бои затихли.

Одна из бригад, наступавшая в первом эшелоне, была андалузской, и Паскуаль, конечно, уже повстречался с земляками. Шоферы всегда видятся друг с другом раньше всех. Ему не терпелось поделиться с нами последними новостями.

— Я встретил ребят из Антекеры, — начал он, открывая мне дверцу кабины.

Я остановилась и посмотрела с некоторой надеждой, может быть, сведения о потерях преувеличены… В это время из дверей отеля вышел полковник Лоти и, увидев Артура, подошел к машине. Паскуаль быстро сменил тему. Кто такой Лоти, он не знал.

— Антекера в древности называлась Сингала, — продолжал он спокойно, вынимая из кармана дорожную карту.

— Где достал?

— Долго ли умеючи… — ответил Паскуаль, усмехнувшись.

Артур обменялся с Лоти несколькими фразами, а я отошла в сторону, занятая своими невеселыми мыслями. Иначе я не упустила бы возможности послушать, что думает Лоти о положении на фронте. Он советник Генштаба и в курсе всех дел. Реплика Паскуаля сбила меня с толку. Оказывается, он знал

древнюю историю. Я, в сущности, ничего не знаю о нашем верном друге и бессменном шофере. Кем он был до войны? Учителем, а может быть, историком?

— А как называлась Фуэнхирола, откуда мы так вовремя унесли ноги перед падением Малаги? — спросила я, ожидая, что Паскуаль на этом вопросе «срежется».

— Суэль, или Сели.

Артур, распрощавшись с Лоти, пригласил меня в машину. Усевшись на заднее сидение, он несколько недоуменно оглядел нас: Паскуаля, лукаво улыбающегося, и меня, растерянную и пристыженную. Оказывается, разговаривая с Лоти, он одним ухом прислушивался к нашему разговору. Упоминание неизвестных ему населенных пунктов не прошло незамеченным, хотя содержания разговора он не уловил.

— О чем ты говорила с Паскуалем? — спросил Артур, когда машина тронулись.

— Так, ничего срочного…

— Мне показалось, что речь шла об андалузцах из Сотой бригады.

— Паскуаль, что ты хотел мне сказать о ребятах из Антекеры?

— Они рассказывали, что анархисты не вступили в бой.

— Этого надо было ожидать. Они, видимо, надеялись на то, что Пятый корпус выйдет из боев обескровленным. Война еще в полном разгаре, а они уже думают, как бы сохранить свои силы для новой стычки с партиями Народного фронта.

Паскуаль молча наращивал скорость. Он торопился выехать из города, пока не стемнело, и можно было не зажигать фар. Заехали в штаб за ночным паролем и в комендатуру за моим пистолетом. Артур мирно спал, приткнувшись головой к стеклу дверцы. Когда машина набрала скорость, Артур на каждой выбоине стукался головой, но не просыпался. Паскуаль пристально смотрел на освещенную фарами дорогу. Кем же он все-таки был до войны? У нас до сих пор только и разговору-то было: хватит ли бензина, далеко ли до того или другого населенного пункта? Конечно, во всем виновато мое слабое знание языка. На более-менее сложные темы мы разговоров избегали. Однако это вовсе не значило, что мы не понимали друг друга. Я знала, что Паскуалю можно доверять все, и жизнь тоже. Что касается анкетных данных, то мы ничего не знали и не спрашивали друг о друге. Об Артуре мне тоже ничего не было известно, кроме имени, да и то я не была уверена в том, что оно подлинное. Это просто случайность, что он сохранил в Испании настоящее имя, оно ничем не выдавало его гражданства. Моего настоящего имени он тоже не знал и чаще всего называл Муркой.

Наверное, ему это было приятнее, чем явно фальшивое — Хосефа.

Несколько дней прошли спокойно, если не считать хозяйственные заботы, которых накопилось достаточно. Прежде всего, предстояло раздобыть еще одну легковую машину. Нам посчастливилось подобрать на дороге оставленную кем-то неплохую спортивную машину, но ее отобрали. Оказалось, что она принадлежит бригаде Мате Залка, и ее просто не успели вывезти после аварии. У Лукача, как звали Мате Залку в Испании, тоже была неплохая разведка — он быстро установил, кто забрал его машину, и забрал ее обратно, правда, после того, как мы ее отремонтировали.

Артур отправил меня за машиной в Мадрид. Обычно мы доставали машины очень просто: выискивали какую-нибудь без хозяина и угоняли или договаривались с шофером, который был бы не прочь сменить хозяина. Потом уводили машину вместе с шофером, согласовав эту «операцию» в штабе фонта. С такого согласования я и начала. Доказать, что разведотряду машина нужна, было нетрудно, и я получила записку к начальнику гаража, согласно которой мне разрешалось взять любую бесхозную машину. Естественно, в мадридском гараже не стояли машины фронтовиков. Скорее всего, там можно было обнаружить машину «запасливого» хозяина, придерживающего ее «на всякий случай».

Мне сразу повезло. Я обнаружила маленькую серую машину без хозяина.

— Чья машина? — спросила я у шоферов.

— Писателя Эренбурга, он в Париже.

— Я ее забираю, Паскуаль, осмотри…

Паскуаль немедленно влез в машину. Ключи были на месте.

— А если приедет хозяин? — забеспокоился завгаражом.

— Пусть обратится к Хосефе Перес Эррера.

Я набросала на блокнотном листке расписку, а Паскуаль вывел машину из гаража. Это был «фордик» — резвый и довольно экономный. Теперь мы с Артуром могли ездить порознь и успевать гораздо больше. На хозяйственные хлопоты Артур времени не тратил, и на меня ложилась роль фельдфебеля или старшины. В более сложных случаях Артур, конечно, занимался такими вопросами сам.

Прежде всего, надо было съездить в штаб 11-й бригады и урегулировать вопрос о присвоении некоторым разведчикам воинских званий. Предполагалось, что бригада после отдыха будет переброшена на Арагон. Артур договорился, что мы остаемся в составе бригады, но не будем ее сопровождать. В принципе, были решены и другие организационные вопросы. Мне

предстояло кое-что детализировать. Людвиг Ренн встретил меня приветливо, но выглядел плохо. Он еще больше похудел. В последние годы на его долю выпало слишком много испытаний: тюрьмы в фашистской Германии, скитания на чужбине после побега и, наконец, бои, в которых он участвовал с самого начала организации интернациональных бригад. Это был очень скромный и терпеливый человек. Артур рассказывал, что однажды Ренн на позициях выбрал время немного обмыться и снял рубашку. Оказалось, время выбрано не очень удачно, началась бомбежка, и Ренн остался без рубашки. Так и ходил весь день голый по пояс. Второй рубахи у него не оказалось. Жаль было отнимать время у начальника штаба, но по делам разведотряда говорили только с ним или с Каале. Людвиг смотрел на меня своими добрыми голубыми глазами, как бы умоляя отказаться от «подходов» и приступить прямо к делу. Но я боялась просить то, за чем приехала, поэтому все-таки начала издалека:

— Я слышала, что у вас нехватка комсостава?

— Верно. В последних боях мы потеряли много офицеров, а заменить пока некем, среди бойцов грамотных мало.

— Пока вы не укомплектовались, мы можем немного пополнить штаты младшего комсостава…

Людвиг посмотрел на меня с интересом, но не очень доверчиво.

— Мы, конечно, не можем дать вам командиров, у нас их нет, но я думала, что можно бы повысить в звании некоторых наших разведчиков, у нас в отряде сейчас все, кроме Хосе Гарсия, рядовые.

— Можно, — улыбнулся моей неловкой хитрости Ренн, — подавайте списки, пока мы не уехали в Арагон.

— Артур просит представить человек пятнадцать к званию сержанта и Хосе Гарсия к званию лейтенанта.

— Можно, можно!

Милый, добрый Людвиг! От радости я готова была его расцеловать. Придет и наша очередь оказать помощь этой бригаде. Быстро распростившись, я заторопилась в Гвадалахару, чтобы тотчас же приступить к составлению списков. Паскуаль вел машину на полной скорости. На пятнадцатом километре мы ее разбили, там и бросили. Пришлось добираться до города на «попутке». Пришлось заняться и заботами по дому. Дом, где жили мы с Артуром, был также и штабом советника. Когда там жил полковник Ратнер, организационными и хозяйственными делами занимался его переводчик Трилли и, возможно, еще кто-нибудь. Теперь же пришлось заниматься мне. С самого начала этот дом

мне не нравился. Казалось, он имеет свою особую, скрытую от нас жизнь, а мы в нем чужие, просто столующиеся жильцы. По-видимому, главным лицом в доме был повар. Приказы исходили от него. Это был толстый, торжественно-вежливый пожилой человек, глубоко убежденный в том, что мы существуем для того, чтобы вовремя являться к столу и съедать то, что приготовлено под его руководством. Девушки, работавшие по хозяйству, очень боялись его. Мне не нравилось, что они выполняют обязанности горничных и даже стелют постели, если зазеваешься и не успеешь сделать это сама. Не нравилось мне, что Манола каждое утро пыталась одевать меня и что-то делать с моими волосами. Я пробовала несколько раз освободиться от ее услуг, но девушка обижалась и, наконец, решила поговорить со мной начистоту:

— Сеньорита, — сказала она сердито, — если вы не позволите мне ухаживать за вами, меня уволят. Горничная должна нравиться своей хозяйке…

Пришлось уступить: девушка очень дорожила этим местом, так как здесь кормили, а в городе все труднее становилось с продовольствием. Мне приходилось пораньше вставать, чтобы успеть убрать постель и одеться; но в комнату я ее впускала, и, пока Манола делала в ней, что ей хотелось, мы болтали о всяких пустяках, которые обычно занимают девушек нашего возраста. Я все же чувствовала, что Манола смущена, ей казалось, что она недостаточно нужна, и это вселяло в нее чувство неуверенности. Вторая девушка, Мария, заходила ко мне довольно редко, очевидно, у нее был другой круг обязанностей, но последние дни я все же заметила, что она очень грустная. Я уже собиралась расспросить ее, но девушка вдруг исчезла из дома. Я поняла, что случилась беда, и спросила об этом Манолу. Та в ответ закатила глаза к потолку и сложила ладони, как это делают богомольные ханжи.

— Сеньорита, разве вы не заметили? Она должна родить, какой стыд!

— Где она?

— Повар ее, конечно, уволил.

— Как так уволил? Ей должны дать декретный отпуск…

Мне казалось невероятным, что республиканское правительство ничего не сделало для узаконения материнских прав.

— Декретный отпуск? — изумилась Манола.

Мне даже показалось, что она чего-то испугалась и посмотрела на меня с явной неприязнью. Наверно, слово «декретный» ассоциировалось у нее с чем-то ужасным, и я поспешила объяснить ей значение этого слова.

— Но ведь она родит без мужа!

Мы явно не понимали друг друга. Пришлось объяснять, что такое зарплата, кто должен платить беременной женщине и еще многое другое, о чем Манола не знала и с чем, возможно, не могла согласиться, потому что привыкла смотреть на вещи иначе. Впервые я так остро почувствовала разницу во всем укладе общественной жизни в Советском Союзе и в других странах. Для того чтобы мы могли понять друг друга, должны произойти большие изменения не только в социальных условиях жизни, но и в психологии. Я смотрела на нее в полной растерянности перед внезапно раскрывшейся отчужденностью и невозможностью передать ей мои убеждения. Вместе с тем нельзя было прекратить этот разговор, надо было как-то помочь Марии.

— Я сама поговорю с поваром, а Марии скажи, чтобы она зашла ко мне, пока мы не уехали.

— Рада бога! — воскликнула Манола, совсем растерявшись. — Не делайте этого, сеньорита, повар ей кое-что дал… А Мария все равно не придет. Ей должно быть стыдно…

Да, мы были совершенно не подготовлены, чтобы понять друг друга, а раньше думалось, что нас почти ничего не разделяет… Удивительнее всего было то, что девушки считали свое положение нормальным, а поведение повара казалось Маноле чуть ли не добродетельным. Мое вмешательство внесло бы путаницу и, наверно, только повредило бы Марии. Пришлось оставить этот разговор.

Я вышла из дома с чувством облегчения и поспешила в казарму, где было много неотложных дел. Оказалось, что в отряде не все спокойно. Незадолго до моего приезда из города вернулся Бонилья. Он что-то рассказывал обступившим его ребятам. Увидев подъезжающую машину, Хосе подошел и открыл дверцу. Я бы не сказала, что он помог мне вылезти, просто он ухватил меня за рукав и вытащил.

— Говорите сразу, что случилось, без подходов, я страшно голодна.

— Бонилья ходил в тюрьму проведать Мануэля. Хосефа, ему там плохо!

— Там и не должно быть хорошо, ведь он знал…

— Дело передают в трибунал.

— А как мы теперь его оттуда вызволим?

Все потупились. Они знали, что официально действовать нельзя; очевидно, они считали, что этим делом лучше всего заняться мне. Пришлось снова лезть в машину и возвращаться в город, но в этот день я ничего предпринять не смогла. Артур еще не вернулся, он приехал только утром, и я сразу рассказала ему о

просьбе бойцов.

— Я не могу вмешиваться в это дело, но ты может заняться им неофициально.

— Ладно, попробую.

Надо было попытать счастья, действуя через командира корпуса, человека доброжелательного и вежливого. Как истый испанец, комкор был галантен и выслушал меня достаточно терпеливо.

— Вполне сочувствую, но вы понимаете, что бойца должны судить за нарушение воинской дисциплины, собственно, теперь изменить что-либо не в моих силах…

— Да, но он уже посидел в тюрьме, и довольно, теперь он наказан, можно отпустить.

— Это вам так кажется, что можно, ведь вы совершенно не военный человек.

— Конечно, нет, я просто человек, и мне этого парня жалко. Скажу откровенно: я обязана ему лично, он вытащил меня из реки, когда я тонула…

— Понимаю; тогда попробуем поговорить с военным комендантом, я сейчас попрошу его зайти.

Комендант оказался в штабе, и нам не пришлось долго ждать, но вид его не обнадеживал: это был лысый среднего роста мужчина с тяжелым подбородком и злыми светлыми глазами. Я умоляюще посмотрела на комкора и села в уголок, скромно поджав ноги под стул. Комкор понял, что объясняться предоставлено ему, и по его лицу промелькнула легкая тень досады. Комендант слушал молча, смотрел в пол и недовольно морщился.

— Это просто несерьезная просьба, — обратился он потом ко мне. — Дело уже оформлено, и я не могу внести в него никаких изменений.

— Мне кажется, что это и не нужно. Отдайте мне парня вместе с делом, и мы примем меры общественного воздействия…

— Это невозможно.

— Не понимаю. Правда, я не военный человек. Я прошу лично. Согласитесь, что в данном случае все зависит от вас.

Лицо коменданта немного смягчилось, и после некоторых колебаний он вынул блокнот, набросал на листке несколько слов, недовольно покосился в мою сторону и протянул листок.

— Забирайте! — сказал он довольно резко. — И чтоб больше не подсовывали мне своих бандитов; набрали всяких головорезов, так и управляйтесь сами…

Хосе и почти все бойцы ждали меня на площади перед штабом. Откуда они узнали, что я здесь? Из присутствующих

никто читать не умел, но почему-то они сразу нашли, куда идти с этой бумагой. К вечеру Мануэль оказался на свободе и вскоре выбыл в батальон Андрэ.

В субботу всем отрядом поехали в Мадрид. В этот вечер в кинотеатре показывали картину «Мы из Кронштадта». В фойе я встретила полковника Лоти и, конечно, обрадовалась. Он, как всегда, был оживлен, весел, и мы с удовольствием поговорили о разных разностях. Настроение портили только сидящие сзади мужчины, вполголоса обменивающиеся всякими слухами и страхами.

— Говорят, на Южном фронте убили одного нашего?

— Пустое, — ответил второй небрежно. — Оказалось, что это какой-то разведчик…

Я оглянулась и встретила неприязненный взгляд пожилого, тщательно выбритого человека в гражданском костюме. Лоти тоже слышал разговор, он помрачнел и тихо сказал:

— На Южном фронте убили Николая, настоящего имени и фамилии я не знаю.

Имя не удалось установить и в течение последующих пятидесяти лет. Киносеанс окончился под громовые аплодисменты. Когда зажгли свет, все аплодировали стоя, потом начали выкрикивать лозунги, при этом коммунисты поднимали крепко сжатые кулаки, а анархисты — сцепленные ладони. Я заметила, что анархистов в зале было много. Отряд выстроился у кинотеатра, я попрощалась с Лоти, и мы забрались в кузов грузовика. Всю дорогу ребята по очереди пересказывали друг другу разные эпизоды фильма, и каждый раз все слушали с большим удовольствием. Вечерняя дорога пустынна, воздух прохладный. Доехали быстро. У нашего дома я вышла, а ребята поехали к себе. К моему удивлению, через полчаса Хосе вернулся.

— Артур дома? — спросил он. В голосе слышалась тревога.

— Нет, он еще не приехал.

— Хосефа, в городе неспокойно, нас предупредили, что на этих днях возможна какая-нибудь провокация, или хуже…

— Тогда пришли мне Куэву с ручным пулеметом, мы поиграем в шашки, пока не приедет Артур.

Мы уже засыпали над шашками, когда к дому подъехал Артур. Он был недоволен, что я вызвала пулеметчика, и отослал его обратно. Несколько дней Артур сидел над картами, наверно, опять готовил операцию. После встречи с Мансуровым он всегда принимался за разработку планов. Меня в эти дела не посвящали, пока дело не доходило до выезда на участок, где предполагалась операция, и затем до формирования состава оперативной группы. После Брунетской операции разведотряд начал работать с новым

приливом энергии. Временное затишье на фронтах всегда опасно: неизвестно, где будет нанесен следующий удар. Надо искать и искать: где франкисты накапливают силы? Есть ли переброска войск и куда?

Как-то в полдень приехал Кирилл Орловский с командиром одного партизанского отряда из Сьерры-Гвадаррамы, Хосе. Артур пригласил для разговора и нашего Хосе. Кирилл приехал не зря: во-первых, он не забыл, как маялся в Гвадарраме без детонаторов, и теперь решил запастись ими на непредвиденный случай. Во-вторых, командиры должны были обсудить возможность совместных операций на Центральном фронте. Виделись они далеко не в первый раз. Оба были участниками гражданской войны, позднее чекистами, и оба в начале тридцатых годов работали в Белоруссии на западной границе. Хосе явился в новой форме лейтенанта и не без сожаления оставил в передней свою офицерскую фуражку. Обед прошел оживленно, Кирилл и Артур вспоминали прошлое. Оба были в Испании одними из первых советников, но встречались редко, привязанные делами к своим участкам фронта «боевой текучкой»: ночные поиски, диверсионные задания, изучение и ежечасное наблюдение за «бытом» противника на противолежащих позициях — все это занимало большую часть времени и внимания. Рассказывали и спорили с жаром. Товарищ Кирилла, Хосе, отличался от нашего Хосе подвижностью и разговорчивостью, держал себя непринужденно, ел с аппетитом. Наш Хосе ел молча и временами испытующе поглядывал на своего тезку. Чувствовалось, что этот парень ему не нравится, поскольку сам он привык к крестьянской патриархальности и немногословию. «Если Артур затевает совместную операцию, то из этого вряд ли что-нибудь получится», — подумала я, но в разговор не вмешивалась, мужчины явно игнорировали меня.

На другой день мы поехали в Гвадарраму, «в гости» к Кириллу, а по пути решили осмотреть Эскуриал. Несколько километров дорога шла между сожженными склонами невысоких холмов. Подпалины чернели беспорядочно разбросанными пятнами. Говорят, что это от зажигательных бомб. Одну такую бомбу мы везли с собой, чтобы испробовать на удобном месте. Это было самодельное устройство из термита с промежуточными зажигательными смесями и куска толстой резины. Конечно, можно было бы достать и более «интеллигентное» зажигательное устройство, но нас интересовали больше простейшие средства, доступные партизанам. Артур хотел знать, может ли от такой «зажигалки» загореться лес на стороне фашистов, где, по нашим данным, находились артиллерийские позиции и полевые склады

боеприпасов. По дороге к нам присоединился изобретатель этого снаряда, рыжеватый, худой и суетливый человек. На небольшой полянке, где стояла корявая сосенка, мы вышли из машины и положили снаряд на гнилой пень около сосны. Оказалось, что зажечь его не так просто, с этим провозились более часа. В конце концов сгорели и пень, и сосенка, но в конструкцию снаряда решено было внести значительные изменения.

Через несколько дней конструктор пригласил нас посмотреть, как горит лес в тылу противника. Он предварительно усовершенствовал свой снаряд и дал его группе разведчиков, с тем чтобы они заложили несколько снарядов в лесу. Пожар возник недалеко от линии фронта, и густой дым застилал полнеба. Наверно, у фашистов была паника. Впрочем, когда пожар приблизился к республиканским позициям, нашим солдатам тоже нашлась работа, а незадачливый конструктор несколько сник.

11-я Интернациональная бригада собиралась отбыть в Арагон. Людвиг Ренн, прощаясь, выразил надежду, что наш отряд сможет раздобыть хорошее сведения поиском на шоссе, ведущем к Теруэлю, в частности в окрестностях Молины — небольшого городка километрах в двадцати за линией фронта. Там можно было захватать штабных связных. Несколько дней мы ездили по различным участкам фронта. Где можно легко перейти фронт — далеко от цели, а где ближе — на пути вставала река Тахо. Какая-то бесконечная река. Правда, под Саорехас она совсем узкая, но зато быстрая и вряд ли мельче. На пятый день, измученные, возвращаемся домой и отсыпаемся. Я проспала целые сутки. Сквозь сон слышала, как входила Манола и, сокрушенно повздыхав, уходила обратно. Проснувшись около полудня, встала и открыла жалюзи. В окно ринулись потоки жаркого пыльного воздуха и крики ребятишек. Они азартно играли в войну. Вошел Артур. В руках у него развернутые карты. Теперь он будет носить их с собой, не выпуская из рук. Наверно, уже сделал отметки. Значит, план разработан окончательно.

— Ты пойдешь с отрядом? — спрашивает он, посматривая на мои босые ноги.

— Пойду.

— А ноги как, не натерла?

С утра того дня, на который назначалась операция, все бойцы, назначенные в состав поисковой группы, уже находились в штабе. Клаудио должен был остаться на нашей стороне фронта за командира. В его обязанности входило обеспечение перехода отряда в случае возвращения. Никому другому не полагалось знать место и ориентировочное время перехода фронта. После

того как выстрелом из наших окопов при переходе фронта был убит командир отряда Леня Писарев, такая предосторожность не казалась излишней. Часть отряда, остававшаяся с Клаудио, могла организовать поиск, если мы не вернемся в течение трех суток. К сожалению, сам Клаудио не мог участвовать в боевых операциях за линией фронта из-за своей хромоты, а жаль, он был бы превосходным командиром. Подготовка материальной части была поручена Молине. Старик был самым опытным, в отряде все его слушались и уважали. Правда, он был придирчив и ворчлив, но это ему прощали. Несмотря на глубокие морщины и седые волосы, Молина чем-то напоминал юношу. Выносливость Молины превосходила всякое представление о пределах человеческих сил. Казалось, он не страдал ни от жары, ни от холода, ни от жажды. Размеренным и легким шагом он проходил десятки километров. Поставленные им мины всегда срабатывали безотказно. За столом Артур заставил меня съесть двойную порцию.

— Это лучше, чем тащить еду с собой, — внушал он с серьезным видом.

Может быть, только впрок не наешься. Перед самым отъездом я наполнила флягу водой и завязала пробку темной тряпочкой: ничего белого командир брать не разрешал. Из провизии я захватила только кусок колбасы да горсть конфет. Артур запасся основательней.

— Пора, пошли!

Через несколько минут наши машины мчались по шоссе, оставляя за собой клубы пыли. День выдался безветренный, жаркий. До места назначения около семидесяти километров, но мне показалось, что мы проехали их очень быстро. Впереди вырисовывались невысокие горы, а до них ровное поле и оливковые рощи. Скоро дорога вошла в долину, затем стала подниматься все выше и выше, петляя по склонам предгорья. Наконец, последний поворот. Дальше ехать нельзя. За поворотом дорога проходит на виду у противника и круто спускается к небольшому деревянному мосту через Тахо. Здесь река гораздо уже, чем под Толедо, но быстрая, как поток. Противоположный берег спускается к реке крутым обрывом, на вершинах прибрежных скал редкие кусты и обильные поросли колючек.

Кроме моста, переправ нет. Артур рассчитывает, что с наступлением темноты можно незаметно проскочить через мост и сразу углубиться в узкую расщелину, уводящую в тыл фашистов. Приближался вечер. Для отдыха бойцам дали не более получаса. Все разместились на траве. Бойцы не привыкли к езде по горным дорогам, и некоторых немного укачало. Проводник, пожилой неразговорчивый крестьянин, сел рядом с Артуром. Все молчали,

занятые мыслями о предстоящем переходе.

Глава 7. Последняя операция

Вечер приближался быстро. Черная тень от высокой горы постепенно наплывала на землю, поглощая целиком рощи и долины. Над вершинами скал еще синел уходящий день, а из ущелья уже тянуло холодком. Я попробовала поговорить с проводником, но он плохо меня понимал, а может быть, ему просто не хотелось разговаривать. Его село на занятой фашистами территории — если кто-нибудь увидит его с нами, то фашисты расправятся с семьей.

Наконец, проводник поднялся.

— Пора!

Артур смотрит на него, и глаза его теплеют.

— Мы можем зайти в вашу деревню и вывести с собой семью.

— Надо землю брать! Без земли все равно ни здесь, ни там не прокормишься, — ответил крестьянин.

— Что ж, пошли.

Оборону здесь занимал батальон, входящий в состав 4-го корпуса. Командир был предупрежден и предоставил нам полную свободу действий. Некоторые молодые офицеры пробовали уговорить Артура, чтобы он взял их с собой, но Артур согласился взять только одного, и то лишь до моста. В наступившей темноте противоположный берег еще слабо освещался предзакатными лучами, наша сторона погружалась в плотную тень. Густой кустарник, покрывавший склон, позволял начать спуск еще до наступления ночи. Приходилось торопиться, чтобы успеть проскочить мост до того, как к нему спустится фашистская застава. На юге ночи наступают почти без сумерек. Через несколько минут станет совершенно темно. Вот, наконец, и мост. Провожавший нас офицер отступил в сторону. Дальше пойдем одни. Порядок обговорили заранее: первые переходят Хосе и Артур. Мы должны ждать пять минут. Если за это время не услышим ничего особенного, то следом за ними должна идти я с проводником и двумя автоматчиками. Если же почему-нибудь переходить нельзя — вернется Хосе и даст дальнейшие распоряжения. Если Артур и Хосе столкнутся с противником, мы все должны вступить в бой.

Прошло пять минут, как Артур и Хосе скрылись в темноте. Все тихо. Ступаю на доски моста, и мне кажется, что они горячие. Немного пригнувшись, пробегаю вдоль перил и сразу наталкиваюсь на Хосе. Он направляет всех влево к ивняку и остается встречать следующих. Больше я Хосе не увижу до самого утра. Он будет замыкающим.

Минут через десять в ивняке у моста собрался весь отряд. Лежим на земле и слушаем. Тишину нарушает только шум потока, звенящий и напряженный, он стирает все звуки. Хочется крикнуть с досады: «Да замолчи ты хоть на миг!». Через несколько минут поднимаемся и перебежками по три человека преодолеваем открытое место до входа в ущелье. Дальше идем цепочкой: Артур, проводник и я, за нами Бонилья с группой автоматчиков, потом пулеметчики, еще автоматчики и замыкающим Хосе. Всего нас шестнадцать человек.

В ущелье почти абсолютная тьма. Дно завалено большими валунами и массой мелких обломков скал. Ноги часто попадают между камнями в ямки с холодной родниковой водой. Поднимаемся выше по склону; здесь много лучше, но донимают колючки. В таких местах водятся змеи… Шум потока слышится все слабее. Мы углубляемся в расположение противника почти по прямой линии. Постепенно в ночи оживают другие звуки: шорох камней, дыхание идущего сзади Бонильи, какие-то непонятные звуки в кустах. Проходит около часа. Теперь можно считать, что линия фронта пройдена благополучно. Начинаю привыкать к новой обстановке и успокаиваюсь. Только теперь замечаю, что до этого момента я чувствовала себя скованно, наверно, это и был страх.

Отряд поднимается все выше и выше. Скалы становятся круче, обрывистей, идти трудней. Наконец, командир остановился и ждет, пока мы соберемся около него. Дальше отвесная скала, приходится подсаживать друг друга. Ставим оружие на предохранители и карабкаемся, цепляясь за кустарники. Вот и вершина. Здесь светлей, проглядывается простирающееся к северу плато и темное пятно деревни.

— Обойдем ее слева, — говорит проводник.

Теперь я иду между ним и Артуром. Проводник хорошо знает эти места. К утру он выводит нас почти к самому шоссе. Когда до него оставалось не более километра, объявили привал. Отряд укрылся в небольшом загоне для скота. Мы с большим удовольствием опустились на землю, вся ночь без привала — это тяжело. На рассвете в горах холодно. Небо светлеет, на его фоне все отчетливее становятся причудливые силуэты разбросанных по полю маслин. Кажется, что деревья оживают и идут к нам. Заголубели на горизонте далекие цепочки холмов. Трава взмокла от росы и стала жгуче холодной. Вздремнуть я не успела, так и просидела около часа.

— Пошли!

Артур поднимается и оглядывает нас. Теперь предстоит самое главное — выход на шоссе и захват мотоцикла или машины, где

могут оказаться штабные офицеры. Как это будет, не знаю, да этого и никто не может знать. По плану на шоссе должны выйти Хосе, Ретамеро и Амарильо. Они будут останавливать машины, выдавая себя за дорожный контроль. Если пассажиры машины окажутся подходящими и на шоссе в это время больше никого не будет, они их захватят. План простой и, кажется, хороший, а как все получится в действительности — посмотрим.

— А вдруг по шоссе никто не поедет? — спрашиваю я с беспокойством. Пройти столько километров зря мне кажется обидным.

— Этого не может быть, дорога бойкая, — говорит Хосе.

Последний бросок делаем быстро. Через полчаса мы уже на вершине невысокого холма, вплотную подступающего к шоссе. Здесь дорога делает поворот и просматривается с холма в двух направлениях. На склонах установили три ручных пулемета: мы с Артуром за средним, а слева и справа Куэва к Факунда. Таким образом, под прицелом будут оба направления дороги и сам поворот. Хосе с товарищами спустился на шоссе, двоих поставили дозорными на обратном склоне, в резерве остался один Бонилья. Теперь оставалось только ждать.

Медленно поднималось ясное, спокойное солнце. Земля набирала приятное тепло, стихал утренний ветерок. На душе становилось спокойнее, как в тихое деревенское утро на берегах моей далекой Волги. Кажется, что ничего опасного нет и не будет. День обещает быть жарким, через час здесь будет настоящее пекло. Видимо, я немного вздремнула. Все как-то сразу смешалось перед глазами. Почудились волжские глинистые обрывы над мутноватой водой, острокрылые стрижи, дикая вишня в белом цвету и блестящая на солнце прибрежная галька, обмываемая приливами неторопливой волны. Артур лег на живот, приподнялся на локтях и, щуря глаза, стал всматриваться вдаль. Дрема нехотя отступает. Прислушиваюсь. Почудился отдаленный шум мотора. Наверно, Артур тоже слышит и машет рукой Хосе. Ребята загалдели и начали приподниматься.

— Тихо! Не высовываться! — напоминает Артур. Мы стараемся втянуть голову в плечи, но от этого головы ниже не становятся, только плечи приподнимаются, всем хочется посмотреть, что сейчас произойдет на шоссе.

Показывается легковая машина. Хосе выходит на обочину дороги и поднимает руку по-фашистски — ладонью вниз. Машина замедляет ход и останавливается около него. Хосе берется за ручку дверцы. Из машины раздается выстрел… Догадались, собаки… Подбегает Ретамеро с автоматом. Амарильо быстро заходит с другой стороны, но в этот момент дверца открывается и

на шоссе кубарем выкатывается человек в военной форме. Подскочив, он в два прыжка оказывается в кювете. Амарильо не успевает выстрелить. Фашист, пригнувшись, бежит вдоль кювета, через несколько секунд он будет прямо под нашими позициями. Не говоря, ни слова, Артур бросается наперерез. В это время Хосе и Ретамеро вытаскивают из машины двух военных и обезоруживают их. Все это мне сверху хорошо видно. Артур успевает прыгнуть в кювет прямо перед носом убегающего фашиста. Несколько секунд их не видно, потом Артур выбирается на шоссе один и, не спеша, идет к легковой машине. Мне кажется, Артуру не удалось захватить беглеца, и я смотрю в направлении, куда тот бежал. Оттуда на полной скорости мчится мотоцикл. От неожиданности я замерла. Наши столпились у легковой машины и мотоцикла за поворотом пока не видят, через считанные мгновения будет поздно, они не успеют его задержать.

— Мото! — кричу я во все горло. Мимо, как тень, промелькнул Бонилья. Он помчался вверх по склону и успел как раз к тому моменту, когда мотоцикл появился из-за поворота. Увидев Бонилью, мотоциклист сбросил скорость и завилял. Бонилья сделал бросок и одним ударом свалил мотоциклиста на землю. Теперь все, кто были на шоссе, собрались около мотоцикла. Кажется, Бонилья сшиб мотоциклиста насмерть. Надо поскорее уходить с шоссе. Заранее было условлено, что сигналом будет белый платок. Достаю его из кармана, но в это время с правого склона поднимает тревогу пулеметчик Факунда. Поворачиваю голову направо, и рука с платком замирает, сердце тоже… К повороту приближается грузовик с солдатами в красных беретах, следом второй. По ним пока может стрелять только один Факунда, но он ждет команды.

— Не стреляй! — кричу я ему. — Прицеливайся по второму!

Наши на шоссе увидели грузовик, когда он уже выехал из-за поворота. Третий пулеметчик, Куэва, спешно занял огневую позицию рядом со мной. Надо выиграть несколько секунд, пока наши внизу не отбегут в сторону. Рафаэль, залегший у левофлангового пулемета, не видит, что делается на правом фланге.

— Хосефа! — кричит он взволнованно.

В его голосе отчаяние и мольба, он вцепился в рукоятку пулемета и подпрыгивает от нетерпения. Наконец, первый грузовик резко затормозил, второй с ходу накатил вплотную. Артур вскинул маузер и выпустил всю обойму по кабине первого грузовика.

— Огонь!

Наши пулеметчики застрочили по кузовам. Фашистские

солдаты не успели и подняться в рост, как оказались под прицельным огнем, они были совершенно ошарашены. Пока пулеметы вели огонь, наши, покинув шоссе, начали быстро подниматься наверх. Фашисты сначала пригнулись в кузовах, потом начали выскакивать через борта, многие тут же падали. Но некоторым все же удалось залечь в кюветах, и они начали отстреливаться. Над головой просвистели пули. Все, кроме пулеметчиков, отошли за гребень холма. Вдруг пулемет Куэвы замолчал. Вижу, как он торопливо ковыряется в затворе.

— Что у тебя с пулеметом?

— Заело.

— Черт бы тебя заел! — ругаюсь по-русски.

Через несколько минут бой закончился, пулеметчики тоже отошли за гребень холма. Противник еще отстреливался, но вяло. Наверно, их осталось немного. Раненым оказался один Рафаэль, и, кажется, мы ничего не растеряли… А где моя фляга? Конечно же, забыла на том месте, где сидела, около пулемета. Без воды не обойтись, придется возвращаться… Как только оказываюсь на вершине холма, из кювета раздается несколько выстрелов. Отступаю. Как же быть с флягой?

— Пошли! — кричит Артур.

Снова бросаюсь за флягой и снова отступаю.

— Что ты там вертишься? — не выдержал Артур.

— Флягу забыла…

— Пойдешь без фляги.

— В такую жару?!

— Тогда беги за флягой, а не крутись здесь, как щенок за своим хвостом!

Тоже придумал — щенок… Пришлось бежать.

Теперь все в порядке. Только сейчас заметила, что у нас двое пленных. У Артура на боку полевая сумка — снял с мотоциклиста. Отскочили на сотню метров и, немного отдышавшись, осмотрелись. Теперь ландшафт видится по-другому: перед нами пустынные, опаленные солнцем холмы. Вдали какая-то деревня. Надо скорее убираться подальше от этого места: не исключено, что обстрелянные грузовики были только авангардом следующей за ними воинской части. Проводник говорит, что часа через два можно выйти в горы. Сейчас одиннадцать или около того. Забыла ночью завести часы.

— Насколько мы уклонимся от маршрута, если пойдем горами?

— Километров на десять.

Мне кажется, проводник преуменьшает, ему, видимо, очень хочется поскорее укрыться в горах.

— Пошли, — решает командир.

Несколько километров мы молча следуем за проводником. Торопить никого не приходится. Выслали боевые дозоры, но они все время жмутся к нам, приходится окликать их и отсылать подальше. Постепенно склоны холмов становятся круче. Кругом тишина.

— Нас не преследуют, — замечаю я с облегчением.

— А кто отважится лезть на три пулемета? — усмехается Артур. Время перевалило за полдень. Воздух неподвижен и горяч, как в печке, в висках словно молоточки постукивают. Каждый раз, когда прикладываюсь к фляге, не забываю крикнуть ребятам, чтобы не пили все сразу. Как это получилось, что у меня вода кончилась раньше, чем у других? Наконец мы в горах. Перед нами глубокое ущелье, но противоположный склон крут и каменист. Внизу красноватые камни, разбросанные по руслу высохшего ручья, кое-где виднеются темные поросли высохших трав.

— Куда ведет?

Проводник молча всматривается.

— Это ущелье выводит к Тахо, но оно очень извилистое. Лучше перевалить вон за тот кряж, что виднеется левее, там прямое и глубокое ущелье.

— Пошли.

Когда смотришь с вершины горы вниз, кажется, что спуск легок, но это впечатление обманчиво. Бойцы рассыпались по склону, каждый выбирает место поудобнее. Я спускаюсь по прямой, по-моему, все места одинаково неудобны. Сейчас меня занимает только одно — благополучно спуститься и передохнуть.

Отдыхать командир не позволил. Прошло уже несколько часов, а впечатление такое, что к линии фронта мы не приблизились. Последний подъем оказался особенно трудным. На склоне старые, обветренные камни и глубокие трещины. Приходится цепляться за что попало, а попадались под руку преимущественно колючки. Камни легко выскакивали из гнезд и катились вниз до самого дна, сталкиваясь и поднимая облачка красноватой пыли. Чтобы немного отвлечься от этого проклятого кряжа, пытаюсь восстановить в памяти недавнюю схватку. Пока ничего не получается, события разворачивались так стремительно, что общего впечатления не складывалось, припоминались только отдельные эпизоды.

Хосе время от времени поглядывает в мою сторону, опасается, что я где-нибудь сорвусь. Интересно, есть ли у него еще вода? Поравнялась с ним и пытаюсь держаться рядом. На крутых местах Хосе подает мне руку и подтягивает. Я стараюсь справиться с подъемом сама, но от этой протянутой руки

становится так хорошо на сердце, что усталость на время отступает. Если даже это будет последний день моей жизни, не за что жаловаться на судьбу, она дала мне самые счастливые минуты, первую победу и эту дружбу…

Чем выше, тем скалы становятся пустыннее. Ни травы, ни кустов — голые камни. Скорее бы кончился этот день! Впереди по-прежнему шагает Хосе. Перед глазами его широкая спина в старой кожаной куртке. На ходу он немного раскачивается, крутые подъемы берет рывком, потом на миг останавливается, и слышно, как из горла вместе со вздохом вырывается «ух». Хосе грузный, ему тяжело без воды. Почему он ее не пьет? Я слышала, как вода булькала в его фляге и невольно тянулась за ней, как лошадь, к дышлу которой привязан клок сена. Артур ушел вперед. Теперь он меня не ждал, разговаривать пока не о чем. Все идут молча. Маноло загорел до пунцового блеска. Сальвадор еще улыбается, хотя тоже выпил всю воду. Кепка лихо сдвинута набок, под козырьком лукаво поблескивают лучистые черные глаза. Время от времени он помогает Куэве нести пулемет. Леон идет с открытым ртом и смотрит на вершину кряжа испуганными глазами. Когда же будет конец этим подъемам и спускам?

— Не задерживайся! — подал команду Артур и, повернувшись, снова зашагал вверх. Вид у него тоже не очень бодрый: под глазами большие черные круги и губы припухли. Сколько таких походов выпало на его долю в гражданскую войну! А нам всем это впервые. Раньше на также расстояния мы не ходили. Только старик Молина и Хосе когда-то служили в армии.

Последний бросок — и мы наверху.

— Не задерживаться на гребне! Быстро вниз! — приказывает Артур.

На этот раз спускаемся очень быстро и дружно. Ущелье глубокое, и на дне может быть вода. Первым внизу оказались Сальвадор и Молина. Мы смотрели на них с надеждой: найдут воду или нет? Добравшись до каменного русла, они остановились, и мы сразу поняли: воды нет… Дальше путь лежал по высохшему руслу ручья. Здесь очень крупные и острые камни. В дорогу я не рискнула надеть новые ботинки, шла в старых, разношенных, которые не жали ноги, но и в них шагалось тяжело. У ребят с обувью тоже неважно, они нарочно надели старые альпаргаты, чтобы не трепать новые. Ущелье резко сворачивало в сторону. Кажется, проводник напутал: он говорил, что это самое прямое ущелье.

— Спроси, знает ли он эти места? — забеспокоился Артур.

Крестьянин опустил голову. Потерял дорогу, догадался Артур. После короткого разговора выяснялось, что проводник

никогда здесь не бывал.

— Спроси, куда он думает теперь идти.

Проводник не имел об этом ни малейшего понятия.

— Делать нечего, объяви привал, а проводник с Барранко пусть пойдут вперед и посмотрят.

Барранко вскинул на плечо винтовку, что означало полную готовность. Наши бойцы старались говорить поменьше, зная, что командир по-испански не понимает. Они ушли, а мы начали подыскивать место для привала. Солнце медленно клонилось к западу. Накалившиеся камни отдавали весь солнечный жар, полученный за долгий летний день. Пока не вернется Барранко с проводником, нам дальше идти нельзя. Остановились на небольшой площадке под тенью высокой скалы. Здесь можно немного вздремнуть, если удастся. Хосе разрешил разуться. Оказалось, что ноги натерты у всех. Ребята вертели в руках обувь, раздумывая, как продлить ее существование. Повозившись с альпаргатами, начали развязывать мешки с продовольствием. Хосе пошел с Ретамеро выбирать место для наблюдателей. Жара не отбила у нас аппетита. За несколько минут мы уничтожили все, что осталось. Легче будет идти, утешал Леон. Продовольствие нес он. Артур оторвался от карты и внимательно оглядел нас.

— Хосефа!

— Что?

— Смотри, они все съели… Как же ты не доглядела?

— Я и сама все съела…

— Прямо как дети! С вас нельзя глаз спускать.

Бойцы, видимо, поняли, о чем идет речь, и, стыдливо отворачиваясь, дожевывали последние кусочки.

— Жаль, нечем запить, — вздохнул Молина.

Артур задумчиво жевал булку. У него еще оставалась вода — берег на крайний случай. Пленные сидели молча, прижавшись к скале. Они избегали на нас смотреть. Сальвадор дал им немного колбасы и покачал головой:

— Надо брать пленных с провизией.

Артур так и не сориентировался по карте. Там значилось много ущелий, все они были кривыми и в конце концов выводили к Тахо. В котором из них мы, определить было трудно.

Поев, бойцы притихли. Кое-кто дремал. Солнце спускалось все ниже и ниже. Жара смягчилась, но было еще очень душно. Пришел Хосе и лег в тени. Он молча смотрел на обступившие нас со всех сторон камни, может быть, вспоминал свою Андалузию.

— Стой! — раздался наверху окрик Ретамеро.

Показался погонщик с двумя мулами. Он остановился и

смотрел на нас испуганными глазами. Ретамеро начал его о чем-то расспрашивать.

— Плохо дело, — недовольно проговорил Артур. — Теперь придется отсюда уходить.

Ретамеро вернулся, а крестьянин погнал своих мулов дальше.

— Крестьянин сказал, что недалеко отсюда село, — Ретамеро показал рукой направление и назвал село.

Теперь можно было привязать карту к местности. Артур подсчитал расстояние. Выходило, что мы уклонились от маршрута километров на пятнадцать и теперь находимся километрах в десяти от линии фронта, конечно, если считать по прямой. Наше же ущелье выходило к реке с большими зигзагами. Если все время идти по руслу, понадобится около суток, а то и больше.

— Придется кое-где подниматься на плато и пересекать его напрямик, — сказал Артур.

Ждать проводника с Барранко мы не могли. Ничего, если они нас не встретят, то выберутся сами. Подобрав бумажки и окурки, мы обулись и начали спускаться на дно ущелья. Несколько сот метров прошли по сравнительно удобной тропинке. Кругом так же тихо, только где-то далеко слышалась винтовочная стрельба. Солнце заметно клонилось к горизонту. Красноватые лучи перемещались по скалам все выше и выше, оставляя в густой тени дно ущелья, откуда начинала просачиваться едва уловимая свежесть. Все приободрились. Казалось, что наступающий вечер принесет облегчение и скроет от опасности. Но самое трудное ожидало нас впереди. Артур неожиданно остановился.

— Здесь вода, — тихо сказал он мне, точно боялся ее спугнуть. — Скажи, чтобы все разом не бежали и много не пили.

— Здесь вода! — крикнула я, срываясь с места. — Всем сразу не бежать! Много не пить!

Я быстро обогнала Артура и, бросившись на землю, погрузила лицо в неглубокую мутноватую лужу. Что делалось у меня за спиной, я не знала. Я оглохла и ослепла. В короткие секунды, когда я отрывалась от воды и, переводя дыхание, вытирала лицо, успевала только еще раз крикнуть:

— Не пейте много, это вредно!..

Потом снова погружала голову в лужу по самые уши. Когда, наконец, оторвалась от воды и вытерла капли с лица, все уже стояли на ногах и деловито завинчивали фляги.

— Довольно, Хосефа! Много пить вредно, — рассмеялся Хосе, глядя на мою счастливую физиономию.

По дну ущелья идти становилось все труднее и больнее. Хаотически разбросанные камни загромождали его так, что, когда

приходилось прыгать с камня на камень, боль отдавалась в ступнях и коленях, и ноги слушались плохо. Таким образом, ноги попадали и между камней… Порядок движения смешался, и я плелась последней. Прямо перед моими глазами мелькали желтые пятки Молины, он уже был босой. На лодыжках виднелись черные следы засохшей крови. Наконец, мы поднялись на плато. На минуту остановились и огляделись. Мхи да кустики примелькавшихся колючек. Справа вдали виднелся прозрачный молодой лесок. Сначала мне показалось, что здесь идти легче, но вскоре я убедилась, что это не так. Голова стала пустая, энергия уходила на то, чтобы переставлять ноги. Ничего! Все когда-нибудь кончается — кончится и этот путь.

На закате мы вышли в редкие кустарники с молодыми тополями. Перед нами оказалось асфальтовое шоссе с телеграфными столбами, проложенное недавно, асфальт был ровным и черным. Метрах в двадцати шоссе круто поворачивало и исчезало за невысокой возвышенностью. На карте оно не значилось.

— Ты не помнишь, проводник что-нибудь говорил об этой дороге?

— Нет, ничего не говорил.

Артур велел на всякий случай перерезать провода. На это ушло минут двадцать. Вскоре послышался быстро нарастающий шум мотора.

— Пять человек на ту сторону, остальные со мной. Не стрелять! — крикнул Артур и бросился под куст.

Поскольку фамилии пятерых названы не были, на ту сторону шоссе бежать пришлось мне. Я надеялась, что кто-нибудь последует за мной, времени на перевод не оставалось. Конечно, почти все бойцы остались с командиром. Со мной побежали только двое. Но, увидев, что нас так мало, они бросились обратно. Одной мне тоже не хотелось оставаться, и я кинулась за ними, но не успела перебежать шоссе, как показался грузовик с фашистами. Кроме меня, они, наверно, никого не заметили и начали не спеша тормозить. Я бросилась на землю у самого шоссе, немного отползла и приготовила пистолет. Сердце учащенно билось, но прицел с локтя был устойчив. Я вела ствол пистолета за кабиной, пока грузовик не остановился, проскочив мимо меня метров пять-шесть. Тогда из него поднялся один солдат, вскинул винтовку и выстрелил. Промазал… Почему я не выстрелила первой? Только когда раздался выстрел, я нажала на спуск, и солдат упал. В ту же секунду наш отряд обрушил на грузовик всю свою огневую мощь. Артур бросился вперед с гранатой, метко швырнул ее в кузов. Прозвучал взрыв, потом все

стихло.

Бойцы выскочили на шоссе, но вдруг из кузова выскочили человек пять и бросились в кусты на другую сторону шоссе. По ним дали несколько очередей из автоматов. В этот момент почти над самым моим ухом, раздирая барабанные перепонки, взметнулся огненный фейерверк, и затарахтела пулеметная очередь. Я вздрогнула и оглянулась. За спиной стоял Куэва и самозабвенно садил в небо трассирующими пулями.

— Куда тебя прорвало! — закричала я, не на шутку испугавшись.

Куэва, конечно, ничего не слышал и продолжал выпускать очередь за очередью. Пришлось ткнуть его в бок. Пока бойцы откидывали борт грузовика, Артур побежал за удиравшими фашистами.

— За мной! — крикнул он, но его никто не слышал. Все что-нибудь кричали, в том числе и я.

Тем временем из грузовика вытащили раненых и просто перепуганных солдат. Несколько убитых остались в кузове, а под их телами нашли одного совершенно невредимого крестьянина. Несмотря на испуг, он улыбался и бросился к нам с явной радостью. Потом он рассказал, что фашисты схватили его на дороге, подозревая в принадлежности к партизанам; они искали тех, кто перерезал провода, кроме того, слух о нашем отряде, видимо, уже распространился по фронту. Вдруг Леон поднял шум. Его оставил стеречь пленных от первого боя, а он их упустил. Бросились вылавливать беглецов. С новыми пленными — их было пять человек — оставили меня одну. Связать их еще не успели. Я села напротив метрах в семи и положила пистолет на колено. Пленные вертели головами, прислушиваясь, где наши бойцы, потом уперлись в меня волчьими глазам. Когда голоса моих товарищей затихли вдали, пленные заметно обнаглели и начали перешептываться. Мне очень хотелось оглянуться, но я знала, что этого делать нельзя.

— Не разговаривать! — прикрикнула я, но они и не думали слушаться.

«Буду стрелять», — подумала я и подняла пистолет. Пленные замолчали. Наверно, мое решение было видно по выражению лица. Наши скоро вернулись. Оказалось, что пленные далеко не убежали, а прятались в кустах. Их быстро вылови и привели. Я пожаловалась Молине на моих пленных, и он молча связал им за спиной руки. Теперь пошли искать в роще Артура. Он увлекся преследованием и был, конечно, прав: упускать противника в таком положении было опасно. Тем временем почти совсем стемнело, теперь было легче запутать следы на случай

преследования. Артур вернулся с двумя простреленными красными беретами. Опять эти красные береты, оба разгромленных нами отряда принадлежали к фашистским формированиям РЭКЭТЭ — карателям. Спустились обратно в ущелье. Теперь у нас стало семь пленных, двое из них раненые. Пришлось выделить конвой. Пробовали не спускаться на самое дно, а пройти по склону, но каждый раз натыкались на непреодолимую крутизну, поэтому пришлось спуститься в русло ручья. Под ногами скользко, ничего не видно. Слышно, как журчит вода, обтекая большие камни. Командир торопит. Теперь без проводника он пошел впереди, а Хосе остался замыкающим. Часа через два к нам подошел Сальвадор.

— Хосефа, скажи командиру, что раненые идти не могут.

— Раненые не могут идти, Артур.

— Передай, чтобы их оставили здесь, нам надо торопиться.

Всех раненых развязали, иначе и здоровые не смогли бы пробиться по руслу дальше. В небе ни луны, ни звезд, тьма становилась непроницаемой, в некоторых местах выступы и карнизы становились такими узкими, что мы лепились к скалам или становились на четвереньки. Несколько раз останавливали отряд, чтобы проверить, не отстал ли кто-нибудь. Но вот постепенно ущелье начало расширяться. Откуда-то повеял холодный ветер. Он налетал порывами, будил тревожное эхо, и горы долго отзывалась тяжелыми вздохами. Порывы становились сильней и настойчивей. С вершин, сначала понемногу, потом гуще и грозней посыпались сорвавшиеся камни. Пришлось держаться подальше от склонов и двигаться по самому руслу. Внезапно небо осветила далекая зарница. Потом сполохи стали все чаще и ярче. Ветер усилился. Надвигалась гроза. Когда ночную грозу показывают в кино, это выглядит довольно красиво. В действительности смотреть нечего: кругом сплошная тьма. Ветер воет, как в гигантской трубе. Сверху сыпется какой-то мусор, сгоняемый ветром с плато. Становится трудно дышать. Уши закладывает дьявольская мешанина из грозовых раскатов, воя ветра и стука падающих камней. Казалось, что все это возникает в самом мозгу, как воспоминание давно забытых кошмарных снов. Мы все сгрудились и продвигались, прижимаясь друг к другу. Вода в ущелье быстро прибывала: где-то уже пошел дождь. Мы то поднимались по склону, то спускались вниз. Наверно, Артур искал дорогу повыше, но натыкался на скалы, и ему пригодилось снова спускаться. В таком шуме говорить невозможно, и я ни о чем не пыталась спрашивать. Наконец, когда казалось, что буря достигла предела неистовства, хлынул ливень. То, что было минуту назад, представлялось теперь раем.

Шум воды заглушал остальные звуки. Поток под нашими ногами быстро набирал силу и скоро начал валить с ног. Теперь вода прибывала по минутам.

— Наверх! — услышала я голос Артура. — Наверх!

Мы бросились к берегу и, цепляясь за камни, поднялись на узкий выступ, где и остановились. Артур ощупывал каждого, стараясь установить, все ли здесь. Оказалось, что никто не отстал и пленные на месте. Мы связали длинный канат и протянули его до конца цепочки. Скала защищала нас от камней, они пролетали над головами и падали на дно ущелья. Оттуда доносился все нарастающий рев потока. Дальше прохода нет. Надо подниматься на скалу. Привязав веревку за пояс, первым карабкался Сальвадор. Проворно цепляясь за камни, он исчез, как будто поднялся прямо в черную пасть неба. С минуту было тихо, только мелкие камни сыпались на наши головы, значит, Сальвадор еще лезет вверх. Гроза утихла, но дождь продолжает лить. Наконец, Сальвадор дернул за веревку — он добрался до вершины или удобной площадки.

— Сейчас полезу я, а потом ты, — приказал Артур.

Амарильо опять пришлось подставлять плечи, он у нас самый высокий. Скоро все были наверху и на несколько минут прилегли отдохнуть. Ретамеро с Артуром пошли вперед посмотреть, что там есть, но скоро вернулись.

— В такую погоду никто нас искать не станет, сделаем бросок к фронту прямиком через плато, — сказал Артур.

Он задумал настоящий марш-бросок, но у меня на это сил уже не было. Два раза я споткнулась на ровном месте, потом упала и поднялась не сразу. «Вот, наверно, все так и кончается», — подумалось мне. Лежать на земле было так приятно, все тело охватило сладкое успокоение. Хотелось здесь и остаться. Если бы можно было умереть «на время»… Отряд остановился, подошел Артур.

— Встать можешь? — спросил он, потянув за плечо.

«Не хочу», — чуть не вырвалось у меня, но вдруг я почувствовала, что пробуждаются остатки сил.

— Передай ребятам: если ты еще раз упадешь — пусть несут тебя на руках.

На руках! Кто же сможет нести? У каждого ноша — пулеметы, боеприпасы… И еще эти пленные. Все устали, и никто не спал вторые сутки…

— Что же молчишь? Передай, что приказано!

Меня начало раздражать упрямство Артура. Неужели он не понимал, что меня и так не бросят?

— Не будешь переводить?

— Не буду.

— Ну ладно, вернемся — я тебя отчислю из отряда.

Бойцы почувствовали, что идет какой-то спор, и столпились вокруг нас.

— Что приказал командир? — спросил Хосе.

— Идти дальше, — ответила я, пытаясь подняться.

Хосе нерешительно топтался на месте. Конечно, они понимали, что спор был о чем-то серьезном. Бойцы тревожно переговаривались, ко мне начали протягиваться невидимые в темноте руки. Я чувствовала только робкие прикосновения и начала подниматься. Снова двинулись вперед. Где-то далеко еще поблескивали молнии, но раскаты грома не доносились. Грохотал поток, журчали стекавшие с плато струи. Под ногами шуршали мелкие камни и колючки. «В Испании так много цветов, — подумала я, — а мы ходим по дикой пустыне». Ночь близилась к концу. Воздух чуть посветлел, холод усилился. Мы подходили к Тахо! Впереди последний спуск в устье ущелья. Вдоль берега на высотах фашистские позиции. При свете дня здесь оставаться нельзя.

Удобный спуск в темноте найти не так-то легко. Спускались, не выбирая дороги, наугад. Останавливались, где пройти не удалось, возвращались, и пленных все время переводили с места на место, пока они не запротестовали.

— Пленные просят оставить их пока на одном месте. Говорят, что не убегут, — доложил Рафаэль.

— Ни в коем случае! — возразил Артур. — Если они убегут у линии фронта, то нам отсюда не выйти. Похоже, что до рассвета мы через реку не переберемся…

Добрались наконец до реки. Узнаю вас, знакомые берега! Ивняк, мутные заводи да крики ночных птиц… Тахо! Опять Тахо! Эта река встречалась нам почти на всех участках фронта. Я даже привыкла к ней и, наверно, буду часто вспоминать. Приглядевшись, мы увидели, что после грозы река разлилась так сильно, что переправиться черев нее людям, не умеющим плавать, совершенно невозможно. Перед нами призрачно светлело широкое русло с затопленным прибрежным кустарником. На противоположном берегу черной массой вырисовываются холмы — там позиции республиканцев. Если там нас заметят, могут обстрелять. В этом месте нашего возвращения никто не ждал. Попробовали брод, но вода оказалась глубокой и все еще прибывала. Даже за те несколько минут, что мы стояли, затопило один из островков. Артур решил искать переправу вниз по течению, а нам приказал ждать. Если он не вернется до рассвета, мы должны отойти назад в ущелье и укрыться там на день.

— Скажи, чтобы двое шли со мной. Сальвадор и Амарильо, — назвал Хосе.

Они тотчас же встали рядом с командиром. Через минуту наши разведчики скрылись в темноте. Хосе выставил дозоры, остальные расположились отдыхать прямо на земле. Пленных пришлось опять связать, чтобы дать отдых хотя бы нескольким бойцам. Снова пошел дождь. Вдоль берега дул холодный ветер, леденя промокшую одежду, и не было никакого спасения. Я нашарила небольшую ямку и хотела туда забраться, но там уже оказались Леон и Куэва. На дне ямки вода, но это их, видимо, не смущало.

— Иди к нам, здесь не дует, — позвал Леон.

От ветра я укрылась, но не согрелась. Над нами склонялось несколько обтрепанных хворостинок, а выше черное небо.

— Командир найдет переправу, недолго осталось ждать, — сказал Леон.

— Командир не найдет переправу, — отозвался Куэва.

Вода продолжала вздуваться, гроза переместилась вверх по течению. Я тоже думаю, что Артур переправу не найдет. Вернее всего, нам предстоит ждать, пока спадет вода, или пробиваться через мост. Плохо, что завтра есть будет нечего. Мы так пригрелись в ямке, что Хосе едва вытащил ребят на смену караулов. Одной мне стало холодно, и я выбралась наверх. В слабом свете, струившемся в разрывы между тучами, виднелись фигуры спящих бойцов и пленных. Задержанного с ними крестьянина не связывали и обещали отпустить его домой, когда переправимся, но он так этого испугался, что я рассмеялась,

— Нет, я не вернусь, они меня расстреливать везли… Это каратели из соседнего села, они всех, кого схватят, расстреливают. Возьмете меня с собой.

Пришлось пообещать. Хосе сидит на земле, опустив голову на колени. Спит или не спит? Решила проверять посты сама. В это время около меня появилась маленькая фигурка и с ходу кинулась на землю: я узнала Леона.

— Что случилось?

Молчание.

— Ты что-нибудь увидел или услышал?

— Нет. Я думал, что вы ушли, а меня забыли. Было так тихо…

— Чудак! Беги сейчас же обратно, пока никто не заметил, что ты оставил пост.

Леон быстро убежал. Я села на камень и продолжала покорно мокнуть. Наверно, скоро рассвет, темнота будто немного подтаяла, а наших все не было. Еще с часок можно подождать, а

потом отходить в ущелье. Теперь, когда до рассвета оставалось совсем недолго, мне так захотелось спать, что веки слипались, и наваливались какие-то виденья.

— Посты надо отодвинуть подальше, скоро светает, — подал голос Хосе. — Этой ночью мы не переправимся, — продолжал он. — Если даже командир найдет переправу, затемно до нее не дойти…

Конечно, если их так долго нет, то и переправы близко нет. В этот момент перед нами внезапно появились все трое наших разведчиков. Умеют же тихо ходить!

— Переправы нет, — сказал Артур. — Пока можно переждать на старой мельнице, это неподалеку. Только надо бежать быстро; если фашисты увидят, что мы там укрылись — несдобровать.

Хосе разом поднял всех на ноги, отозвал дозоры, и мы цепочкой вытянулись по берегу. Бонилья шагал возле меня. Удивительно, что он так хорошо выдерживает этот переход. После ранения у него было плохо с легкими, и он почти полностью оглох, но все дружно решили оставить его в отряде, тем более что его жена и дочка тоже остались у нас.

— А здорово ребята тянут! — сказал Бонилья с улыбкой, оглянувшись на товарищей.

Действительно, мы двигались довольно ходко. Откуда силы взялись? Почти весь отряд босой. Сальвадор тоже старался держаться рядом со мной. Время от времени он подставлял плечо, чтобы я могла опереться. На другом плече у него был пулемет. В рассветном полумраке его лицо кажется зеленым. Восток слегка заалел, и отряд прибавил шагу. Впереди показалась серая стена мельницы с большим черным проломом. Командир приказал остановиться, залечь и добираться до мельницы перебежками по трое. Пока можно опуститься на землю, хотя бы на несколько минут. Казалось невероятным, что я снова смогу подняться.

Бонилья опустился рядом, но вдруг встал и полез в гору. Было еще недостаточно светло, чтобы рассмотреть, что привлекло его внимание. Поднявшись на несколько метров, он что-то сорвал и повернул обратно. Я увидела в его руке маленький букетик бледно-розового шиповника.

— На, держи…

Да, Испания — это Испания. Здесь все еще поют серенады, хотя бы у порога штаба, и дарят девушкам цветы.

— Хосефа, беги, твоя очередь! — скомандовал Артур.

…Заря так и не разгорелась. Плотные тучи снова заволокли небо, полил дождь. Мельница оказалась просторной и пустой. Для пленных нашелся подходящий подвал. На чердаке разместились пулеметчики, а в большой полутемной комнате с

узкими окнами — все остальные. Часового выставили во дворе, второго — на берегу реки, которая виднелась под самыми окнами. Берега здесь сходились так близко, что река превращалась в стремительный поток. Пока на противоположном берегу ничего нельзя было разглядеть, да и склоны покрыты густым кустарником. Впечатление такое, что наши позиции или очень высоко, или их нет здесь совсем. Вошел Артур и сел прямо на пол.

— Если бы на этой чертовой мельнице удалось достать хоть клок соломы!

Согреться нечем, от серых камней метровой толщины исходит могильный холод, а одежда на всех мокрая насквозь.

— Будем ждать, пока спадет вода? — спрашиваю я сквозь дрему.

— День подождем, все равно податься некуда. Потом пойду искать подступы к мосту, — ответил Артур.

Наверх из подвала поднялся сконфуженный Молина и замялся на пороге.

— Пленные требуют еду. Они сказали, что если мы их держим, то должны и кормить.

— Скажи, что еды не будет. Совсем обнаглели! — возмутился Хосе.

Молина ушел, но вскоре вернулся обратно.

— Хосефа, пленные грозятся, что убегут.

Артур сердито фыркнул и послал к пленным Амарильо. С этим много не поговоришь.

Не спалось. Сыро и холодно. Местами стены покрывала плесень. Низкие полугнилые своды напоминали памятники романской архитектуры десятого — двенадцатого веков… Может быть, эта мельница и не моложе. Бойцы притулились по углам и дремали сидя. Никто не рискнул лечь на каменные плиты. Всем хотелось есть, но об этом не заговаривали.

Прошло часа два. Время ползло медленно-медленно. Откуда-то появился Хосе, усыпанный соломенной крошкой. Он сладко зевнул, затем, потянувшись и расправив широкие плечи, стал выбирать из волос соломинки.

— Смотри-ка! Хосе где-то соломы достал… Что же ты молчал?

— Это не солома, это труха, кроме того, там мыши.

— Ну и что ж, что мыши?

— Я думал, ты мышей боишься…

Мы гурьбой бросились на чердак за трухой, но Амарильо, только что поднявшийся из подвала, так и застыл на пороге. Оказалось, что мышей боится лишь он. Наши пулеметчики на

чердаке уже растащили половину трухи и попытались на ней устроиться. Собрать охапку трухи не так-то легко. Мы засыпались ею с головы до ног, а в руках почти ничего не оставалось: она вытекала, как вода. Вниз мы принесли очень немного и высыпали на каменные плиты. Поспать нам не дал Хосе, пришло время менять караул. Я было тоже направилась со всеми, но Хосе меня прогнал:

— Замерзнешь, иди наверх!

Ребята посмотрели на меня с завистью: никто не успел просохнуть. Я вернулась и села в свой угол. Клонило ко сну. Напротив примостился Хосе. Он прислушивался к шуму потока и посматривал на меня. Я знала, о чем он думает… Но пути через реку для меня еще менее возможны, чем для него. Переплыть я могла бы, но я — переводчица и до тех пор, пока жив хоть один боец, останусь с командиром отряда. То, что меня могут убить раньше, мне в голову не приходит. Молодые, как мне кажется, верят в смерть только теоретически, а представить себя мертвыми не могут. Вбежал образованный Леон. Он отыскал где-то старую сушеную фасоль и большой погнутый таз. Ребята оживились. Сложили в подвале очаг на паре камней и поставили варить фасоль.

— А скоро сварится? — нетерпеливо спросил Маноло.

— Часа через три, она ведь не размоченная.

Стало веселее и даже уютнее. А время медленно приближало пасмурный день к ночи.

— Хосефа, пленные спрашивают, дашь ли ты им фасоли?

Это опять появился из подвала Молина, он совсем распустил своих пленных. Однако они проявили определенный такт, обратившись по хозяйственному вопросу к единственной женщине.

— Скажи, что дам.

Артур проснулся и посмотрел на нас сонными глазами. Губы у него покрылись коричневой корочкой, а синяки под глазами еще не прошли. Интересно, как выгляжу я сама? Зеркальце я с собой брала, но оно, наверно, выпало из кармана где-то в горах, и гребенка тоже.

— Пора собираться в разведку. Скоро начнет темнеть. Если к мосту можно пройти берегом — это еще полбеды…

— Возможно, что теперь подступы к мосту заминированы, — заметил Бонилья.

В общем, против плана Артура возразить было нечего. Придется идти старику Молине. Начали собираться, Молина захватил ножницы для резки колючей проволоки и лопату, а винтовку оставил мне. Взамен я предложила ему свою «астру».

Молина внимательно осмотрел пистолет и окинул меня насмешливым взглядом.

— Ты все время несла его в руке?

— Конечно.

— Хорошо, что не пробовала стрелять, у него весь ствол забит песком.

Мне стало стыдно, что за весь день я не осмотрела оружия. Вспомнила, что действительно на подъемах иногда опиралась на камни, не учитывая того, что в руке оружие. Удобно: ствол длинный, как дуэльного пистолета. Теперь подобрать группу разведчиков не составляло труда: многие выспались. Вызвались снова Сальвадор, Амарильо и Ретамеро. Затем Молина и Маноло.

— Сколько, по твоим расчетам, до места? — спросила я у Артура.

— Если берегом, то километров шесть, но, возможно, придется подниматься наверх…

Значит, они смогут вернуться лишь к концу дня. Для того чтобы к мосту подвести весь отряд, потребуется еще одна ночь. Если, конечно, переправа вообще окажется возможной.

— Готовы?

— Готовы, — отозвался Ретамеро.

— Не выскакивай, постарше тебя есть! — обиделся Молина.

Они вышли, а мы еще долго смотрели да дверь. Возможно, что на этот раз мы больше их не увидим.

— Пока не вернутся, фасоль есть не будем.

Этим словам Леона никто не улыбнулся. Все испытывали тревогу за судьбу своих товарищей, забыв, что сами не у Христа за пазухой. Хосе начал собирать вторую группу. Если бой завяжется близко, она сможет оказать поддержку. А если из первой группы никто не вернется, пойдет вторая. Стеречь пленных больше было некому. Пришлось дать винтовку крестьянину, которого мы освободили в последнем бою. Он был горд доверием, но винтовку взял с большой осторожностью.

— Я стрелять не умею, — сказал он, виновато моргая.

— Это не важно. Главное — не подпускай к двери, суй дулом в морду и зови нас на помощь.

— Как там наша фасоль?

— Легче камни сварить… уже два раза подливали воду.

Хосе пошел проверять посты. Наверху опустело и стало совсем тихо. Сальвадор пробовал устроиться в дальнем углу. Повозившись немного на каменных плитах, он встал и пересел к окну. Мне тоже не спалось. Вышла на порог, посмотреть на воду. Шумит, шумит… В темноте она казалась живой, ворчала, позванивая упругими струями, и бешено рвалась вперед. В небе

ни одной блестки. Опять все заволокло тучами. Если снова начнется гроза, мы сможем проскочить без особых хлопот. Но ветра не было. Воздух тихий и холодный. Над рекой мечутся вспугнутые птицы. Спустились к воде. Здесь поток казался еще грозней. Сквозь равномерный гул порою слышалось усиливающееся журчание, потом оно стихало и возникало в другом месте. Так бывает, когда вода начинает быстро прибывать. Наверно, в верховьях реки шел дождь, не скоро дождемся мы спада. На берегу росли высокие тополя. Казалось, они достаточно высоки, чтобы, если срубить, лечь вершиной на противоположный берег. Разыскала Хосе и Бонилью, пришли и другие ребята.

— Если вершина и ляжет на другой берег, вода все равно стащит, — сказал Бонилья.

— Попробуем, вдруг да получится?

Хосе раздобыл обломок пилы, а Сальвадор вынул наваху. Пилили долго и терпеливо, а меня начинала пробирать мелкая дрожь.

— Хосе, ты должен пустить меня поработать, я замерзла…

— Иди на мельницу.

— Не пойду. Эта мельница хуже могилы, там даже черти не водятся.

Хосе усмехнулся. Дерево еще долго обрабатывали топором. Наконец, одолели.

— Готово! — крикнул Сальвадор и отскочил в сторону от тополя.

Послышался нарастающий треск. Ствол все быстрее и быстрее склонялся к воде, наконец рухнул, вздрогнул и замер. Чувствовалось, что вершина легла на берег. Потом ствол начал вздрагивать, как живой, и медленно сползать по течению. Вода напирала на нижние ветки, тянула за собой. Оставалась еще надежда на то, что ветки зацепятся за дно или за крупные камни, но место здесь оказалось не только самым узким, но и самым глубоким. Прошуршав по прибрежным камням, тополь нырнул и скрылся в темноте… Мы немного постояли и пошли прочь. Я вернулась на мельницу. Все помещение наполнилось дымом от очага, но теплее не стало. Недалеко от двери сидел Куэва. Даже в полумраке проступала бледность щек, лицо напряженное и глаза грустные. Он был назначен во вторую группу, но пока Хосе разрешил им отдохнуть.

— Не прислоняйся к стене, — сказала я. — Ты можешь схватить воспаление легких.

— Чепуха! — рассмеялся Энрике. — Если бы от этого болели, всем нам была бы крышка. Не просыхаем уже вторые сутки.

— Скоро обсушимся, — мечтательно сказал Леон.

Я тоже так думала, но мы оба ошибались — нам предстояло еще гореть.

Разведчики вернулись незадолго до рассвета. Вид у них был такой взмученный и мрачный, что сомнений не оставалось — к мосту пути нет.

— По берегу пройти невозможно, — сказал Артур. — Километрах в трех отсюда скалы подступают к самой воде. Взобраться на них нам не удалось. Придется подниматься на вершину, обогнуть позиции противника с тыла и выходить на мост опять же через фашистские позиции.

— Немного нас останется после такого маневра…

— Сколько останется — столько и ладно, времени в обрез.

Артур велел собираться и выступать через десять минут. «Возможно, кто-нибудь и проскочит через этот чертов мост, только это буду не я», — невесело подумала я.

— Еще один вариант, — продолжал Артур, — недалеко отсюда есть остатки шлюзов, они сильно разрушены, но можно попробовать. Передай, чтобы прихватили с собой доски, какие найдутся.

Я побежала искать доски, но по дороге меня остановил запыхавшийся Сальвадор:

— Один пленный сбежал!

Упустили-таки! Теперь нам здесь нельзя оставаться ни минуты. Когда я доложила о случившемся, Артур бросил на меня убийственный взгляд и безнадежно махнул рукой. Собрались мигом, прямо на ходу подхватывая с пола свои вещи и набрасывая на плечи куртки. Крестьянин перевернул на костер так и не сварившуюся фасоль и вывел пленных во двор. Один из них начал нас уговаривать, чтоб его отпустили, клялся и божился, что вернется вместе с семьей. По-моему, врал. Еще раньше я заметила, что глаза у него вороватые, а лицо злое.

— Потом сходят за семьей, — резко ответил Артур.

Отряд вытянулся цепочкой вдоль берега и метров пятьсот шел молча. Справа показался приземистый сарай с настежь распахнутыми дверями, рядом — шлюзы.

— Всем там делать нечего, пусть туда пойдет Хосе с теми, кто отдохнул, а мы пока посидим на сухом, — сказал Артур.

Хосе взял нескольких «отдохнувших» и пошел с досками к шлюзам, остальные повернули в сарай.

— Да это настоящий рай! — восторженно закричал Маноло.

— Можно развести небольшой костер, — добавил Артур, заметив в углу кучу стружек и хвороста.

Конечно, никто возражать не стал. Огонек занялся и быстро подрос. Мы столпились вокруг, но желающим погреться места не

хватило. Решили подбросить топлива, чтобы сделать круг пошире. И так этим увлеклись, что набросали лишнего. Огонь разгорелся быстро, а подкинутые ветки еще только занималась. Столб пламени поднимался все выше и выше, выбрасывая вверх охапки искр. Надо было что-то делать.

— Затоптать! — Артур бросился к костру.

— Но мы босые!

Мы прыгали вокруг, но к костру подойти уже не могли, растасканные нами головешки тлели вокруг сплошным кольцом. Артур один расшвыривал и топтал палки и ветки, а нам приходилось отходить все дальше и дальше. Наконец, крыша не выдержала и вспыхнула, разбрасывая снопы искр. Все кинулись к выходу.

Фашисты увидели пожар и начали стрелять. Этого нам еще не хватало. Кругом все осветилось ярким рыжим пламенем. Пришлось бежать, что было духу. Когда мы добежали до шлюзов, Хосе уже перепробовал все доски. Достаточно длинных не оказалось, а переправляться надо было немедленно. Метрах в четырех от берега на цементном остове стоял Амарильо, он пробовал принять от Хосе последнюю из досок.

— Что там? — спросил Артур.

— Не достает!

Все молча столпились у берега и смотрели на злополучную доску, хотя и так уже было ясно, что она коротка. Огонь пожара быстро спадал. Нужно было срочно принимать решение.

— Амарильо! — крикнул Артур и показал ему рукой на противоположный берег.

Тот все понял. Обернувшись к нам, Амарильо на прощание махнул рукой. Всплеск воды, и он исчез. Ко мне подбежал Леон, потянул за рукав и, улыбаясь, показал на телеграфный столб. Я увидела, что от столба на ту сторону реки тянутся провода. Мальчик сразу сообразил, как эти провода можно использовать. Не теряя ни минуты, бойцы сразу стали приспосабливать переправу. Провода срезали и прикрепили пониже, затем сделали из ремней петлю, привязали к ней веревку, чтобы петлю можно было вернуть обратно для следующего пассажира. Переправили на ту сторону Сальвадора. Он мигом прикрепил провода и на той стороне. На эту, с виду несложную, работу ушло, однако, немало времени. Все с нетерпением следили за работой и подбодряли Сальвадора, который действовал с лихорадочной быстротой. При свете дня мы превратились бы в хорошие мишени. Следом за Сальвадором отправили пулеметчиков, приказав им занять огневые позиции и прикрывать переправу. Небо светлело все больше и больше. Начали переправлять пленных. Нам с Артуром,

как умеющим плавать, предстояло переправляться последними. Амарильо, наверно, уже успел добежать до наших позиций. В предрассветном сумраке стало заметно, как сверху скользят какие-то тени, но поток заглушал все звуки. Вот на вершинах гор показались розоватые лучи, и вдруг оба берега ожили. С фашистской стороны началась винтовочная стрельба; заговорили и наши пулеметы, и даже ухнула маленькая пушка, единственная на ближайшие десять километров фронта. Фашистские пули пролетали над нами, очевидно, мы оказались в мертвом пространстве. Теперь фашисты начнут искать место, откуда вас можно достать. У нас в запасе осталось несколько минут.

— Давай! — подтолкнул меня Артур. — Твоя очередь.

Я вскарабкалась на столб и подтянула к себе петлю. Через минуту подо мной бурлила река. Быстро перебирая руками провода, я скользила над ней, но вскоре оказалось, что добраться до конца не так просто, как представлялось с берега. На середине провода провисли, и на второй половине пути пришлось подтягиваться, чтобы не заскользить обратно. Казалось, время остановилось, закружилась голова. С минуты на минуту фашисты могли открыть прицельный огонь, тогда пришлось бы прыгать в воду, а еще не переправился Артур. Наконец, мне удалось подтянуться к столбу, и меня подхватил за руки Клаудио. Каждого вновь прибывшего он целовал первый, за ним толпились все остальные бойцы нашего отряда. Карманы у них раздулись от булок и банок с консервами. Кормить нас начали тут же на берегу. Артур переправился очень быстро. Как только он очутился на земле, мы начали подъем наверх. Вот здесь-то нас и достали прицельным огнем, и дальше пришлось продвигаться ползком. Я не торопилась, решив немного отлежаться и отдохнуть. Рядом нежно журчал маленький ручеек, и около моего носа кружилась небольшая бабочка. Слышала, как наверху начался переполох. Оказалось, что двое пленных все же сбежали, но уже на нашей стороне. Их бросились искать по кустам. Вскоре мы добралось до безопасного места и могли идти в полный рост. Навстречу сбежались чуть ли не все, кто был на позициях. Наших ребят подхватили за руки, начали качать. Шум и гам стоял невероятный. Артур, улыбаясь, отбивался от множества дружественных рук, пытавшихся поднять его на плечи. Меня никто за руки взять не решился, бойцы шли рядом, смущенно поглядывая на мои босые ноги. Наконец мы подошли к нашим машинам. Пленные уже сидели в кузове грузовика под конвоем. По дороге Клаудио рассказал, что слышал перестрелку прошлой ночью и видел трассирующие пули, которые Куэва пускал в небо из своего пулемета. Он немедленно сообщил об этом в штаб. На

фронт приехал наш советник полковник Ратнер с остальными бойцами нашего отряда и сборным мостом для организации переправы. Наблюдение было установлено по всей линии фронта, но с тех пор прошло более суток, а мы ничем не обнаруживали своего местонахождения. Все думали, что нас уже нет в живых. Барранко с проводником пришли раньше нас и сказали, где приблизительно можно ожидать нашего выхода. Командир части попросил оставить наших разведчиков для митинга, а всех пленных отправить в штаб на грузовике. Беглецов нашли, один из них оказался известным фашистом родом из Гвадалахары.

— Его опознали солдаты, — сказал командир части.

Мы обещали отправить грузовик обратно за бойцами, а сами поехали с Ратнером. Он тоже был очень рад нашему возвращению.

— Еще вчера я вынужден был послать сообщение о том, что вы из разведки не вернулись. Донесение Клаудио было достаточно серьезным, ведь ваш последний бой был километрах в пяти от линии фронта.

Отсыпались и отмывались мы дня три. Отряду дали длительный отдых и разрешили ходить в город и в кино. Артур поехал в Мадрид и на этот раз вернулся быстро.

— Позвони в казарму, — сказал он с порога. Надо немедленно снарядить двух подрывников на помощь разведчикам Северного фронта. Надо подобрать таких, которые могут быть инструкторами.

— Кого отдадим?

— Пусть бойцы сами решают.

Трудно, подумалось мне тогда, надеяться на то, что мы увидим их вновь. Северный фронт был отрезан от остальной республиканской территории многими сотнями километров земли, захваченной франкистами. Увы, я оказалась права. Вскоре Северный фронт перестал существовать, и нашим разведчикам пришлось выбираться оттуда к своим пешком. Они вернулись в отряд, но нас с Артуром к тому времени в Испании уже не было.

Прозвучал телефонный звонок. Это было странно. Обычно мы не вели по телефону никаких разговоров. Отдельной телефонной линии для войск не было, а телефон был включен в городскую сеть. Таким образом, даже простого предупреждения, когда кто должен прибыть или где находился, телефону не доверяли. Оказалось, что звонит адъютант командира корпуса, занимавшего оборону в районе Гвадалахары.

— Комкор хочет лично поздравить вас всех с успешным выполнением операции и завтра собирается приехать в вашу казарму, — сказала я Хосе и положила трубку.

— С чего бы? — пожал плечами Хосе.

Адъютант сказал, что сведения об этой операции попали в печать. Представляю себе, как будет раздосадован Артур. Он не терпел никакой огласки.

— Я думаю, комкор решил посетить нас не только по поводу газетной статьи. Надо быть начеку.

— Ясно, — согласился Хосе. — Жаль, что Артура нет. Я посмотрю, чтобы в казарме было все в порядке, и выставлю на перекрестке «махальщиков».

— А что случилось с Энрике? Почему он просит отчислить его из отряда?

— Сами не знаем. На днях получил письмо, но нам не показал…

Ответ прозвучал достаточно уклончиво, чтобы не возникли вопросы.

— Допустим, что вы письма не читали, но все-таки в чем дело?

Хосе замялся и немного помолчал, глядя в сторону.

— Его старший брат дезертировал из армии, но Энрике думает, что нам ничего об этом не известно. Наверно, он хочет уйти раньше, чем до нас дойдут слухи…

— Хорошо, что он об этом ничего не говорит. Будем и дальше делать вид, что ничего не знаем. Может быть, паренек успокоится, ведь от Южного фронта до нас целая страна…

— Помолчим, — согласился Хосе. — Где же ему быть в такое время, если не с нами?

На этом и договорились. Полковник приехал около полудня со всей свитой — двумя адъютантами и начальником штаба. Все бойцы были одеты по форме, у дверей стоял караул, который выполнял несколько сложный, на мой взгляд, церемониал встречи. Приняв от Хосе рапорт, полковник просил держаться непринужденно и поделиться с ним впечатлениями. Произошло замешательство, ребята не знали, о какой именно операции написала газета. Оказалось, что это была литературная версия последней операции. Потерь у нас тогда по счастливой случайности не было, а на свою сторону мы привели пленных и захватили оружие. Тут было о чем поговорить, и ребята окружили комкора, рассказывая наперебой, кто что больше помнил. Комкор слушал с доброжелательной улыбкой и поворачивал голову к каждому, кто вступал в беседу. Вдруг я услышала звонкий голос Рафаэля:

— А раненых мы оставили на дороге…

— Кого?

— Раненых фашистов.

Полковник сделал неопределенную гримасу и отвернулся. Кто-то начал говорить о другом эпизоде, но Рафаэль почему-то обязательно хотел досказать о раненых. «Боже! Унеси куда-нибудь хоть на минуту этого Рафаэля», — подумала я с отчаянием и начала протискиваться к нему, чтобы вовремя выключить недогадливого парня из разговора.

— А раненых… — опять начал было Рафаэль, взяв на тон выше, но я успела стукнуть его кулаком в спину. Рафаэль удивленно оглянулся.

— О таких вещах посторонним не говорят, понял?

— Что тут такого? Мы ведь их не обидели и даже отдали бинты для перевязки.

— Никто нас не осудит за то, что мы не доставили их там в госпиталь, и все же об этом не говорят.

Рафаэль пожал плечами, но замолчал. Да, о таких вещах не говорят. В этом все же много жестокости. Но война — дело жестокое, хотя некоторым кажется, что на фронте все просто и никаких проблем. Как мы и подозревали, этим разговором и торжественным посещением дело не кончилось. В казарму пожаловал сам генерал Миаха, командующий Мадридским фронтом. Он тоже приехал со своей свитой на трех автомобилях. Встреча длилась не более получаса, причем часть времени была уделена церемониалу по самым строгим правилам устава. Впрочем, генерал вряд ли оценил красоту манипуляций почетного караула. Он был сугубо штатским человеком. Проводив генерала, полковник тихо спросил:

— У вас, сеньорита, есть какие-нибудь просьбы?

— О, да! Как можно скорее изменить дислокацию нашего отряда.

Комкор понимающе улыбнулся.

— Я прикажу дать вам другое помещение.

На сведущий день в штаб вызвали Артура. Поскольку его все еще не было, мы с Хосе пошли вдвоем. Полковник ждал нас в своем кабинете и встал из-за стола, как только я появилась в дверях. Произошла заминка. Полковник не мог предложить Хосе стул, поскольку вызвал по делам службы. Испанское высшее командование очень ревниво относится к правилам субординации и придерживается старых традиций. Поэтому он остался стоять, предложив кресло только даме. Я тоже осталась на ногах, чтобы не портить делового стиля. С церемонией приветствий, таким образом, было покончено, и полковнику оставалось изложить суть дела, не отвлекаясь на светские беседы.

А дело оказалось непростое. Командование приказало комкору в ближайшие дни организовать наступательные

операции в удобном для этого районе. Цели наступления были ограничены и должны были символизировать активизацию фронта на нашем участке, чтобы отвлечь внимание, а может быть, и некоторые силы. Поскольку никакого подкрепления Гвадалахарскому фронту не предоставлялось, полковник решил наступать одним полком в районе Саорехаса, где мы недавно переходили фонт.

Я слушала внимательно все, что полковник пояснял, а про себя соображала, почему он не дождался Артура, почему он не вызвал одного Хосе для постановки задачи отряду? В заключение полковник просил отдать в его распоряжение весь наш отряд для включения в группу прорыва. Я ответила, что без Артура решать также вопросы не могу, но обещала доложить, как только он приедет. Хосе внимательно слушал разговор, но ничем не проявлял своего отношения. Его мнения полковник и не спрашивал. Младшему офицеру он мог только приказывать при условии, что офицер — его подчиненный. Официально Хосе со всем отрядом подчинялся начальнику второго отдела штаба 11-й интербригады. Пойди, найди этого начальника… Выйдя из штаба, мы с Хосе обсудили предложение полковника. Дело в том, что нам очень хотелось участвовать в операции, но мы знали, что Артур будет против, так же, как и командование нашей бригады.

В этих хлопотах я на время забыла об Энрике. Он по-прежнему избегал встречи и о своей просьбе не напоминал. Прошло три дня. Артур не появлялся. Полковник вызвал меня снова. В кабинете были мы одни. Снова подошли к карте. Новых отметок не появилось; значит, полковник держал свои планы в секрете, и на вооружении у нас был элемент неожиданности, фактор в таких условиях едва ли не решающий.

— Если я не ошибаюсь, сеньорита, — сказал полковник, — вы проходили этот мост у Саорехаса?

— Точно.

— В любом случае сначала нужно форсировать мост. Тахо здесь стеснена скалами, и течение очень быстрое.

— Брод, как я заметила, только один — километров на пять ниже, но он проходим только в хорошую погоду.

— Несколько переправ для пехоты наладить можно, а движение транспорта возможно лишь через мост. Захватить его легче всего людям, которые его однажды уже прошли…

Вот истинная причина посещения комкором нашего отряда!

— Было бы желательно, — продолжал он, — чтобы во главе группы прорыва были ваши люди. За ними охотно пойдут и другие, тем более что у вас тогда и потерь не было.

— Не было. Но мы проходили мост ночью, а вести в атаку

ночью даже роту рискованно. Мост пристрелян с обеих сторон.

Я сомневалась, что такой план прорыва перспективен. Вернее всего, атака захлебнется, и дело окончится перестрелкой. Но убитые будут, и, скорее всего, это будут те, кто пойдет первым… Я высказала свои соображения насчет моста и снова повторила, что без начальника решить этот вопрос не могу.

— Хорошо, — сказал полковник, убедившись, что уступок не будет, — дайте мне хоть несколько человек.

Артур приехал вечером. Усталый, сапоги в грязи, куртка запылена. Когда пошел умываться, планшет взял с собой. Он всегда так поступал, получая задание на новую операцию, и сделал на картах отметки. До ужина ни о чем не говорили. Я обычно вопросов не задавала. Если что-то нужно, сам скажет. Ужин теперь бывал небогатым: тарелка вареного гороха, кусок омлета да чашка чая или кофе. Испанцы еще пьют за столом вино, но Артур такой привычки не имел, и вина нам не подавали.

— Наш бригада выведена в резерв, и ее перебрасывают в Арагон, — сказал Артур после ужина.

Это не было новостью.

— Мы тоже поедем?

— Пока нет. В Испанию приехал новый советник вместо Хаджи. Надо встретиться.

В свою очередь, мне надо было рассказать о последних событиях в Гвадалахаре и в отряде, но я все оттягивала. Смутная тревога и нерешительность подсказывали, что я сама еще не определила своего отношения к тому, что, казалось бы, имело однозначный смысл. Сославшись на усталость, я ушла в свою комнату, но спать не ложилась.

— Что задумалась? — спросил Артур, остановившись на пороге.

— Подожди немного, рассказывать долго, а дела не срочные, можно отложить и на завтра. Сегодня все равно делать нечего.

— Лучше давай сейчас. Не люблю ложиться спать, когда что-нибудь неясно. Что делается в отряде?

Пришлось рассказывать. Сначала, конечно, об Энрике. Артур слушал молча. Мне показалось, что все это не было для него неожиданным. Брат Энрике был в штабе Южного фронта, и Артур поддерживал связь с полковником Киселевым, советником этого фронта. Наверное, Артур уже знал о дезертирстве. Об операции на нашем фронте в районе Саорехаса ему тоже было известно, но о том, что полковник хотел использовать наших бойцов, он услышал впервые.

— Больше трех бойцов не дадим, — сказал он сердито, — и то, если найдутся охотники. Наши разведчики скоро потребуются

для арагонской операции.

Несмотря на поздний час, пришел Хосе и сказал, что вызвались трое: Леон, Маноло и Энрике.

— Энрике сам напросился?

— Первым, — ответил Хосе и подал Артуру личные документы троих добровольцев.

Перед каждым выходом на операцию личные документы участников оставляли в сейфе. Сколько таких документов остается невостребованными за войну!

Вернувшись в Гвадалахару, первым делом наведались в штаб. Там уже имелись первые донесения о прорыве фронта под Саорехас. Мост захватили во второй половине ночи, и часть бойцов удалось переправить на другой берег еще до рассвета. Они взобрались по скалам и атаковали первую линию противника. Второй не оказалось вовсе: солдаты сбежали.

Я пошла домой переодеваться и чего-нибудь перекусить. До конца дня было еще далеко, и я удивилась, застав там Артура. Он был очень недоволен моим отсутствием и ждал, чтобы дать нагоняй. Почему-то ему особенно не понравилось, что я без него пошла в штаб за новостями.

— Ты неправ, — отвечала я, обидевшись. — В штабе ты, как советник, можешь говорить только с командиром и начальником штаба. На худой конец — со старшими офицерами, которые сами собирают новости, где могут. Расспрашивать шоферов и денщиков тебе положение не позволяет, а мне закон не писан, могу поговорить с кем угодно. Шоферы, например, знают о подробностях больше всех. Хочешь, поедем, сами посмотрим.

От поездки Артур отказался. Ему снова нужно было ехать в Мадрид. Обстановка в стране осложнилась. Надо было постоянно быть в курсе событий, а главное, не терять тесных контактов с другими советниками. В Гвадалахаре мы были с Артуром одни. Стало известно, что в некоторых городах подготавливаются беспорядки. Под большим подозрением в этом отношении была и Гвадалахара. Договорилась, что в Саорехас я поеду одна, а потом попытаюсь разыскать его в Мадриде, если не случится ничего непредвиденного.

— Езжай, — сказал Артур, надевая фуражку.

— Машину дашь?

— Не могу. Поедешь на грузовике.

— Тогда позволь взять с собой ребят, путь немного развлекутся.

— Хорошо, только не всех, и, пожалуйста, ни во что не вмешивайтесь.

Вскоре я уже сидела с Клаудио в кабине грузовика и покорно

глотала дорожную пыль. Она особенно упорно висела над этим участком дороги, поскольку по бокам были часто насажены тутовые деревья. Хотелось пить, но вода во флягах нагрелась и стала противной. Ближе к фронту нас остановил дорожный патруль.

— Пароль?

— Фуенте-де-ла-Рейна! — ответил Клаудио.

Какой странный пароль! И кому он только пришел в голову? «Родник королевы». Наверное, в комендантской службе был поэт. Дорога на подъездах к реке была такой каменистой, что, приблизившись к передовым позициям, мы оставили машину на склоне холма и дальше пошли пешком. Прежние окопы опустели. Появились построенные на скорую руку сараи, прикрытый брезентом штабель ящиков от боеприпасов и несколько грузовых машин. Около них собрались солдаты обоза и легкораненые, ожидающие эвакуации. Я подошла и остановилась послушать, о чем они говорят. Я уже привыкла понимать арагонцев и кастильцев и даже в таком гомоне улавливала самое существенное. Недалеко шел бой, поэтому люди были возбуждены и молчать не могли. Они говорили все разом. Удивительно, что при этом они умудрялись и слышать все, что говорили в это же время другие. Это после первого прорыва через наш мост Тахо форсировали еще в трех местах.

На высоком берегу нас задержала еще одна группа солдат, посланных за патронами. Патроны должны были подвезти к реке, а потом перегрузить на мулов. Они спросили, не видели ли мы грузовики с боеприпасами. Я сказала, что кое-какое имущество прибыло, но мулов поблизости не приметила, так что патроны, вернее всего, придется переправлять вручную. Солдат это не удивило и не огорчило. Они сообщили, что наши войска продвинулись километров на пять.

Продолжать наступление должны роты второго эшелона, которые еще не обедали. За сегодняшний день несколько человек убито и ранено. Двое утонули в реке во время переправы. Вот и все новости.

В это время с той стороны на мост спустилась группа солдат с носилками. Они не спеша переправились и начали подниматься на склон.

— Пойдем расспросим.

— Пойдем, — согласились Сальвадор и Ретамеро.

Мы начали спускаться напрямик, продираясь через кустарник и прыгая с камня на камень. Сверху было видно, как один из солдат, может быть санитар, зачерпнул из ведра воду и наклонился над носилками, но раненый пить не стал. Он умер.

Когда я подошла, его лицо уже было закрыто пледом. Не поднимая глаз, Сальвадор и Ретамеро быстро последовали за носилками.

— А где Леон и Энрике? — спросила я.

— Леона я оставил выспаться… Пусть отдохнет, пока готовят обед.

— А Энрике?!

Маноло промолчал и отвернулся.

— Вашего Энрике убили, — ответил какой-то солдат.

— Это был он? — спросила я и кинулась вслед за носилками.

— Стой! — удержал меня Маноло. — Энрике отнесли туда еще утром… Гораздо раньше… Там, выше у истоков реки, их всех хоронят. Ребята не взяли тебя с собой, чтобы ты не плакала. Там не надо плакать, там должно быть тихо.

Да, такой обычай: когда человека отправляют на вечный покой, должно быть тихо и торжественно.

— Подождем, пока они вернутся, и поедем домой, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Вечером мы снова собрались на той лужайке, где отдыхали перед последней операцией. Тогда в ней участвовали почти все бойцы оперативной группы. Теперь в отряде не было Амарильо и Энрике, ушел Мануэль, нет с нами сейчас и Артура. Не приходил к нам и тот крестьянин, проводник. Фашисты как-то дознались, что он служил нам проводником, и посадили в тюрьму всех родных: мать, жену и троих детей. Эта тюрьма была в городке километрах в тридцати от линии фронта. Артур предложил организовать нападение на тюрьму и освободить их, но крестьянин отказался. Он надеялся, что их, может быть, еще выпустят, а если сделать налет, да еще неудачный, то всех расстреляют. Артур настаивать не стал, за полный успех никто поручиться бы не мог.

Солнце начало сползать за гребень потемневших гор, из ущелья сырым туманом поднимался холод, шумел поток, пробиваясь между скал, с которых, шелестя и пощелкивая, скатывались камешки. Вершины далеких Арагонских гор еще освещены красноватым закатным сиянием, а ближняя горная цепь уже кажется черной. Перестрелка смолкла. Отбыли последние машины с ранеными. Люди расположились на ночлег кто куда. Мертвые остались одни.

— Надо бы написать родным, — сказала я Сальвадору.

— Писать-то некуда.

Да, писать было некуда. Андалузия в руках фашистов. Брат. Все друзья Энрике были сейчас здесь, на этой поляне.

— Надо ехать, — сказал Клаудио, поднимаясь с земли. — У

машины слабые фары, не наскочить бы на кого.

Мы нашли на обочине свой грузовик. Клаудио, как обычно, обошел его вокруг, снял куртку и бросил в кабину на сиденье и оглядел нас, готовы ли? Ребята залезли в кузов, а я устроилась рядом с Клаудио. Куртку-то он положил для меня. Больше мы никогда сюда не вернемся, это я знала точно. Мир только вступал в мировую войну, и мало кто из нас дожил до торжества победы.

Начало темнеть. Машина тронулась, а я все еще смотрела назад, на темные скалы ущелья.

В Гвадалахаре нас ждали плохие новости. Фашисты наступали на Северном фронте. Об этом знали уже все, хотя в официальных отчетах пресса ничего не сообщала. Знали и подробности боев. Каким образом? Откуда солдаты всегда все знают?

Вернулись домой в первом часу ночи. Оказалось, что в наше отсутствие приезжал новый начальник, советник по войсковой разведке, известный в узком кругу коллег под немного странным именем — Гри-Гри. Причина выяснилась немного позже при первом знакомстве: он заметно заикался. По-настоящему его звали Христап Салнынь. Артур называл его Тайгой. Сам Салнынь называл себя Гришкой-заикой; кажется, эта кличка утвердилась за ним еще во времена работы в подполье в Латвии. Это был старый революционер, хороню знакомый Яну Берзину. Он пробыл у нас всего один час, и о причине такого неожиданного визита Артур мне ничего не сказал. Утром следующего дня за завтраком я исподволь наблюдала за своим начальником, но он ни в чем не изменил своего обычного поведения. Я терялась в догадках. После завтрака Артур приказал почистить личное оружие, а сам удалился с картами в свою комнату.

Когда Манола убрала посуду, я попросила ее снять со стола скатерть. Положила на стол свои пистолеты, разобрала их и первой начала чистить «Астру». Вторым был маузер старого образца. Оружие не очень надежное, но легкое. Еще у меня был один совсем уж крошечный пистолет какой-то бельгийской фирмы: малютку можно было носить в дамской сумочке. Впрочем, стрелять из него можно было только в упор. Собрав «Астру», я пощелкала спуском, вставила обойму. Заело. Вынула, еще раз вставила, и тут раздался выстрел. Несколько секунд сижу, опустив руки, и ничего не понимаю. Вошел Артур.

— Что случилось?

— Сама не поняла, — ответила я растерянно и положила пистолет на стол.

— Кто стрелял?

— Я.

Артур помолчал. Потом подошел к столу, взял в руки мой пистолет. Осмотрел.

— Выйди на балкон и побудь там немного. Внизу собираются люди и смотрят на окно.

Я вынесла кресло на балкон и села, приняв самую непринужденную позу. Пусть видят, что в доме ничего не случилось. Однако со мной что-то произошло. Никогда не поверила бы, что сделаю непроизвольный выстрел. У саперов и разведчиков это считается непростительным поступком. Помню, когда Гармона нечаянно выстрелил во время чистки оружия, его на целый месяц отстранили от операций. И в первый же выход после этого он погиб… Еще случай с капитаном Цветковым: он не заметил, как выронил из кармана пистолет, а после этого не прожил и месяца… Разведчики не имеют права на рассеянность. Почему это случилось со мной? Я не была ни излишне усталой, ни встревоженной… Что-то произошло где-то в подсознании. Больше Артур ни словом не напомнил о случившемся и внешне казался совершенно спокойным.

Вечером снова приехал Тайга, и мы вышли к ужину. Говорили о вещах, касавшихся быта бойцов, о возможностях передислокации. Все в общих чертах, еще ничего решено не было. После ужина Артур, извинившись, вышел в свою комнату. Я догадались, что он не случайно оставил меня для разговора с Тайгой без свидетелей. Тайга молча и доброжелательно поглядывал на меня, а я опустила голову, молча теребила бахрому скатерти.

— Хотите поехать в Валенсию? — спросил он мягко, почти ласково.

— Зачем? — насторожилась я. Неужели теперь отчислят из отряда?

— Так, просто. Отдохнете, посмотрите что-нибудь в театре. Может быть, купите себе, что понравится.

Хитрят. Артур рассказал ему о выстреле.

— А где там жить?

— Можно в Альборалье.

В этом доме на улице Альборалья, где жили советники Генштаба, я бывала. Это небольшой особняк в один этаж. Под окнами цветники. Вспомнила, что там убили собаку за то, что она бегала по цветам. Нет, в Альборалью я не хочу.

— Можно в отеле.

Если так настойчиво предлагают, ехать придется.

— Посмотрите бой быков. Еще не видели?

Человеческая доброта иногда проявляется несколько странно. Почти всегда доброжелательным людям хочется, чтобы другие

посмотрели то, что они с интересом смотрели сами. Если бы Тайга знал, почему я не хочу в Альборалью, он не предложил бы бой быков. Впрочем, это не одно и то же — видеть бой быков или как убивают собаку. У быка есть свои шансы, в чем я убедилась, когда все-таки пошла на корриду. В течение всего разговора Тайга не спускал с меня внимательного взгляда, но я почему-то не испытывала неудобства. У него были очень искренние, немного прищуренные, иронически поблескивавшие глаза. Черты лица неправильные, но, в общем, приятные. Не портили впечатления даже маленькие темные усики над верхней губой, какими гримеры часто украшают отрицательных героев в пьесах или кинофильмах. Мне тогда в голову не приходило, что Тайга не зря присматривался ко мне. Вскоре он сказал, что хочет дать мне самостоятельную работу инструктора при разведотделе в формирующемся Четырнадцатом корпусе. Незаметно для себя самой я начала привыкать к мысли, что поеду в Валенсию, и даже увидела в этом много приятного. Жаль только, что поеду одна, ребята тоже давно не были в тылу. Нашли бы, что делать в городе. Рискнула попросить за них. Тайга охотно согласился взять несколько человек.

Однако поездка была неожиданно отсрочена. Из Мадрида поступили какие-то указания, и ранним утром Тайга с Артуром выехали на один из участков фронта в сопровождении всего отряда. Меня с собой не взяли. Весь день я провела в одиночестве, никуда не отлучаясь. День ведался ясный, и солнце начало припекать не на шутку. Манола опустила жалюзи, чтобы немного отгородиться от жары и пыли, но пыль все-таки проникала в щели, оседая на всех предметах легким налетом и раздражая глаза. Наверно, да самой осени дождей не будет. Немного позже объявили воздушную тревогу. Заработали зенитки. Сквозь звучную дробь падающих на крышу осколков и грохот канонады я старалась определить, где падают бомбы. Они ложились где-то подальше от центра, и можно было особенно не беспокоиться. Фашисты, судя по всему, бомбили мастерские, где ремонтировали наши танки. Когда бомбежка кончилась, я решила проверить, не пострадал ли кто-нибудь, и узнать, какие были разрушения. Но не успела надеть шляпку, как зазвонил телефон. Я удивилась, но трубку взяла. Звонил писатель Илья Эренбург из Мадрида. Ему кто-то сказал, что я увела из гаража его машину, и он разыскивал меня по всей Испании. Интересно, как все-таки нашел? Надо было изменить не только расположение казармы, но и расположение нашего штаба. Разговор предстоял неприятный, но и уклониться было нельзя.

— Серенький фордик, что стоял в гараже в Мадриде? —

спросила я со слабой надеждой на то, что у него была и другая машина, которая по законам фронта тоже могла исчезнуть.

— Да, да!

— К сожалению, мы ее разбили под Тарихой.

— Совсем?

— Совсем. Перебита ведущая ось…

— Зачем же вы это сделали? — в голосе Эренбурга послышалось такое искреннее и глубокое огорчение, что мне стало его жаль.

— Илья Григорьевич, — сказала я примирительно, — мы теряем и людей тоже…

— Да, да! Конечно… Простите, пожалуйста… Только я остался без машины.

Наверно, ему пришлось туго. Через тридцать лет при встрече он напомнил мне об этой машине, а я извинилась еще раз. Я с облегчением повесила трубку. Занимать телефон в такое время!

Артур и Тайга вернулись поздно. Буфет был закрыт. Наш повар выдавал еду только в положенное время. Приходилось таскать в карманах булки, чтобы перебиться. Булкой я запаслась и на этот раз, но не удержалась и съела ее еще до полуночи. О том, что приключилось, Артур рассказал только на следующее утро. Отряд переправился через тот брод, где мы однажды пытались перейти реку во время дождей. Ночью они углубились в ущелье. Тайга, Артур к Клаудио оставались на нашем берегу с прикрытием. Сначала все было тихо. Через полчаса раздались взрывы гранат, потом началась перестрелка. Среди выстрелов четко различались голоса наших автоматов. Это могло означать только одно — наши были обнаружены врагом и отстреливались. Стрельба еще не утихла, когда в небо поднялось несколько осветительных ракет. Они повисли над рекой, осветив место переправы. Когда ракеты погасли, наступила тишина. Артур спустился к реке, прислушался. Если стрельба не возобновится, значит, наши оторвались от преследования и подмогу высылать не нужно. Примерно через час послышался слабый всплеск воды. Через реку кто-то перебирался. Вода на перекате сильно шумела, и трудно было определить, сколько человек идет. Артур хорошо знал психологию молодых разведчиков. Как испуганный зверек бежит прямо к своему дому, так и бойцы, отступая, устремляются чаще всего к тому месту, где переправлялись и где их ждет командир. Бороться с этим инстинктом трудно.

Первым появился Барранко. Он нес винтовку над головой, хотя вода не доходила и до пояса. По этой манере нести винтовку на переправе над головой Артур его и узнал. Вслед за Барранкой переправилось еще несколько молодых ребят, но Хосе, Бонильи и

Молины не было. Из взволнованного рассказа бойцов не сразу удалось понять, что фашисты устроили в ущелье засаду и забросали разведчиков гранатами. По счастью, это были итальянские гранаты, прозванные у нас «хлопушками». Цепочка наших бойцов разорвалась почти посередине. Те, что были впереди, сделали бросок вперед, остальные подались назад, никто не пострадал. Фашисты бросали гранаты с крутого склона, но так как ущелье было завалено крупными валунами, осколки летели в самых неожиданных направлениях, в том числе и в обратном. Тайга разрешил Артуру переправиться на ту сторону, чтобы разыскать и вывести наших ребят. Задача была не из легких: искать ночью в горах горстку бойцов, которые прячутся. Артур рассчитывал на то, что из ущелья им в ближайшее время все равно выбираться некуда. Надо было торопиться. На подмогу он взял Ретамеро. Осторожно пробираясь меж камней и кустарников, они вскоре наткнулись на двух мертвых. Это были франкисты, погибшие, скорее всего, от собственных гранат. Артур взял их документы и пошел дальше. Он не боялся, что свои примут его за врага. Наши бойцы так часто ходили ночью вместе, что привыкли узнавать друг друга по многим, казалось бы, совсем незначительным приметам: по манере останавливаться и прислушиваться, по шагам и даже по дыханию. Хосе, например, быстро и нетерпеливо продирался через кустарник напролом, но камни под его ногами не сдвигались с места. Ретамеро скользил змеей, только легкий шелест отмечал его путь. Леон долго путался в ветвях и начинал сопеть носом. Сальвадор, всегда жизнерадостный и беспечный, шел не останавливаясь и почти не прислушивался к тому, что делается вокруг, поэтому его всегда посылали с более осторожными бойцами. Маноло, наступая на ветви валежника, испуганно замирал, хотя в таких случаях ему следовало бы быстро менять положение. И никогда никто не слышал, как ходит Бонилья. Однако после ранения легких он так и не оправился до конца и дышал тяжело, особенно на подъемах. По дыханию его и узнавали.

Вскоре Артур заметил скольжение какой-то тени. Это был Хосе. Он тоже заметил Артура. Бонилья и Молина были там же. Раненых не было. После такой шумихи идти на захват «языка» не имело смысла. Пришлось возвращаться. Когда вернулись на свой берег, Тайга сказал Артуру:

— Больше я вам не советую переправляться на этом участке. Надо найти другое удобное место.

В Валенсию мы выехали в сопровождении почти всего отряда, следовавшего за нашей машиной в грузовике на почтительном расстоянии. Иначе наших ребят засыпало бы пылью. Тайга сидел

со мной на заднем сидении, а Артур, по обыкновению, поместился рядом с Паскуалем. Проезжая Алкалу-де-Энарес, мы остановились на площади против памятника Сервантесу. Тайга еще не был в этом городе, знаменитом в средние века. Впрочем, раньше, чем стать средневековым, в какой-то далекой древности он назывался Камплутум, а наша Гвадалахара — Арриакой. Но от той поры не осталось ни одного архитектурного памятника. На выезде из города я увидела красные кирпичные корпуса Финки-де-лос-Локос и с досадой отвернулась. Артур усмехнулся, а Тайга вопросительно оглядел нас обоих. Когда я рассказала ему про Кампесино, Тайга рассмеялся.

— Об этом партизане я уже слышал.

До Валенсии езды несколько часов. За это время поговорили о многом.

— Больше я вам через фронт переходить не разрешаю. Вчера это было в последний раз, — сказал Тайга строго.

— Вам лично, — подчеркнул он, обращаясь к Артуру.

Мы с Артуром обменялись быстрыми взглядами: здесь возможны варианты. Запрещение такое мы слышали не раз и от Берзина, и от Мамсурова. Однако, когда Артур докладывал об успешной операции, выговоров не следовало; когда же операция не удавалась, мы помалкивали.

— Хосефы это тоже касается, — добавил Тайга, перехватив наши взгляды. — Вам, наверно, уже известно, что в фашистских газетах была публикация: ваши головы оценены в тысячи песет.

— Пусть сначала поймают! — ответил Артур.

Такая публикация была, и даже листовки появлялись: голова офицера оценивалась в шестьдесят тысяч, а рядового партизана в десять тысяч. Впрочем, в Андалузии цены были выше. Запрещение переходить фронт вносило в нашу работу много осложнений. Бойцы уже привыкли, что с ними идет Артур или, на худой конец, я, и теперь могут подумать что угодно, тем более что положение на фронтах складывалось не в пользу республиканцев. Тайга сказал об этом без утайки. Фашисты перехватили несколько наших судов с продовольствием и оружием, но о погибших кораблях в наших газетах не сообщалось, потому что в то время мы официально не признавали, что помогаем Испании оружием, чтобы не давать повода буржуазной дипломатии для пропаганды еще более жесткой блокады испанских границ. К тому времени Франция задержала на границе значительное количество оружия, посланного республиканскому правительству Испании. И это сделало называвшее себя демократическим правительство Леона Блюма.

К середине 1937 года в Испании начал ощущаться недостаток

продовольствия. Короче говоря, нечего было есть.

Под вечер следующего дня к нам зашел Хосе. Он казался озабоченным, почти мрачным. Ему удалось узнать кое-что о судьбе своих родных, и вести были печальные. После захвата Малаги фашисты уничтожили там около восемнадцати тысяч человек. Эта цифра подтверждалась многими источниками. Из разговора с Хосе я поняла, что ему надоела Валенсия, он не мог найти себе места в тыловом городе. В таких городах жизнь текла медленно.

— Что с тобой сегодня? — спросил Артур, увидев, что я опустила руки.

Об этом мне сейчас не хотелось говорить, но когда-нибудь все равно надо было сказать.

— Ребята меня сегодня доконали…

— Что такое?

— Они просили передать тебе, что отказываются от денежного довольствия.

— Почему?

— Не знаю, они не сумели мне объяснить. Думаю, что это им необходимо для душевного спокойствия. Хосе сказал, что коммунисту стыдно умирать с деньгами в кармане.

Артур задумался. Наверно, он подумал, что быть советником при отряде добровольцев не так просто.

— Давно, ты была еще маленькой, а я помню. У нас в первые годы после революции тоже раздавались голоса против оплаты труда деньгами. Некоторые утверждали, что денег после революции вообще не должно быть. Людям казалось, что если власть принадлежит трудящимся, то все должно идеально, а деньги — источник зла.

Нет, я помнила. В девятнадцатом году царские «ленточки» не ходили, а за мешок «керенок» можно было выручить стоимость самого мешка… А люди все-таки жили.

— Что же все-таки делать?

— Не пробовала отговаривать?

— Конечно, нет.

— Вот и хорошо. Пусть разбираются сами, — сказал Артур, однако тоже погрустнел.

— Остались бы только живы… А выйти из положения можно просто: будем давать деньги каптенармусу отряда. Кстати, возьми у ребят адреса их семей, надо посылать деньги им тоже.

Одиннадцатая бригада вела успешные бои в Арагоне, а отряд все еще находился в Гвадалахаре. Артур уже собрался ехать на фронт под Бельчите, чтобы передислоцировать туда наших разведчиков, но почти следом за нами приехал Тайга с новым

советником. Раньше мы его не встречали. Впрочем, относительно Артура ручаться не могу. Возможно, он не сказал мне о прежних встречах. Это был болгарин Андрей Иванович Эмилев, средних лет, невысокий и обаятельный, хотя и некрасивый человек. Позже я часто виделась с ним в Советском комитете ветеранов войны и убедилась, что первое впечатление было правильным. В Испании за ним утвердилось имя Турок.

Поздоровавшись с Артуром и Хосе, Тайга, представляя Эмилева, кротко сказал:

— Андрей приехал сменить Артура и останется советником при вашем отряде. Для ряда советников есть распоряжение о возвращении на родину. Хосефа может остаться, к ней это не относится — разумеется, если хочет.

Я встрепенулась и вопросительно посмотрела на Артура, который вдруг опустил голову. Мысль о разлуке была печальной и для меня. Но и остаться мне тоже очень хотелось. Тайга заметил мое колебание.

— Очень не хочется отпускать Хосефу, — сказал он Артуру.

Я молчала. Раньше я как-то не думала, что придется разлучаться с отрядом или с Артуром, и теперь растерялась.

— Я вернусь. Повидаю родных, немного передохну и вернусь… — ответила я наконец, собравшись с духом.

Но в душе еще колебалась. Все вспомнилось сразу: походы, тревожные ночи, бои, переправы через Тахо, преграждающую нам дорогу почти на каждом участке фронта. И ее не будет, и ребят не будет тоже… Но я так давно не видела Москву; даже несколько недель, которые я могла бы провести там, помогли бы мне остаться в Испании на целый год. Если бы я знала, что вернуться уже не смогу, я бы осталась.

— Я вернусь потом, — сказала я, и Тайга кивнул.

На другой день в казарме на проверку выстроился весь отрад. Мы приехали прощаться. После короткого официального представления бойцам нового советника предстояло самое тяжелое. Ребята были немного растеряны и вопросов не задавали. Строй был нарушен, и все обступили Артура, чтобы пожать ему руку. Потом пришлось прощаться и мне. Стариков наших — Барранку, Клаудио и Паскуаля — я расцеловала чуть не со слезами. На прощание мне подарили фотокарточки отряда и отдельных бойцов, у кого они были. Я сохранила их.

Дорога на Барселону была, казалось, короткой. Вдоль шоссе посажены кусты роз, по-осеннему грустных и бледных. В городе не задерживалась. Незадолго до нас город пережил наводнение. Улицы были занесены песком, похоронившим многие легковые машины. На перекрестках образовались завалы песка и глубокие

ямы. К счастью, наша восьмиместная «Испано-Суиза» преодолела все и вырвалась на окраину, где начиналось шоссе к французской границе. Но напоследок нам пришлось испытать курьезное приключение, которое только по счастливой случайности не окончилось печально. Надо было переезжать мост через реку, а разлившаяся вода еще не спала. Когда мы подъехали к берегу, там стояло около сотни машин и на той, и на нашей стороне. Вода шла через мост, даже перил не было видно. Никто не решался на переправу. Мы тоже остановились. Артур, нахмурившись, смотрел на падающий с моста водопад, раздумывал. Шофер ожидал решения как будто безучастно. Так у нас было заведено в отряде: пока командир не решит — ждут. Насколько мост залит, определить было трудно.

— Спроси Паскуаля, проедет?

— Проеду, — просто и серьезно ответил шофер.

К нам еще подсел молодой офицер, мы сели и тронулись при гробовом молчании зевак. Паскуаль направил машину по левому краю с таким расчетом, что если нас начнет сносить напором воды вправо, то к водопаду подтащить не успеет. Оказалось, что глаз у него очень верный, но произошло непредвиденное: доехав до середины моста, машина остановилась. Вода оказалась слишком глубокой и залила двигатель. Паскуаль отчаянно пытался оживить мотор. Я привычно начала разуваться и расстегивать пуговицы и застежки. Артур посмотрел на меня с осуждением, но пиджак скинул тоже. Молодой офицер побледнел.

— Я плавать не умею, — сказал он тихо

— Снимите подушку с сидения и прыгайте в воду вместе с ней.

Дверцу в сторону водопада еще можно было открыть, но вторая была плотно прижата водой. На берегу я заметила конную группу. Очевидно, они приготовились спасать нас из потока… Я уже начала выбираться, когда Паскуалю наконец удалось завести мотор. Машина вздрогнула и стала медленно продвигаться вперед. Мы благополучно выехали с моста и с ревом выскочили на высокий берег. Из-под капота выбивалась набранная вода, а потом все вошло в норму. На берегах произошло большое оживление. Некоторые грузовики тоже подошли к мосту попытать счастья, но мы не стали смотреть, чем кончится.

Как только переехали границу, захотелось обратно. Во Франции войны не было, шла безмятежная мирная жизнь. Знали бы французы, что порождает их невмешательство. В Париже я узнала, что мне будет смена. В Испанию ехала моя подруга, однокурсница Сарра Машкович. Я знала ее с пятилетнего

возраста, потом в детстве мы учились в одной школе, потом в Москве — в одном институте. Никогда не подумала бы, что эта невысокая, хрупкая и миловидная девушка будет участвовать в войне далеко от родины. Ей пришлось работать на артиллерийских позициях, все время под огнем. На смену Кириллу Орловскому поехал Станислав Ваупшасов. Они встретились еще в Барселоне. В годы гражданской войны Ваупшасов уже был командиром партизанского отряда и уже в те годы дружил с Орловским.

— Мир тесен, Станислав! — воскликнул Кирилл, обнимая старого друга.

— Этак мы всю жизнь прошагаем рядом, — ответил Станислав.

Он оказался прав. Когда началась Великая Отечественная война, оба товарища снова возглавляли партизанские отряды в захваченной фашистами Белоруссии. Оба потом служили в армии до ухода на пенсию уже в звании полковников и Героев Советского Союза.

Был конец октября 1937 года, когда мы погрузились в Гавре на маленький теплоход «Андрей Жданов». На нем возвращались на родину экипажи двух советских судов, захваченных фашистами в Средиземном море годом ранее. Моряков удалось освободить по дипломатическим каналам. Лица у них необыкновенно бледные, наверно, от содержания взаперти. По сравнению с теми, кто возвращался из Испании, они выглядели обескровленными и измученными, однако держались бодро — шутили и пели песни, а за столом поедали вдвое больше других. Путь до Ленинграда показался долгим. В Северном море нас захватил сильный шторм. Был день, когда к обеду в кают-компанию вышли только капитан корабля и мы с Артуром. Потом и я сдалась. Но с каждой пройденной милей настроение повышалось. Приближались родные берега. Но не оставляла и тревога. Мировая война плыла следом за нами, и в грохоте волн слышались отзвуки бомбежек.

Московский след Роберта Джордана

Доклад на 8-м Международном симпозиуме по проблемам европейской цивилизации: Испанская трагедия в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Бухарест, 2–8 октября 2006

> *Вследствие этого и результаты для обеих сторон бывают всегда одинаковые.*
>
> *М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»*

Глава 1. Версия № 4

В нашем семейном архиве есть фотоснимок времен гражданской войны в Испании с надписью: «Паршина Е. А.и Цветков В. Д. Гвадалахара, казарма разведывательно-диверсионного отряда. Июнь, 1937». Тогда, под вымышленными именами и с фальшивыми документами, они воевали на стороне республиканской армии в числе советских военных специалистов. Об этом снимке я вспомнил сразу, когда в книге Е. Воробьева «Старик и его ученики» *(библиотека журнала «Пограничник», 1983, № 1)*наткнулся на описание двух операций с участием Цветкова, в одной из которых он погиб.

Первая операция — как рассказывает Воробьев — диверсия на аэродроме испанских националистов на юге Испании в районе Севильи осенью 1936 года. План объекта получен от находящегося там советского разведчика — австрийского предпринимателя Конрада Кертнера (он же «Этьен», он же Лев Ефимович Маневич. — *Л. П.).* В результате операции достигнут крупный успех — уничтожено восемнадцать самолетов.

Вторая операция, вскоре после первой, — диверсия в центральной части Испании на аэродроме в Талавере-де-ла-Рейна, когда Цветков, как пишет Воробьев, погиб:

Едва Цветков успел поджечь шнур, раздался взрыв в дальнем краю аэродрома. «Это Баутисто. Через пять минут откликнется Курт». Цветков при отблесках занявшегося вдали пожара посмотрел на часы. Он с Людмилой бесшумно пополз по-пластунски в высокой траве. В эту минуту они заметили человека, бегущего от «капрони» в сторону, где прогремел взрыв и откуда доносились крики и выстрелы. Человек бежал стремительно, но вдруг споткнулся и упал. «Зацепился за шнур, бродяга», — прошептал в ярости Цветков. Фашист увидел ползущий по траве зловещий огонек, прижал шнур к земле ногой, прицелился и отстрелил горящий конец. Цветков, потрясенный неудачей, неосторожно приподнялся — где же затухающий огонек? — доставая наган из кобуры.

Фашист заметил Цветкова, вскинул карабин, выстрелил. Цветков упал. (Стр. 55)

В этом описании многое удивляет. Почему «через пять минут откликнется Курт»? Уж если прогремел взрыв, то надо удирать, потому что через пять минут аэродром будет оцеплен охраной. Зачем после взрыва ползти «по-пластунски», если группа все равно себя обнаружила? Как фашист мог споткнуться о шнур, один конец которого свободен, да и второй не очень-то укреплен?

Далее. Уж если фашист заметил шнур, зачем давать ему время «прижать шнур к земле ногой, прицелиться и отстрелить горящий конец»? За это время можно было пять раз «отстрелить» самого фашиста. Как он мог целиться в шнур в темноте, да еще в высокой траве? Ведь стрелять в огонек бесполезно — так его не погасишь, так как внутри горит негаснущий даже под водой химический состав. Проще было оторвать шнур, перерезать или выдернуть из заряда. Почему при всех действиях фашиста наган Цветкова оставался в кобуре?

Неправдоподобность описания гибели Цветкова навела на мысль проверить и остальную информацию об операции в Талавере, однако ни одного упоминания о ней в литературе обнаружить не удалось. Ничего не дали и расспросы участников испанской войны — эту операцию не помнили ни разведчики-диверсанты, ни переводчики, ни летчики; например советник действовавшего в районе Талаверы разведотряда Старинов (в Испании — Вольф), советник другого такого же отряда Спрогис (майор Артуро), тоже работавший в районе Талаверы. Не упоминал о ней и старший советник по военной разведке республиканской Испании Хаджи Мамсуров.

Таким образом, версия Талаверской операции и обстоятельств гибели Цветкова не подтвердилась, хотя и не опровергнута. Зато была обнаружена новая. В «деле» появился двадцатилетней давности пригласительный билет в Институт международного рабочего движения на вечер «Международная солидарность трудящихся — традиции и современность». После лекции Генерального секретаря Испанской компартии выступил генерал-полковник Мамсуров, который, рассказывая об участии в Испанской войне советских людей, упомянул Цветкова, погибшего, по его словам, при подрыве железной дороги (имеется звукозапись. — *Л. П.).* Через полтора года Мамсуров повторил это на страницах «Журналиста», 1968, № 1, с. 59:

Он был опытный подрывник, но со временем стали сказываться усталость, перенапряжение. Цветков нервничал, храбрость его порой граничила с безрассудством. Так было и в последнем бою. Он взорвал эшелон с войсками. Надо было отходить. Но Цветков нарушил запрет и ввязался в бой. Его тяжело ранили. Цветкова вынесли товарищи. Он умер у них на руках. Похоронили его в глухом уголке Эстремадуры.

Герой Советского Союза генерал-полковник Хаджи Мамсуров (1903–1968) профессиональный разведчик. В 1936 году Разведывательное управление Генерального Штаба РККА направило его в Испанию в качестве старшего советника Генштаба республиканской армии по военной разведке. Незадолго до смерти в

1968 году Мамсуров (по его словам) занимал должность заместителя начальника Разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР, преподавал в Академии Генштаба. В Испании Мамсуров (он же Фабер, он же македонский террорист Ксанти или, как его упоминают в западной печати, Санти) занимался организацией военной разведкой в частях и руководил разведывательно-диверсионными отрядами. К концу 1936 года их было меньше десятка. В подчинении Мамсурова находились советские советники этих отрядов, опытные разведчики и подрывники. Например, Спрогис, фактический командир отряда, базировавшегося в Малаге, а затем в Гвадалахаре; Старинов, базировавшийся в Хаэне недалеко от Севильи (правда, за линию фронта он предпочитал не ходить, обучая своих людей на специальном полигоне с искусственными инженерными сооружениями). В том же районе действовал отряд советника Николая (фамилия неизвестна), который вскоре погиб: в бою он попросил гранату, и кто-то из бойцов набегу передал ее. Через несколько секунд граната взорвалась у него в руках. В подчинении Мамсурова был и сапер, старший лейтенант Цветков (капитан Базиль), поэтому свидетельство его вызывает доверие, тем более что есть как будто и свидетель гибели Цветкова; в «Журналисте» приведена часть следующего телефонного разговора:

Мамсуров: «*Здравствуй, Николай! Вот кстати. Скажи, запамятовал я, как звали старшего лейтенанта Цветкова… Он скончался у тебя на руках? Но ты же участвовал в этой операции? Так как его звали? Вот видишь, и ты забыл имя товарища. Когда повидаемся? Когда вспомнишь имя и отчество Цветкова, тогда и позвони…*».

Теперь версия Воробьева о гибели Цветкова в Талаверской операции опровергнута. А раз это липа, то не мешает проверить и первую, описанную Воробьевым операцию на аэродроме в районе Севильи, где якобы сожгли восемнадцать самолетов противника.

Первый же факт проверки не выдержал. Маневич не мог добыть план аэродрома, где действовал Цветков, и даже не мог там находиться, так как за полгода до приезда Цветкова в Испанию был арестован итальянской контрразведкой, осужден и находился в тюрьме до 1945 года, а пользоваться разведданными полугодовой давности во время войны могут только самоубийцы. Во-вторых, уничтожение сразу восемнадцати самолетов — событие чрезвычайно редкое даже для масштабов Второй мировой войны. Такая операция не только прогремела бы на всю Испанию, но и вошла бы в историю партизанской борьбы, а между тем о ней никто ничего не слышал (за одним, правда, исключением, которое мы рассмотрим ниже). Так может быть,

этой операции вовсе не было? Была. Но все обстояло иначе.

Из воспоминаний Е. Паршиной (архив автора): «*В октябре и ноябре 1936 года я работала переводчицей на аэродроме в Альбасете. Однажды наши сбили итальянского летчика. Я присутствовала на допросе, хотя переводил допрос Кобылянский* (в Испании — Бертоли. — *Л. П.). Пленный рассказал о дислокации в районе Севильи итальянской эскадрильи, и наши решили «накрыть» их. Советских бомбардировщиков в Испании еще не было (дело происходило в самом начале ноября), и Мамсуров принял неожиданное решение: устроить на аэродром кавалерийский налет. У только что сформированной интербригады Матэ Залки* (он же генерал Лукач, он же Франкль Бела, якобы угнавший у белых в России «золотой эшелон». — *Л. П.). Мамсуров взял пол кавалерийского эскадрона — человек семьдесят — под командованием русского белоэмигранта по фамилии Шеварда. Они и осуществили налет, а Цветков не только не имел к этому никакого отношения, его тогда вообще еще в Испании не было. Операция прошла неудачно. Наши потеряли одиннадцать человек, а на аэродроме оказалось только семь старых, а возможно и неисправных, машин. Командира обвинили в измене и расстреляли. Когда я стала работать в разведке, эту операцию разбирали».*

Елизавета Александровна Паршина (1913–2002) в 1936 году вскоре после окончания Московского института новых языков (французский, испанский) была направлена в Испанию Главным разведывательным управлением РККА под именем Хосефа Перес Эрерра. После возвращения в СССР училась в Военной академии им. Фрунзе. С началом войны 1941 зачислена в Главное управление государственной безопасности, где в качестве руководителя подпольной группы участвовала в подготовке Москвы к захвату противником. 1943 — в звании старшего лейтенанта работала в военной контрразведке СМЕРШ на Северокавказском фронте. После войны переведена в Первое главное управление КГБ на нелегальную работу за границей.

Не подтверждает версию Воробьева и Старинов, разведотряд которого был как раз по соседству с этим аэродромом. Единственный, кроме Воробьева, рассказавший об этой операции человек — генерал-полковник Мамсуров:

В июле или августе 1937 года мы подожгли семнадцать (у Воробьева уже восемнадцать. — *Л. П.) самолетов на аэродроме в Севильи.* («Журналист», стр. 59).

Откуда растут эти уши, докопаться все же удалось:

В 60-х годах мне приходилось выступать с рассказами о действиях советских людей в Испании. Когда я рассказывал об этой операции, было обидно, что даром погибло столько людей, и я

стал вместо «семь» говорить «семнадцать», и так несколько раз. Мамсуров узнал, но не стал подводить меня опровержением. (Лицо, сообщившее это, просило его имя не называть. — *Л. П.)*.

Ниже я покажу, что у Мамсурова были более серьезные причины не опровергать «семнадцать», а сейчас разберем путаницу с датировкой Севильской операции: Паршина говорит — начало ноября 1936, Мамсуров — июль или август 1937. Август 1937 отпадает сразу, потому что с конца июля 1937 до конца марта 1938 года Мамсуров был в Москве. Июль 1937 тоже отпадает, так как в это время происходило крупное Брунетское наступление и все разведотряды были сведены в одну группу под командованием Мамсурова на Центральном фронте. Кроме того, в июле в испанском небе уже были наши бомбардировщики, и посылать на аэродром конницу необходимости не было. Возражений против датировки Паршиной не нашлось, тем более что ее подтверждает и переводчик Кобылянский.

Таким образом, установлено:

— Подлинные обстоятельства и дата диверсии в Севилье, а также то, что Цветков в ней участия не принимал.

— Версия гибели Цветкова в другой операции, на аэродроме в Талавере-де-ла-Рейна, опровергнута Мамсуровым, и есть основания полагать, что такой операции вовсе не было.

— Обнаружена вторая версия гибели Цветкова — при подрыве эшелона с войсками на железной дороге, — сообщенная Мамсуровым.

Вторая версия гибели Цветкова настолько прочна на вид, что идея проверить и ее не возникла бы, если б не некоторые странности в поведении Мамсурова. Он не мог перепутать дату Севильской операции, так как очень хорошо знал, где и когда находился сам и его отряды тоже: об этом он всю жизнь писал в отчетах, справках и анкетах, а анкета разведчика — это китайская пытка на несколько десятков страниц. Мало того, что он должен был перепутать даты своей заграничной командировки, он еще должен был перепутать даты вошедшего в историю Брунетского наступления, в разработке и осуществлении которого принимал самое непосредственное участие. Неизбежен вывод: дата диверсии в Севилье изменена Мамсуровым умышленно так же, как и умышленно он изменил обстоятельства этой операции. Рассмотрим поэтому его версию гибели Цветкова внимательнее.

«Он был опытный подрывник, но со временем стали сказываться усталость и перенапряжение. Цветков нервничал…» — говорит Мамсуров. Даже если рядовой разведчик устал и нервничает, его никогда не пошлют на операцию, потому что это мало того что может стоить ему жизни, но и провалить всю

операцию. Если же нервничает подрывник, его не только не возьмут на операцию, но и отчислят на время или совсем из отряда. А тут нервничает инструктор-подрывник, да еще ведет на операцию целую группу? Невероятно!

Далее, вспомните телефонный разговор Мамсурова со свидетелем гибели Цветкова (разговор происходил в присутствии журналиста):

Он скончался у тебя на руках? Но ты же участвовал в этой операции? Так как его звали?

Заметьте: три вопроса, но ни одного ответа! И хотя создается полное впечатление, что уж теперь-то выяснено все, на самом деле не выяснено ничего. Да, Мамсуров опытный разведчик.

И последнее — с каким это Николаем, товарищем Цветкова по Испании, говорил по телефону Мамсуров? Единственный Николай погиб с гранатой в руках. Других Николаев среди советников по разведке до осени 1937 года в Испании не было (каждый из примерно десятка советских советников по разведке и подрывному делу хорошо знал друг друга). Значит, Николай — это уже откровенное надувательство журналиста, а телефонный разговор — липа. Следовательно, и выдвинутая Мансуровым версия гибели Цветкова тоже липа. Да еще одна липа с датировкой, да еще одна липа с самолетами… Не странно ли ведет себя высокопоставленный генерал-полковник? Странно. И не понятно почему. Поэтому не будем торопиться осуждать его.

Прежде чем рассказать о впечатлении, которое оставил в моей памяти Хаджи Мамсуров, необходимо кое-что пояснить. Почти все мое детство прошло на нелегальном положении. Когда мне было два с половиной года, моя мать, Е. А. Паршина, работавшая в Управлении внешней контрразведки КГБ, под чужим именем выехала со мной на руках за границу. Годам к шести я уже знал, что у меня ненастоящее имя, а настоящее мне было неизвестно. Знал, что ни в коем случае на улице нельзя узнавать людей, которые у нас изредка появлялись. Знал, что о чем-то нельзя говорить, но плохо представлял, о чем именно, поэтому часто поглядывал на мать и по малейшему изменению выражения ее лица быстро перестраивался. С девяти лет я остался один в Советском Союзе, был в разных специальных интернатах, и тогда тоже нельзя было вспоминать уже свое прежнее имя, в каких странах я бывал и где работает моя мать. Когда она вернулась, занималась радиоделом, фотосъемкой, вождением машины и прочими полезными в жизни разведчика мелочами. К тому времени я уже на расстоянии безошибочно узнавал ее коллег, даже тех, которых раньше никогда не видел. О работниках внутренней контрразведки и безопасности я не говорю — их значительные лица

и самоуверенная осанка видны за версту и непрофессионалам, а вот разведчика или контрразведчика внешней службы узнать, конечно, невозможно. Невозможно, но я узнавал, хотя никогда не задумывался над тем, как именно. Сейчас я, кажется, это понимаю. Все они разные: молодые и старые, полные и худые, хмурые и балагуры, шустрые и мямли, добрые и жесткие. Но у всех у них есть одна общая черта — в любую секунду они готовы ко всему, играют ли в шахматы, наливают ли стакан воды, глазеют ли на сцену театра или протягивают мне конфетку. Заметить это нельзя. Это можно только почувствовать.

Так вот, Мамсуров, которого я впервые увидел в 50-х годах, будучи школьником, был единственным из знакомых мне разведчиков, у которого этой черты не было. Может быть, потому, что он был профессиональным, но «не настоящим» (в смысле — не находящимся на нелегальном положении) разведчиком. Типичный пример таковых — дипломаты. Мамсуров был чрезвычайно сердечным, очень веселым человеком с такой заразительной улыбкой, что невозможно было себе представить, чтоб он мог замышлять нечто коварное.

На должности старшего советника по разведке в конце июля 1937 года Мамсурова сменил талантливый советский разведчик Христофор Интович Салнынь (он же «Гришка», он же Завадский, он же «Тайга», он же Виктор Хугос, он же Григри и т. д.), на порядок превосходивший известных Абеля, Зорге, Маневича. Еще до 1917 года у него большой стаж нелегальной работы в Прибалтике, затем в странах Западной Европы и США, откуда он занимался тайной поставкой оружия для большевиков. В 1917 году он вернулся в Россию и был направлен ВЧК на нелегальную работу за границу в среду белоэмигрантов. С 1920 года — служба в советской военной разведке. В 1921–1922 годах он на нелегальной работе в дальневосточном тылу белых. С 1922 по 1925 — резидент советской разведки в Китае. 1925–1927 — советник по разведке в вооруженных силах Китайского революционного правительства, в штабе армии маршала Фын-Юйсяна. После победы Чан-Кайши в 1927 году переходит на нелегальное положение. С 1929 года на нелегальной работе в Западной и Средней Европе. Затем — начальник разведки Особой Дальневосточной армии, заместитель начальника отдела Разведуправления Генштаба РККА. С августа 1937 по март 1938 — Испания, старший советник Генштаба по военной разведке и старший советник 14-го партизанского корпуса.

Поскольку отпала и вторая версия гибели старшего лейтенанта Цветкова, пришлось искать новую. И тут удивительным образом оказалось, она уже готова у официальных

представителей советской военной разведки по вопросам печати (источник информации просил его имя не называть. — *Л. П.):*Цветков погиб при подрыве патронного завода в Толедо. Причем эти представители предупреждают писателей, журналистов и выступающих ответственных работников, что эта версия не подлежит разглашению, и предлагают им «придумать что-нибудь другое». Так вот почему, оказывается, родились странные версии и в выступлении Мамсурова, и в книге Воробьева, и в статье Яковлева в «Журналисте».

Что ж, давайте разберем «секретную версию» Разведуправления. Верно, был такой завод в Толедо. Только не патронный или, как его еще иногда называют, пороховой, а оружейный. Небольшой такой завод на окраине города. Верно, была с ним неприятность. Только он не взорвался, а сгорел, и было это в марте 1937 года:

Напротив базы нашего отряда в крепости Мальпика, на другом, занятом националистами берегу Тахо, стоял небольшой оружейный завод. Нам предстояло действовать в этом районе, и наряду с другими заданиями мы имели просьбу республиканского командования повредить этот завод. Мы не спеша готовились к операциям: изучали местность, противника, подбирали проводников, готовили снаряжение, но завод пока в план действий не включали. Однажды во время занятий прибегает кто-то из бойцов и говорит: «Завод горит!». Мы высыпали на берег. На другой стороне над заводом поднимались клубы черного дыма, горели строения. Вероятно, там произошла авария или свои рабочие «нахимичили». Потом приезжает полковник Урибарри и начинает поздравлять нас с успехом. Спрогис ему объясняет, что мы тут ни при чем, а полковник многозначительно говорит: «Я все понимаю, я все понимаю» — и послал своему начальству рапорт, что мы взорвали завод. Наше начальство тоже заволновалось. Мамсуров стал звонить другим старшим советникам, командирам отрядов, пытался выяснить, чья работа. Те звонили ему. В общем, целый переполох поднялся, потому что без нашего ведома ничего нигде не происходило. Так вот этот завод за Артуром и записали. А Цветкова тогда у нас еще не было. Он приехал в мае, месяца через два. (Из воспоминаний Е. Паршиной. Архив автора.)

Итак, остается ответить лишь на вопрос: почему Разведуправление держит свою версию «в секрете»? Да чтобы и с ней кто-нибудь не разобрался, как с первыми двумя. А скрывать было что:

Во второй половине мая 1937 года в наш отряд приехал Мамсуров и привез с собой Василия Цветкова. В Испании его звали «капитан Базиль». Он недавно приехал в Испанию и проходил у нас

в Гвадалахаре «акклиматизацию». У меня есть фотография, где мы с Цветковым сняты у казармы. Он не отличался ни инициативностью, ни энергией. Осматривался, проводил занятия, если ему это поручал Спрогис, ничем особенно не интересовался, а в свободное время отдыхал где-нибудь в тенечке. Однажды ко мне прибежал наш боец и говорит: «Хосефа, кто-то пистолет потерял, я в траве нашел» (Паршину в Испании звали Хосефа Перес Эррера. — *Л. П.). Это было ЧП. Стали разбираться. Оказалось, пистолет потерял Цветков. Недели через две за ним приехал Мамсуров, чтобы дать ему отряд в районе Талаверы. Я рассказала о пистолете, потому что для подрывника это совершенно недопустимо. Они уехали, а еще недели через две в штаб фронта позвонил Мамсуров и приказал нам со Спрогисом немедленно выехать к Цветкову: там несчастье. Мы приезжаем и видим, что угол казармы толстой каменной кладки вынесен взрывом. Пятеро, в том числе Цветков, убитых, двое раненых. У Цветкова были ниже локтя оторваны руки и сильно повреждено лицо. Спрогис опрашивал раненых, я переводила. Они рассказали, что Цветков в казарме проводил занятия по обращению с устанавливаемой под железнодорожное полотно миной. В этом помещении в углу была сложена взрывчатка. В момент взрыва раненые находились в соседней комнате и не видели, что там произошло. Убитых похоронили недалеко от этого места.* (Из воспоминаний Е. Паршиной. Архив автора.) Это подтверждает и Спрогис.

Однако в этой истории тоже не все ясно. Неужели Цветков проводил занятия с боевой, а не с учебной миной? Нет, это не так. Под железнодорожное полотно кладется стандартный ящик на восемь брикетов тола по 400 грамм каждый. Если б там взорвалась такая мина, не руки бы оторвало, а всех разнесло. Может быть, ящик был пустой, и взорвался один вставленный в него детонатор, вызвав взрыв остальной взрывчатки? Нет, тогда ему оторвало бы только несколько пальцев и лицо не пострадало бы так сильно, хотя все пятеро были бы, конечно, убиты взрывом сложенной в углу взрывчатки. Скорее всего, было два взрыва одновременно: у Цветкова в руках взорвалась 400-граммовая толовая шашка, когда он показывал, как в нее вставлять взрыватель, и тут же детонировало все остальное.

Старший лейтенант Василий Дмитриевич Цветков погиб в середине июня 1937 года и похоронен на краю небольшого хутора на берегу Тахо напротив города Талавера-де-ла-Рейна.

И последнее. Зачем нужно было окружать этот случай такой глубокой тайной? Никаких соображений конспирации тут нет: сотни книг, журналов и газет пишут о работе советских советников в Испании, о видных работниках нашей разведки и

контрразведки. Не хотели оглашать несчастный случай? Тоже нет, потому что у нас открыто пишут и о гораздо больших неудачах с числом жертв в десятки и сотни человек. На ответ «там виднее» надо заметить, что и мы не слепые, к тому же снизу часто бывает виднее, чем сверху. Думаю, что цензоры имеют общее указание: изменять даты, фамилии и названия мест, когда это необходимо (так же, например, у нас долгое время выпускались специально искаженные географические карты). Но цензоры не хотят утруждать себя лишней работой, разбираться в каждом отдельном случае, а потому меняют и запутывают все подряд. Однажды начальнику 2-го Управления контрразведки КГБ Судоплатову дали на просмотр книгу «За власть Советов» Катаева. Когда она вышла в свет…

Я прочитала и пришла в ужас, такие там нелепости о работе подпольщиков встречаются. Потом я говорю Судоплатову: «Что ж вы такие вещи пропускаете?». А он отвечает: «Я смотрю, чтоб там не было ни слова правды. Остальное меня не интересует». (Из разговора с лицом, просившим его имя не называть. — *Л. П.)*

Так, проходя через осторожность разведчиков, бдительность цензоров, некомпетентность журналистов, наводняет печать никому не нужная дезинформация, и бьются в тупиках историки, и остаются безвестными подвиги, и оказываются забытыми герои.

Глава 2. Вы пробовали взорвать мост?

Роберт Джордан уже лез по фермам моста. Сталь была холодная и мокрая от росы, и он лез осторожно, находил точки опоры между раскосами, чувствуя теплые лучи солнца на спине, слыша шум бурного потока внизу, слыша выстрелы, слишком много выстрелов со стороны верхнего поста. Он теперь обливался потом, а под мостом было прохладно. На одну руку у него был надет виток проволоки, у кисти другой висели на ремешке плоскогубцы.

— Давай мне динамит, viejo, только не сразу, а по одной пачке, — крикнул он Ансельмо. Старик далеко перегнулся через перила, протягивая ему продолговатые компактные бруски, и Роберт Джордан принимал их, вкладывая в намеченные места, засовывая поглубже, укреплял. — Клинья, viejo! Клинья давай! — Вдыхая свежий древесный запах недавно выструганных клиньев, туго забивал их, чтобы заряд динамита держался плотнее в переплете ферм. (…) И на кой черт столько пальбы, думал он, подвязывая две гранаты, одну возле другой, над скрепленными вместе брусками динамита, обматывая их по ребрам проволокой, чтобы они не шатались и не упали, и туго перетягивал, скручивая проволоку плоскогубцами. Потом он попробовал, как все вышло, и для большей прочности вогнал над гранатами еще клин, плотно прижавший весь заряд к ферме. (…) Одна сторона готова. Теперь вот еще эту сторону — и все. Камня на камне не останется. (…)

— Дай мне большой моток проволоки!

Только не тянуть раньше времени. А то сейчас же вырвет кольцо. Жаль, что нельзя пропустить проволоку насквозь. Ну ничего, проволоки у меня много, обойдется, подумал Роберт Джордан, ощупывая чеки, удерживающие на месте кольца, которые должны были освободить рычажки гранат. Он проверил, хватит ли рычажкам места, куда отскочить, когда чеки будут выдернуты (скрепляющая их проволока проходила под рычажками), потом прикрепил конец проволоки из мотка к одному кольцу, соединил с главной проволокой, которая шла к кольцу второй гранаты, отмотал немного проволоки, провел ее вокруг стальной укосины и передал моток Ансельмо.

— Держи, только осторожно, — сказал он.

Он вылез на мост, взял у старика из рук моток и, отпуская проволоку на ходу, пошел назад, к тому месту, где посреди дороги лежал убитый часовой; он шел, перегнувшись через перила, и вел проволоку за мостом, шагая так быстро, как только поспевал разматывать ее. (…) Роберт Джордан довел проволоку до конца

моста, сделал петлю вокруг последней подпорки и побежал по дороге до первого выкрашенного белой краской камня. Здесь он перерезал проволоку и отдал конец Ансельмо (…)

— Я закреплю вторую проволоку и приду сюда. Тогда мы его вместе взорвем.

(…) Он намотал конец проволоки на руку и крикнул Ансельмо: «Взрывай!» — и крепко уперся каблуками в землю, и всем телом откинулся назад. (…) И вдруг что-то треснуло, загрохотало, и середина моста вздыбилась, как разбивающаяся волна, и струя воздуха, горячего от взрыва, обдала его, когда он бросился ничком в канавку, руками крепко обхватив голову. Он уткнул лицо в каменистую землю и не видел, как мост опустился опять, только знакомый желтый запах донесся до него с клубами едкого дыма и посыпался дождь стальных обломков.

Потом обломки перестали сыпаться, и он был жив, и поднял голову и взглянул на мост. Середины моста не было. Кругом повсюду валялись изрубленные куски стали, металл блестел на свежих изломах. (Э. Хемингуэй. По ком звонит колокол. Собр. соч. в 4 т., М., 1981, т. 3, стр. 509–519. Далее цитаты по этому изданию.)

Сразу видно, что эти строки писал человек, хорошо, детально знающий, как взрывают мосты, даже, вероятно, участвовавший в этом или видевший это. Не спешите, однако, соглашаться. Все это лишь на первый взгляд.

ЭКСПЕРИМЕНТ: через лужу лежит доска. Ваша задача — разрушить «переправу». Если у вас мозги в порядке, вы не будете изо всех сил прыгать на середине, пытаясь переломить доску, а легонько спихнете ее ногой. Обратите внимание на то, что сил на это потребуется раз в сто меньше.

ВТОРОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: через ручей лежит бревно. Ваша задача — разрушить «переправу». Опять же, надеюсь, вы не побежите за друзьями, чтобы переломить бревно посередине, а без особого труда приподнимете один его конец и скинете.

То же самое с мостами (кроме сводчатых) — глупо разрушать полотно, если достаточно спихнуть мост с опоры. Во-первых, его не отремонтируешь, тогда как через дыру в середине достаточно перекинуть несколько бревен. Во-вторых, взрывчатки на это пойдет раз в шесть меньше: вспомните, насколько легче скинуть переправу, чем переломить.

В тексте романа есть указания на конструкцию, материал и размеры моста (стр. 92, 122). Это небольшой широкий однопролетный арочный сборно-металлический мост метров пятьдесят длиной. Для его взрыва достаточно около ста килограмм взрывчатки, которую надо закладывать под одну из

опор (в данном случае обе опоры береговые). Джордан же взрывает мост посередине, то есть в самом прочном и устойчивом месте. Ладно, может быть, у него манера такая. Но тогда он должен был заложить взрывчатку не в двух, а в четырех-пяти местах, как бы пунктиром поперек моста, иначе получатся лишь две дыры. Ну ладно, пускай в двух. Сколько же ему понадобится взрывчатки? Из нормативного расчета — 50 грамм на 1 кв. см поперечного сечения металлических конструкций — минимум 400 килограмм. А сколько у него есть? Они с Ансельмо вдвоем принесли два рюкзака, причем взрывчатка была лишь в одном из них, и то заполненном ею не полностью (стр. 92, 135, 439), то есть максимум килограмм сорок. Опять же, ладно. Пусть он достал из рюкзака четыреста. Заложил. Взорвал. В середине моста образуется разрыв метра полтора-два, но мост не рухнет, так как при арочной конструкции полотно как бы подвешено к аркам. Они — опора моста. При толковом командовании восстановить на нем движение можно минут за 30–40. Впрочем, при бестолковом тоже. Теперь об усыпавших землю обломках. Чтобы, как описано в романе, в радиусе ста метров усыпать землю обломками с густотой один обломок на несколько квадратных метров, потребуется около семи тысяч обломков, то есть около двухсот тонн металла. А чтобы разнести этот металл в обломки, нужно полторы-две тонны динамита, а не четыреста и тем более не сорок килограмм. Теперь посмотрим, как Джордан работает: закрепляет динамит, забивая клинья. Не проще ли пустить себе пулю в лоб, не вставая с кровати, чем куда-то для этого тащиться. С толом, например, так можно обращаться, но динамит настолько взрывоопасен, что детонирует иногда от подскока телеги или машины на ухабе. Не менее занятно описывает Хемингуэй и взрыв паровоза на железной дороге (стр. 117).

… И паровоз будто на дыбы встал, а кругом грохот и дым черной тучей, и кажется, вся земля встала дыбом, и потом паровоз взлетел на воздух вместе с песком и шпалами. Ну как во сне! А потом грохнулся на бок.

Для того чтобы пустить паровоз под откос, не нужно заставлять его летать по воздуху. Для этого достаточно перебить и сантиметров на десять сместить одну рельсу, на что идет около двух килограмм взрывчатки. Даже ящики для этого выпускались стандартные — на три килограмма взрывчатки. А чтобы подбросить паровоз в воздух, потребовалось бы полтонны динамита. А чтобы уложить его под рельсы, нужно было бы выкопать яму глубиной в метр. А уж если такая яма выкопана, в нее не нужно класть взрывчатку — паровоз сам свалится.

Все это я разъясняю не для того, чтобы доказать, что

Хемингуэй не взрывник — это мы и так знаем. Детальный разбор взрыва моста и паровоза я сделал для того, чтобы предложить вашему вниманию комментарий главного в то время в Испании специалиста по диверсиям Хаджи Мамсурова:

Прежде всего, и это естественно, меня поразило, насколько профессионально точно описана в романе работа подрывников.

(«Журналист», стр. 58). Мамсуров точно следует правилу, сформулированному Судоплатовым — ни слова правды.

Еще анализ текста Хемингуэя дает нам два важных, вытекающих один из другого вывода: писатель никогда не видел ни диверсий, ни работы подрывников; профессионалы, рассказывавшие ему о своей работе, хорошо посмеялись над американским журналистом (опять же, согласно правилу Судоплатова). Кстати, в военное время журналисты часто становились жертвой подобных розыгрышей, да и в мирное, как мы видим на примере Мамсурова и Яковлева, им достается.

Ну хорошо. Пускай Джордан-подрывник потерпел фиаско. Может быть, он силен как разведчик? В этом аспекте его деятельность вызывает в начале некоторое непонимание. Что это за кустарь-одиночка? Подобно частному агенту, он получает от руководителя наступления чрезвычайной важности задание: наступательная операция довольно рискованна, но *если удастся разрушить мост, она может быть успешной* (стр. 94). Значит, лишь от него одного зависит успех наступления. И он идет на дело один?! Да еще с незнакомым ему проводником?! А если шальная пуля? Случайная мина? Приступ аппендицита, наконец! А если, что бывало в Испании, партизаны пошлют его куда подальше? Далее оказывается, что линию фронта он переходит с разобранным и уложенным в рюкзак автоматом. А в карманах у него республиканские документы в одном, и фашистские в другом. Да это полная гарантия того, что кто бы его ни задержал, его в лучшем случае расстреляют на месте. Именно в лучшем случае. Дальше — фантастичнее: еще в одном кармане у Джордана, оказывается, целая канцелярия — резиновый штамп и металлическая печатка с надписью «СВР» («Служба военной разведки») и даже штемпельная подушечка! Значит, если он живой или мертвый попадет в руки фашистов, они за два-три часа обеспечат превосходными документами сотню своих агентов, которые смогут беспрепятственно пересекать линию фронта в любом месте, в любое время и в любом направлении, а также свободно передвигаться по республиканской территории. А донесение Джордана генералу Гольцу? Рядовой разведчик рекомендует командиру дивизии отменить наступление! Да на это даже командир полка не решится. А причина отмены? О

наступлении, видите ли, стало известно противнику. Да не бывает таких наступлений, о которых не было бы известно заранее. Не бывает. Даже силы, вплоть до номеров частей, готовящихся наступать, примерно известны. Вот время наступления — да, направление главного удара — да, здесь еще можно обыграть противника. Иногда можно.

Кто же это наплел Хемингуэю небылиц о диверсиях и разведчиках? Кто так бессовестно посмеялся над журналистом? Есть у меня на подозрении один человек. Вы, конечно, уже догадываетесь кто. И напрасно. Не он.

Глава 3. «Скажите, по ком звонит колокол?»

Так называется очерк Яковлева, к которому мы уже не раз обращались, почти целиком построенный на рассказах Мамсурова об Испании, о Хемингуэе и его романе, о себе. Написано мастерски, но никакого доверия этот материал теперь уже не вызывает.

«В ноябре 1936 года *я занимался организацией рабочих отрядов. В них было около пятидесяти тысяч человек»,* — говорит Мамсуров. Это «около» скрывает ошибку более чем в сто пятьдесят раз! При средней численности отряда пятьдесят человек всего должно было бы быть тысяча отрядов. А как ими командовать? Созывать еженедельно ассамблею? Значит, отряды надо сводить в батальоны, батальоны в бригады, бригады в дивизии, дивизии в армию. Получилась бы группировка из семи-восьми дивизий. Ничего подобного в Испании не было не только в то время, но и вообще никогда. К концу 1936 года общая численность подчиненных Мамсурову нескольких отрядов составляла около трехсот человек. К концу 1937 года количество партизанских отрядов возросло, и был образован партизанский корпус под номером 14, объединивший не более одной-двух тысяч бойцов. И даты, и численность Мамсуров прекрасно знал, так как сам был организатором и старшим советником этого корпуса, однако Яковлева снова обманул.

Откуда я это знаю? От самого Мамсурова, от Спрогиса, от матери. После Испании Паршина и Спрогис поженились и жили в одном доме и в одном подъезде с Мансуровым на Большой Калужской улице. Меня еще не было тогда на свете, но позже, в 50-х годах, мы тоже были соседями на той же улице, только жили напротив, через дорогу. Многие знаменитые разведчики и контрразведчики бывали у нас, много рассказов я слышал. Тут уж соврать не дадут. Стоит кому-нибудь увлечься, его тут же «мордой об стол» прикладывают. А пресса… Да какой разведчик станет серьезно говорить с журналистом? У них же цели диаметрально противоположные: у разведчика — все скрыть, у журналиста — все рассказать. Вот первый и путает имена, места, даты и факты, а второй несет околесицу. Не будем поэтому осуждать Мамсурова. Он все сделал правильно. И Хемингуэй хорошо прочувствовал на себе отношение к журналистам:

— Кругом много разговоров о завтрашнем.

— Безобразие! Всех журналистов надо расстрелять… (стр.

431)

А вот как встречал журналистов командир 12-й интербригады Матэ Залка:

Гоните его к чертовой матери! Понадавали пропусков кому не лень — всяким подлецам, международным литературным аферистам и даже патентованным шпионам, числящимся сотрудниками сомнительных изданий. А господа журналисты не столько в газеты пишут, сколько информируют Франко. Этот же вон еще и фотограф! Сегодня он нас на пленку, а завтра на наши головы бомбы посыплются. Нет и нет! Выпроводите его взашей. Не послушается — прикладом! (Из воспоминаний А. Эйснера. «Новый мир», 1968, № 6, стр. 157.)

Тем не менее встреча Мамсурова и Хемингуэя состоялась:

Еще в Мадриде Кольцов сказал, что хочет познакомить меня с большим американским писателем. «А на кой черт он мне нужен?». Должен признаться, что фамилию Хемингуэя я слышал тогда впервые. «Он хочет посмотреть отряды. Расспросить тебя», — объяснил Кольцов. Это мне совсем не понравилось, поскольку я строжайше соблюдал конспирацию. (…) Однако Кольцов настаивал. («Журналист», стр. 58)

«Кольцов настаивал» — такое объяснение может сойти для журналиста, но не для нас с вами. Роль Кольцова в Испании сильно преувеличена. Несмотря на то что он был корреспондентом «Правды», представителем ЦК и личным информатором Сталина, с ним мало считались и особенно не церемонились. Например, Артур Спрогис, несмотря на неоднократные просьбы, не допустил Кольцова даже в расположение отряда. Да что там Кольцов! Когда к Спрогису приехал начальник Генерального штаба Касадо и спросил, чем занимается отряд, он отказался говорить что-либо о своей работе. Вот в отелях, штабах и ресторанах Кольцов был в почете, поэтому и у Хемингуэя, крутившегося там же, он выписан в романе лицом влиятельным (Карков).

И все-таки встреча Мамсурова и Хемингуэя состоялась:

«Мы встречались три дня подряд. Беседы начинались в шесть вечера и кончались за полночь. Сидели в ресторане, ходили по улицам. Я рассказывал о диверсионных группах», — говорит Мамсуров Яковлеву (стр. 58).

Врет, конечно. Представьте себе, что вы работаете в Разведуправлении и подошли к столу своего товарища за сигаретой. Знаете, что он сделает первым делом? Прикроет чистым листом документы, с которыми работает. А представьте себе разведчика, который в буфете рассказывает своему товарищу из соседнего отдела о своей работе. В лучшем случае он получит

выговор, в худшем — уволят. А теперь представьте себе разведчика, рассказывающего о своей работе постороннему человеку, например в гостях. В лучшем случае его уволят. В худшем — посадят. А если разведчик рассказывает о своей работе иностранцу? В лучшем случае — посадят, в худшем — поставят к стенке. Если же это сделает разведчик в военное время, его в лучшем случае сразу поставят к стенке. А что происходит в нашем случае? Руководитель военной разведки в военное время в чужой стране, находясь на нелегальном положении, рассказывает о своих диверсионных группах американскому журналисту!!! Три дня подряд!!! Да уже на второй день Мамсуров продолжил бы свой рассказ в Москве в подвале Лубянки.

То, что Мамсуров пошел на эту встречу, говорит о том, что она была и санкционирована, и организована центральным руководством. Зачем? Мамсуров — разведчик, Хемингуэй — иностранец. По-моему, все ясно. Что-то он, конечно, должен был говорить, но мы уже стреляные воробьи и знаем — «ни слова правды».

Из воспоминаний Е. Паршиной: «*Когда вышла эта статья в «Журналисте», я пришла к Хаджи и спрашиваю: «Неужели ты помнишь, что врал Хемингуэю тридцать лет назад?». Он так засмеялся: «Конечно, нет». Вообще, Хаджи врал артистически! Прямо на ходу! Так все расскажет, интересно, с подробностями, но, конечно, ни слова правды. А иначе и нельзя — какой же разведчик правду скажет!».*

А литераторы знай себе пишут:

Многое из того, что Хемингуэй рассказал в романе «По ком звонит колокол», о действиях партизан, он взял со слов Хаджи. (Илья Эренбург).

Два вечера Эрнест Хемингуэй просидел с ним в отеле «Флорида» и впоследствии сделал смелого Хаджи прообразом одного из героев романа «По ком звонит колокол». (Роман Кармен).

Много позже при встрече в Москве генерал Мамсуров рассказывал генералу Винарову, что Хемингуэй записывал в свой блокнот все подробности его рассказа о нескольких операциях в тылу противника. Отсюда, наверное, и поразительная точность в описании действий минера, когда в романе Роберт Джордан взрывает мост. (М. Корнеевский, А. Сгибнев).

В произведениях Хемингуэя почти всегда угадывается подлинная история, участником или свидетелем которой был писатель. Угадывается настолько ясно, что позволяет говорить о Хемингуэе, как о своеобразном документалисте…(Е. Яковлев).

Нет. В Испании Хемингуэй очень мало видел и многого не понял. Многих журналистов вообще не пустили дальше

Барселоны и Валенсии. Ему удалось попасть в Мадрид, но дальше его пускали редко, поэтому большее время он проводил во «Флориде», ресторанах и барах (не знаю, видел ли его кто-нибудь трезвым), расспрашивая военных, в основном штабников. Старался чаще бывать в заселенном советскими советниками отеле Гейлорда.

«Да, без Гейлорда нельзя было бы считать свое образование законченным, именно там человек узнавал, как все происходит на самом деле, а не как оно должно бы происходить. Я, пожалуй, только начал получать образование, подумал он. Любопытно, придется ли продолжить его? Все, что удавалось узнать у Гейлорда, было разумно и полезно, и это было как раз то, в чем он нуждался. Правда, в самом начале, когда он еще верил во всякий вздор, это ошеломило его. Но теперь он достаточно уже разбирался во многом, чтобы признать необходимость скрывать правду, и все, о чем он узнавал у Гейлорда, только укрепляло его веру в правоту дела, которое он делал. Приятно было знать все, как оно есть на самом деле, а не как оно якобы происходит», — говорит Роберт Джордан (стр. 315).

Остается поражаться наивности писателя, думающего, что советские советники при иностранце будут говорить «все, как оно есть на самом деле», и что, сидя в отеле, вообще можно увидеть истинное лицо войны. Нужно ли при известных теперь источниках «знаний» писателя удивляться угнетающей атмосфере романа, озлобленным, грызущимся и убивающим друг друга партизанам, чуждым американскому диверсанту Джордану. Да и то, что Хемингуэй действительно видел, претерпело сильное искажение его своеобразной психикой, о которой я подробнее скажу ниже. Не случайно поэтом поставленный Яковлевым вопрос о прототипах романа «По ком звонит колокол» не получил ни развития, ни аргументации. Так параллель Джордан — Хемингуэй лишь названа, но даже не рассмотрена. Вероятно, потому, что в основе ее нет ничего, кроме отдельных и поверхностных автобиографических реминисценций. Не глубже рассмотрен и образ Марии. С небольшим преувеличением можно сказать, что в каждом отряде была своя такая Мария и привела ее туда не менее трагическая судьба. То, что прообразом Кашкина был Цветков, мы теперь можем уверенно отрицать. Отмеченное в очерке портретное сходство Гольца и Сверчевского действительно очевидно. Могу добавить к этому, что хемингуэевский Гольц командует 35-й дивизией, и Карел Сверчевский (в Испании — генерал Вальтер) командовал 35-й дивизией. Штаб Гольца находился в Эскориале, и штаб Сверчевского находился в Эскориале (этот факт нам далее особенно пригодится). Кроме

того, известно, что между генералом Вальтером и Хемингуэем были приятельские отношения. Заметно выделяется в романе старик Ансельмо. Он дан человечнее, правдивее, убедительнее. Вот что рассказывает о нем Мамсуров:

«Их проводил старик испанец. Было ему лет семьдесят, звали Баутисто, добрейшей души человек. Я рассказывал Хемингуэю, что он был убежденным противником убийства людей. Для испанских партизан, особенно на первом этапе, это было в какой-то мере характерно — решиться на гражданскую войну не так-то просто. В романе старик Ансельмо, который провел Джордана к партизанам, раздумывает: „…По-моему, людей убивать грех. Даже если это фашисты, которых мы должны убивать“. Ансельмо оказался самым верным помощником Роберта Джордана. Когда настало время, он убрал часового на мосту и сам погиб при взрыве. Баутисто же погиб еще более трагично, смертью своей доказав неизбежность безжалостной борьбы с фашизмом. В июле или августе 1937 года мы подожгли семнадцать самолетов на аэродроме в Севилье. Атаковали аэродром, разделившись на группы по два-три человека. Напарник Баутисты был убит, а сам он ранен. Его не удалось отбить у фашистов. Недалеко от Бадахоса фашисты поставили на пригорке крест, распяли на нем старика и подожгли, — товарищ Хаджи ведет красным карандашом по карте. — Вот здесь ранили, а здесь распяли. Километров сто везли, не меньше». («Журналист», стр. 59).

Комментарий Е. Паршиной:

В нашем отряде был старый подрывник Баутисто Молина, лет шестидесяти пяти, шахтер из Андалузии. Очень опытный и необычайно выносливый боец. Он очень похож на Ансельмо из романа «По ком звонит колокол». Однажды в тылу националистов мы попали в очень сложное положение, но с боем благополучно выпутались. Все бойцы тогда веселились и смеялись, а он говорит: «Что вы радуетесь? Мы только что людей убивали». Мне на всю жизни запомнились эти слова. В июле 1937 года проводилась крупная наступательная операция на Брунете. Все партизанские отряды, в том числе и наш, были сведены в одну группу под командованием Мамсурова для захвата большого участка железной дороги в тылу врага. Я оставалась на нашей стороне в группе обеспечения операции, а Мамсуров с отрядами пошел через линию фронта. Он был очень смелым, и мы все любили его и боялись, что он обязательно сунется туда, где опаснее всего. Перед переходом фронта Спрогис вызвал двух бойцов — Баутисто и Франциско Факундо — и приказал им (я переводила) ни на шаг не отходить от Мамсурова, и что за его безопасность они отвечают головой. Баутисто он приставил к Мансурову как проводника

(никакой опеки тот не потерпел бы, у него был гордый кавказский характер), а Франциско, прячась, маячил сзади. Вот тогда-то Мамсуров и познакомился со стариком Баутисто. Видно, и ему запала в душу его проповедь. Ну а что касается его ранения и казни на горящем кресте, так это очередная дань журналистам — выдумка Хаджи. Баутисто продолжал воевать в нашем отряде до осени 1937-го, когда мы со Спрогисом вернулись в СССР.

Это подтверждает и сменивший Спрогиса Андрей Эмилев, новый советник разведывательно-диверсионного отряда андалузских шахтеров, который тоже надолго запомнил старика Баутисто. Несколько настораживает, правда, то, что у хемингуэевского старика Ансельмо протест против убийства превосходит всякую меру:

Я не люблю убивать людей (стр. 126).

А вот если убил человека, такого же, как и ты сам, ничего хорошего в памяти не останется (стр. 127).

По-моему, людей убивать грех. (…) Я против того, чтобы убивать людей (стр. 128).

Но все равно, есть ли Бог, нет ли, а убивать — грех (стр. 120).

Много раз убивал и еще буду убивать. Но без всякой охоты и помня, что это грех (стр. 129).

…Мне лучше не думать о том, что их придется убивать (стр. 279). *Хорошо бы мне никого не надо было убивать в этом деле* (стр. 280).

Хорошо, если бы мне не пришлось убивать, думал Ансельмо (стр. 282).

Подобные мысли об убийстве не покидали его (стр. 282).

Но, по-моему, в конце концов убийства ожесточают человека, и если даже без этого нельзя обойтись, то все равно убивать — большой грех…(стр. 283).

Только об одном я жалею — что приходится убивать (стр.283).

И все-таки убивать — большой грех, думал он (стр. 284).

Но убийство, должно быть, очень большой грех, и мне бы хотелось, чтобы все это было как-то улажено (стр. 284).

И хорошо бы выиграть войну и никого не расстреливать. (…) Лучше бы нам никого не расстреливать. Даже самых главных (стр. 367).

…Мне пришлось прикончить его. Бросившись на колени посреди моста, раскрывая рюкзаки, вытаскивая материалы, Роберт Джордан увидел, как по щекам Ансельмо в седой щетине бороды текут слезы (стр. 509).

Мне не хотелось убивать часового, но теперь уже все прошло (стр. 526).

Не правда ли, чувствуется, что здесь что-то не так. Прежде всего, удивляет неоправданно большое количество этих деклараций, ведь для раскрытия образа и выражения авторской позиции хватило бы и половины их. Ухудшают они и художественную сторону текста. Но особенно настораживает однообразие и даже монотонность приведенных реплик. В психиатрии такое явление хорошо известно и называется навязчивостью, точнее — навязчивым ощущением, которым Баутисто, прообраз Ансельмо, по тексту романа не страдал (отсутствует симптомокомплекс). Может быть, кто-то другой поразил Хемингуэя навязчивым отрицанием убийства? А может быть, сам автор страдал этим? Впрочем, разницы тут нет никакой, ведь если из десятков встречающихся вам в жизни навязчивостей лишь одна поразила ваше воображение, значит, такова особенность уже вашей психики. Верность наших рассуждений подтвердится, если внимательнее присмотреться к другим героям романа:

«На войне всегда убиваешь не того, кого хочешь», — сожалеет Джордан, — *Но наваррцы всегда нравились тебе больше всех остальных испанцев. Да. А вот ты убиваешь их»,* — продолжает он же (стр. 383).

«Но скольких же ты всего убил, как ты думаешь?» — снова спрашивает себя Джордан (стр. 383).

«Если у тебя не все ясно в голове, ты не имеешь права делать то, что ты делаешь, так как то, что ты делаешь, есть преступление, и никому не дано права отнимать у другого жизнь…» — и в таком же духе еще полторы страницы. Причем концептуальное отрицание убийства вполне закономерно с психоаналитической точки зрения, сопровождается оправданием ранее совершенных убийств как у Джордана (стр. 384), так и у старика: «*Да, друг, да, — сказал Ансельмо. — Нужно убивать, вот мы и убиваем»* (стр. 509). Таких примеров в романе достаточно (стр. 128, 129, 223, 282 и др.).

Даже Мария у Хемингуэя «*вынула бритвенное лезвие. — Я всегда ношу это с собой, — объяснила она. — Пилар говорит, нужно сделать надрез вот здесь, под самым ухом, и провести до сих пор. — Она показала пальцем. — Она говорит, что тут проходит большая артерия и если так провести, то непременно заденешь ее. И она говорит, что это не больно, нужно только крепко нажать под ухом и сейчас же вести вниз».* (Стр. 256).

«И вот еще что, — сказала Мария. — Ты меня научи стрелять из него, и тогда каждый из нас сможет застрелить себя или другого, чтобы не попасть в плен, если будет ранен». (Стр. 256).

Тот же страх попасть в плен и мысль о самоубийстве (правда,

чужими руками) преследует и Кашкина, причем тоже навязчиво, до такой степени, что окружающие говорят о расстройстве его психики. Та же мысль есть и у Джордана. Весь роман пронизывает тяжелая атмосфера страха смерти (одно название чего стоит!) и агрессивности. Грызутся все — от мужа с женой до высшего командования. Даже в отношения Марии и Джордана автор не удержался и бухнул дегтя. Четыре психиатра, с которыми я консультировался, без малейших колебаний сказали, что навязчивое отрицание убийства принадлежит самому автору. Впрочем, теперь это видно и неспециалисту. Психоаналитический взгляд на эту черту Хемингуэя приводит к выводу, который покажется вам парадоксальным, но не спешите отвергать его сразу: сознательное отрицание убийства тем сильнее, чем сильнее бессознательное желание убивать. Навязчивое же отрицание убийства говорит о навязчивом бессознательном желании убивать. Человек — чрезвычайно агрессивное существо. Ни одно другое животное не убивает себе подобных в таких невообразимых масштабах, как человек. Нет, наверное, на земле человека, который не видел бы военных фотографий сотен трупов. А вы видели когда-нибудь хотя бы десять убивших друг друга волков или гадюк? Обычный уровень агрессивности наряду с другими свойствами человеческой психики — необходимое условие в борьбе за существование. Но когда агрессивность в силу каких-то аномалий развития превышает норму, сознание (если оно достаточно развито) включает механизм подавления в форме, например, повышенного страха крови, навязчивостей и т. п. Здесь чаще всего сказываются психические травмы детства, но бывают причины повышения агрессивности и в старшем возрасте, например травматические неврозы, психические травмы интимной жизни и т. д. Лучшая иллюстрация тому — биография Хемингуэя, рассмотренная нами с позиций психоаналитической теории.

Детство его протекало в условиях сильного подавления мещанством, ханжеством и религиозностью родителей, вызывавшими отпор и протест ребенка. Лишенная возможности выражения, эта реакция мальчика подавлялась его сознанием, вызывая аномальный рост бессознательной агрессивности (а могла вызвать и невроз), которая увела восемнадцатилетнего Хемингуэя из ненавистного дома. Но увела не в даль тихой живописной фермы, не в тишь маленького мирного городка. Еще не окрепшие силы сознательного сопротивления внутренней агрессии привели его в ряды добровольцев на Первую мировую войну. Убивать! Возможно, там его душевное равновесие и восстановилось бы (не случайно убийцы, за исключением

больных, на редкость уравновешенные люди), но ему снова не повезло. Тяжелое, полученное им ранение хоть и было излечено, но не пощадило уже деформированную психику молодого человека — травматический невроз. Этот букет дал уже полновесное психическое заболевание, потерю сна, панический страх насильственной смерти как защитную реакцию сознания на возросшее бессознательное желание убивать. С годами острота болезни сгладилась, перелилась в иные формы. Хемингуэй страстно отдается охоте на крупных хищников, а мучающие его мысли о смерти выплескиваются на бумагу. «От многого я уже освободился — написал про это», — говорит Хемингуэй о себе. Но уже поздно. Ничем не исправить травмированную в детстве и юношестве психику, и этот, по выражению некоторых советских литературоведов, «агрессивный индивидуалист», известный литератор, который мог выбрать для своей работы любую точку земного шара, мчится, да и не может не мчаться, туда, где льются потоки крови — в охваченную гражданской войной Испанию. Но он уже не восемнадцатилетний юноша. Преступность убийства достаточно им осознана и вступает в тяжелый конфликт с бессознательной агрессивностью. В результате наступает защитная реакция — депрессия, спасаясь от которой Хемингуэй пьет. Однако алкоголь неизбежно снижает уровень внутренней цензуры. Несколько раз он бросает перо, хватает винтовку и стреляет, стреляет, стреляет… Да, ему уже не восемнадцать. Сознание тяжкого преступления мучает писателя, рождая знаменитые страницы, которые принимают на себя и его агрессию, и его сопротивление ей. Когда же исчерпаны и эти резервы самозащиты, раздается последний в жизни Хемингуэя выстрел.

Таковы, на мой взгляд, особенности личности автора, сильно исказившие отображенные в романе «По ком звонит колокол» реальные события и реальных людей.

Глава 4. Как это было

Итак, Мамсуров во всем сознался: и в том, что встречался с Хемингуэем, и в том, что рассказал ему об отрядах и диверсиях, и в том, что обманул его. Теперь вы можете упрекнуть меня: «Мы так и думали, что это он, а вы написали — “напрасно, не он”». А я и сейчас это повторю: не он, несмотря на его (не слишком ли легкие?) признания. К этому мы еще вернемся.

Материалы трех предыдущих глав показали, как и почему небыль выдается за быль. Однако очерк Яковлева вызывает и обратные подозрения: а не выдается ли быль за небыль? Возникло это подозрение из-за следующего высказывания Мамсурова о романе «По ком звонит колокол» («Журналист», стр. 59):

В жизни у его героев были иные судьбы. Но было бы смешно по этому поводу спорить с Хемингуэем. Например, те, о ком он пишет, сражались в Эстремадуре, южнее реки Тахо — там происходили основные схватки. Писатель же переносит действие в район Сеговии, довольно тихий участок, и, думаю, не потому, что ему просто так захотелось. Роман писался по горячим следам, о подлинных героях, и точный адрес мог им повредить.

Звучит вроде бы убедительно, но давайте разберемся. Во-первых, роман вышел в свет через три года после описываемых событий, поэтому следы нескольких партизан нельзя назвать «горячими». Во-вторых, кто среди миллионов бывших республиканцев будет искать нескольких крестьян? В-третьих, следы эти все равно нереальны, потому что за линией фронта Хемингуэй не был и ни с какими партизанами не встречался. В-четвертых, даже если предположить, что он написал о реальной группе (чего, как мы знаем, не было) — имена все равно были изменены: «*Я рассказывал о диверсионных группах,* — говорит Мамсуров Яковлеву, — *описывал людей. Конечно, не называя имен».* Ну, допустим теперь, что Хемингуэй дал точный «адрес» — был взорван мост в Эстремадуре, вблизи, например, Бадахоса. Как же будет выглядеть розыскной листок, предположим, на Пилар?

«Разыскивается участница взрыва моста вблизи Бадахоса, совершенного в конце мая 1937 года совместно с группой неизвестных бандитов. Имя неизвестно, приметы: пожилая, энергичная, сварливая. Муж любит хороших лошадей. До войны проживала в небольшом городке».

Миллион таких, конечно, не найдется, но тысяч сто — наверняка. Как видим, никакой, даже самый точный адрес диверсии никому повредить не смог бы, да и не так уж силен Хемингуэй в конспирации, чтобы делать такие расчеты. Но этого

никак не скажешь о Мамсурове. Уж он-то знал, что его объяснение не состоятельно с профессиональной точки зрения. Почему же он хочет убедить нас в том, что место действия изменено? Не потому ли, что оно подлинное? Проверить это легко, так как автор романа точно указывает дату и район наступления:

Теперь? Чуть не в июне? (стр. 263). *Мы можем взять Сеговию* (стр. 95).

А как же вы продвинетесь к Ла-Гранхе, если мост будет взорван? (стр. 94). Указывается также и состав наступающих частей:

Гольц выгонит вперед всех этих пьянчуг, clochards, бродяг, фанатиков и героев, из которых состоит Четырнадцатая бригада… (стр. 418).

Дайте наблюдательный пост Шестьдесят девятой бригады. (Стр. 502).

Но мне приказано доставить этот пакет командиру Тридцать пятой дивизии, которая на рассвете начнет наступление… (стр. 453).

Итак, согласно роману, в самом конце мая силами 35-й дивизии под командованием Гольца, 14-й бригады как ударной силы и 69-й бригады республиканцы наступают на Ла-Гранху — Сеговию.

Теперь почитаем историю:

Другим наступлением в то время было наступление генерала Вальтера на Сеговийском фронте. 31 мая с 14-й интербригадой под командованием полковника Дюмона как ударной силой он прорвал оборону националистов у Сан-Идельфонсо. Наступление достигло Ла-Гранхи… (Hugh Thomas. The Civil Spanish War. 1968, p. 569).

Эта задача была возложена на 35-ю дивизию генерала Вальтера (Сверчевского), с участием 14-й интербригады и 31-й и 69-й испанскими бригадами… (Artur London. Espana, Espana… 1965, p. 268).

Как видим, полностью совпадают место, направление и время наступления, тот же командир (Гольц — Вальтер), и даже штабы хемингуэевского Гольца и реального Вальтера расположены в Эскориале. Совпадают и номера наступающих частей, и номер ударной части (лишь 31-ю бригаду не назвал автор романа).

Мамсуров снова наврал. Хемингуэй не «перенес действие в сравнительно тихий участок», а описал вполне конкретное наступление. Об этом говорит и Хью Томас (Hugh Thomas):

Это наступление республиканцев описано Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол». (…) Это довольно странно, потому что в это время Хемингуэй ездил в Нью-Йорк и занимался кампанией по

сбору средств для Республики. (…) В Испанию он вернулся позже в том же году. (Стр. 569).

А ведь действительно странно. Ведь журналисту или писателю куда удобнее описывать то, что он видел, или хотя бы присутствовал где-то рядом, куда стекается информация. Такие наступления при Хемингуэе были, но почему-то он выбирает именно то, которое не видел. Может быть, дело в том, что этим наступлением командовал его приятель Вальтер, который мог подробно рассказать обо всем? Нет. Во-первых, потому что, как ни рассказывай, все равно лучше один раз увидеть, тем более для литератора. Во-вторых, у Хемингуэя в Испании были приятели и покрупнее, и знали они побольше. Может быть, сама операция была незаурядной? Как раз наоборот: операция была совершенно бесцветная — не особенно удачная и не особенно плохая, не очень нужная и не совсем бесполезная. Чем же привлекла внимание писателя именно она? Неужели взрывом моста? Похоже, что так, но был ли взрыв на самом деле? Ни в научной, ни в мемуарной литературе упоминаний о взорванном в этой операции мосте обнаружить не удалось. Казалось, так и не удастся установить «прототип» хемингуэевского моста, но он все же нашелся:

В июне 1937 года, когда готовилось Брунетское наступление, несколько разведотрядов, в том числе и наш, свели в одну группу для совместных действий. Тогда к нам в Гвадалахару приехал советник одного из отрядов Кирилл Орловский. До этого я не была с ним знакома, потому что он Мамсурову не подчинялся. Мы сели обедать впятером: Кирилл, командир его отряда Хосе, Артур Спрогис, командир нашего отряда, тоже Хосе, и я. Говорили, конечно, о своих делах, и я помню, что Кирилл рассказывал о первом, взорванном им в Испании мосте, за недели две до нашей встречи. Дело это для нас привычное, поэтому я особенно не прислушивалась и не помню, что это был за мост. Могу только твердо сказать, что тогда отряд Орловского действовал в районе Гвадаррамы. (Из воспоминаний Е. Паршиной. Архив автора.)

Гвадаррама! Так это и есть направление на Ла-Гранху и Сеговию!

Значит, в этом районе и в это время мост все-таки был взорван. Теперь надо точно установить место расположения хемингуэевского моста и моста Орловского, а полученные результаты сравнить. Начнем с романа:

— …Сейчас я хочу идти туда, где можно спрятать динамит. Его нужно спрятать в надежном месте и, если возможно, не дальше чем в получасе ходьбы от моста.

— Это нетрудно, — сказал старик. (Стр. 90).

— Ты каждый вечер ходишь в Ла-Гранху? — спросил его Роберт Джордан. (Стр. 166).

Из этого следует, что мост, лагерь Пабло и Ла-Гранха находятся в круге радиусом не более двух-трех километров. Берем теперь топографическую карту Испании и обнаруживаем, что в этом районе южную дорогу из Ла-Гранхи (республиканцы наступали с юга) пересекают два притока Эресмы. Это точно совпадает с текстом романа, где Джордан собирается взорвать два моста сразу (стр. 231). От линии фронта указанный Хемингуэем район в двадцати километрах по прямой, то есть, учитывая горную местность, в тридцати километрах пути. Это интересно сравнить с тем, что пишет о взрыве моста Орловским В. Г. Пономарев (Мятежное сердце. М., 1970, стр. 26):

Тридцатикилометровый переход по горам был пределом возможного и окончательно вымотал даже тех, кто здесь родился и вырос.

А какое расстояние дает Хемингуэй?

Роберт Джордан и сам был неплохой ходок, но за несколько часов пути — они вышли еще до рассвета — он убедился в том, что старик может загнать его насмерть. (Стр. 92).

Во-первых, бросается в глаза, что переходы совпадают по условиям и напряженности. Во-вторых, они вышли до рассвета (в конце мая это часа в три ночи), а пришли к обеду, то есть шли часов восемь — десять. В горной местности это соответствует примерно тридцати километрам. Есть, однако, между мостом Джордана и мостом Орловского совпадение просто поразительное. Пономарев пишет:

— Сейчас мы над самым мостом, дорога, петляя, поднимется к северу, а потом, перекинувшись через перевал, спускается к нашим. После перевала крутой поворот. Нельзя ли там организовать обвал? — тихо говорит он (Кирилл Орловский. — Л. П.) Хосе, хорошо знающему эти места.

— Можно, дорога там висит над пропастью… Но где взять взрывчатку?

— Для моста хватит двух ящиков. Пойдем вдвоем с тобой. (Стр. 27).

Как видите, и в реальности, и в романе мост взрывают двое. И тут, и там один из них иностранец, другой испанец-проводник. Более того, Орловский взрывает два участка, и Джордан планирует два взрыва (мост и маленький мостик — стр. 231). У Орловского *ящики взрывчатки и магнето в рюкзаке. У Хосе тоже ящик, а кроме того, запалы, провод* (Пономарев, стр. 27). То же самое лежит и в рюкзаках Джордана (стр. 135). Единственное, что не укладывается в нашу схему, — слова Пономарева: «дорога,

петляя, поднимается к северу, а потом, перекинувшись через перевал, спускается к нашим». Все уложилось бы идеально, если бы вместо «к северу» стояло «к югу». Встали бы на место и подъем, и перевал, и расположение «наших». По карте боевых действий видно, что это просто оговорка Орловского или ошибка Пономарева (психологически перепутать север с югом так же легко, как право и лево): на всем протяжении Сеговийского фронта, где на самом деле действовал отряд Орловского, линия фронта довольно ровно проходила по южному склону Гвадаррамского хребта с юго-запада на северо-восток, то есть «наши» на любом участке фронта были всегда к югу. Возможно также, что в горной части дорога делала крутой вираж, трижды пересекая линию фронта.

Итак, мы установили, что в романе «По ком звонит колокол» Хемингуэй описал реальную и конкретную диверсию в реальной и конкретной наступательной операции. С информированностью автора о наступлении мы уже разобрались, а вот откуда ему известны детали диверсионной акции? Сверчевский? Он, конечно, знал, где и когда будет взорван мост, но подробности — во-первых, они его не интересуют, и без них забот по горло; во-вторых, никто не будет ему о них докладывать: конспирация. Мамсуров? Его детали тоже не интересуют, для этого у него хватает вполне квалифицированных специалистов. Но главное — Орловский не докладывал Мамсурову о диверсии, так как выполнял не его приказ (как мы выяснили, Орловский ему не подчинялся). Можно было бы, таким образом, утверждать, что, несмотря на полное совпадение, Хемингуэй не мог описать диверсию Орловского, так как не мог знать ее деталей. Однако и эта тайна была раскрыта. Я позвонил в Минск Пономареву, чтоб выяснить кое-какие детали, и вдруг он говорит: «А вы знаете, Орловский целую неделю жил в одном отеле с Хемингуэем и разговаривая с ним. Он мне об этом рассказывал». К этому можно добавить, что в Испании Орловский действовал под именем с характерным английским звучанием — Стрик. Вот так на место встало последнее недостающее звено. На этом мы заканчиваем наше исследование и можем…

Да! А откуда взялся Орловский?

Глава 5. Откуда взялся Орловский

Действительно, что это за разведывательно-диверсионный отряд, не подчинявшийся старшему советнику Генштаба по разведке? Кому тогда он подчинялся? Какие задачи выполнял? Вот если бы узнать, кто Орловского прислал…

Кирилл Прокофьевич Орловский начал свою деятельность в 1918 году как боец большевистской подрывной группы в Западной Белоруссии. Затем нелегальная работа по подготовке вооруженного восстания в Литве, снова партизанщина в Западной Белоруссии и Польше. Когда после разгрома партизанского движения в 1925 году Орловский приехал в Москву, НКВД посылает его в Китай «по своей специальности». В 1929 году он вернулся, а в начале 30-х оказался в Специальной разведывательно-диверсионной школе ГПУ в Минске, начальником которой был уже известный нам Спрогис. Однако Спрогиса прислало Разведуправление, куда он перешел работать до отправки в Испанию, а Орловский был сотрудником НКВД. В Испании он встретил своих старых друзей: Кочегарова, Рабцевича, Коваленко, Коржа, Прокопюка, Ваупшасова. О них известно, что Рабцевич, Коваленко и Корж в 20-е годы сражались в отряде Орловского в Западной Белоруссии и Польше. Корж и Ваупшасов учились у Спрогиса в школе Белорусского ГПУ. Но главное — все они к моменту отправки в Испанию были сотрудниками НКВД. Вот, оказывается, кто их прислал, вот почему они не подчинялись военной разведке. Чем же они занимались? Диверсиями — это мы уже знаем. Таких отрядов, руководимых советниками НКВД, было несколько. Например, Василевский был советником в отряде под командованием сына белоэмигранта, Леонида Писарева. Через линию фронта, подобно Старинову, Василевский предпочитал не ходить, обучая своих людей в тылу, но провожал и встречал их на линии фронта. Но однажды он не пришел встретить отряд Писарева. Люди спокойно приближались к своим окопам, когда из них раздался один единственный выстрел. Писарев был убит прямым попаданием в голову.

На специфические функции советников НКВД проливает свет книга Ваупшасова «На тревожных перекрестках» (Москва, Политиздат, 1971).

Станислав Алексеевич Ваупшасов (он же Малиновский, он же Воложилов, он же Альфред и т. д. — *Л. П.)* прибыл в Испанию осенью 1937 года и сразу же принял участие в организации 14-го партизанского корпуса, куда вошли как отряды, руководимые советниками Разведуправления, так и отряды, руководимые

советниками НКВД.

Долорес Ибаррури направила письмо видным военачальникам, коммунистам Энрико Листеру и Хуану Модесто, с просьбой помочь полезному начинанию проверенными закаленными кадрами испанских добровольцев, а также интернационалистов. Командиром партизанского корпуса был назначен опытный боец Коммунистической партии Испании товарищ У. (Ваупшасов почему-то не называет имя бывшего командира отряда Старинова, Доминго Унгрия. Вероятно, в связи с его послевоенной нелегальной работой в Испании. — *Л. П.) (…) Личный состав мы укомплектовали главным образом из добровольцев-коммунистов и ветеранов Пятого полка. (…) Пятый полк вырос из небольших ударных отрядов, которые компартия подготовила для боев на фронте Гвадаррамы.* (Ваупшасов, стр. 147–148)

Ваупшасов умалчивает о крупных вооруженных стычках между компартией и другими партиями Испании, поэтому партия, не имевшая надежных вооруженных формирований, рисковала быть просто вырезанной.

Бойцы Пятого полка — продолжает Ваупшасов — установили по своей инициативе неписаный закон, который гласил: если кто-либо попятится, побежит от врага, товарищ, сосед справа или слева, вправе прикончить труса и изменника выстрелом из винтовки или пистолета без особой команды или предупреждения. (Голову даю на отсечение, что до такого испанцы сами бы не додумались. — *Л. П.) (…) Партизанское соединение находилось на особом положении в республиканской армии. Весь его личный состав получал двойной паек и двойное жалование.* (Стр. 149)

Из разговора Мамсурова и Спрогиса, происходившего в моем присутствии в середине 60-х годов:

— Железная дорога! Если б ты мне палку в колеса не ставил, там вообще бы никаких дорог не осталось!

— Не для того, Артур, мы отряды готовили. Если б анархисты начали вешать коммунистов…

— Да. Когда плохо стало, они могли переметнуться.

Из воспоминаний А. Эйснера:

— Но имейте в виду, нам достоверно известно, что есть среди вас и такие, которые приехали сюда не ради того, чтобы героически умирать рядом с нами, но чтобы после победы над фашистами помочь одной партии захватить власть и установить свою диктатуру. От имени Федерации анархистов Иберии, от имени миллионной нашей Национальной конфедерации труда предупреждаю: их ждет позорный конец! (стр. 92)

Таким образом, советские секретные службы активно

содействовали обеспечению испанским коммунистам реальной политической власти. В Барселоне и Валенсии были созданы две спецшколы, энергично готовившие партизанские кадры. Ваупшасов *посещал спецшколы, ездил по всем бригадам и вместе с другими советниками обучал рядовой и офицерский состав подрывному и диверсионному мастерству* (Ваупшасов, стр. 150).

Кроме того, Ваупшасов стал советником испанской службы безопасности Сегуридад и фактически контролировал испанскую контрразведку. И еще «кроме того» — люди Ваупшасова выросли за спиной членов ЦК Испанской компартии Ибаррури, Чека, Урибе. На стр. 157 он поясняет, что это была «охрана», приставленная по решению их же ЦК, но тут же проговаривается, что появлением охраны Председатель компартии Ибаррури *была немало удивлена и даже пыталась возражать. (…) Однако у меня была еще одна просьба: без моего ведома и без сопровождения моих товарищей по охране никуда из здания ЦК не отлучаться. «Так это же арест! — воскликнула Пассионария. — Вы же ограничиваете мою свободу!»* (Стр. 158)

Она не знала главного: Ваупшасов имел полномочия Москвы уничтожать членов ЦК испанской компартии в случае их колебаний. Так, по крайней мере, он сказал Е. Паршиной в моем присутствии. Чем еще занимался советник НКВД в Испании? Ну вот, например, Ваупшасов пишет:

Я помог Тольятти выправить надежный заграничный паспорт, дал взаймы 300 долларов, и мы тепло распрощались, высказал надежду на встречу в Париже или Москве (стр. 175–176).

Станислава Ваупшасова я видел только один раз, когда он был у нас в гостях на Ленинском проспекте. Несмотря на преклонный возраст, он был в форме полковника со звездой Героя Советского Союза и множеством орденских планок. Светлые водянистые глаза, малоподвижное совершенно невыразительное лицо ночного сторожа, тихая со скрипом речь. Короче, полное несоответствие ожиданиям.

А вот что говорил о паспортах генерал Вальтер Кривицкий, шеф советской разведки в Западной Европе с центром в Гааге, сбежавший в октябре 1937 года в США:

НКВД использовал надежные паспорта убитых (и некоторых живых) членов интернациональных бригад, документы которых пересылались в Москву. Здесь я видел стопу около сотни паспортов, главным образом американских. Новые владельцы использовали их для проникновения в Америку как возвращающиеся граждане США. Одним из них был полковник Меркадер, убийца Троцкого. (Кривицкий. Я был агентом Сталина. Лондон, 1939, стр. 114)

Hugh Thomas указывает, что *русский, руководивший диверсионной работой и партизанской войной на территории националистов под руководством Орлова (согласно показаниям Орлова в Подкомитете по внутренней безопасности Сената США в 1957 году) был Эйтингон, известный также как Котов. Это он стал любовником барселонской коммунистки Каридад Меркадер дель Рио, он выбрал ее сына Рамона как способного агента, использованного позже для убийства Троцкого* (стр. 389).

На стр. 777 Hugh Thomas отмечает, что Эйтингон был шефом контрразведки в Испании.

Как известно, Троцкий был убит ледорубом у себя дома в Мексике в 1940 году. Много позже И. Эренбург рассказывал И. Гоффе и Е. Паршиной, что в день убийства машину Эйтингона видели на углу дома Троцкого.

Наум Исаакович Эйтингон (Эйдингтон, Эттингон, он же Леонид Александрович Наумов, он же Грозовский, он же Леонов, он же Пабло, он же генерал Котов и т. д.) родился в 1899 году в Могилеве (по другим данным в Шклове). Законченное образование не получил. Член партии левых эсеров с 1917 года. После революции был председателем ВРК Башкирии, начал работать в ВЧК, затем в НКВД. В 20-е годы, как Орловский, Салнынь и другие, на нелегальной работе в Китае, затем в Турции. Перед прибытием в Испанию работал в советских дипломатических миссиях в Южной Америке, Франции. Е. Паршина не знала его в Испании и никогда там не видела, но слышала о Котове, как об очень влиятельном человеке. После войны 1941–1945 он был начальником Е. Паршиной в Управлении внешней контрразведки КГБ. В 60-х годах он иногда бывал у нас. Его внешность тоже разочаровала меня: высокий, коренастый, немного сутулый. Точные, экономные, со скрытой энергией движения. Умные, чуть улыбающиеся глаза выдавали еле уловимую растерянность и печаль. Со мной он почти никогда не разговаривал, да и вообще говорил очень мало. Почему-то единственное, что мне запомнилось из его слов, как в Испании, когда у него была фамилия Котов, он прислал советнику Южного фронта Киселеву машину с охраной.

Насколько помнит Е. Паршина, непосредственное руководство отрядами во главе с советниками НКВД осуществлял Сыроежкин, известный по знаменитой операции «Трест», который был подчинен Эйтингону. Таким образом, проясняется структура сил НКВД в Испании (конечно, без учета агентурного направления): генерал Эйтингон руководил диверсионной, контрразведывательной и агентурной работой через старших советников Ваупшасова (контрразведка и безопасность) и Сыроежкина (партизанско-диверсионная работа). Агентурой

занимался либо сам Эйтингон, либо имел третьего помощника, которого мы не знаем. Сходной оказалась и структура советской военной разведки, которой руководил Гай Лазаревич Туманян через старших советников по разведке Мансурова (партизанско-диверсионная работа) и Львовича, известного в Испании под именем Лоти (агентурная разведка). Деятельностью же всех советских секретных служб командовал старый и заслуженный чекист Лейба Фельбинг (он же Лев Никольский, а в Испании — Александр Орлов).

Hugh Thomas пишет об этом так:

Согласно Кривицкому, шаг в этом направлении (о начале советской военной помощи Испании. — *Л. П.) был сделан 14 сентября* (1936 год. — *Л. П.): начальник ГПУ Ягода, командующий вооруженными частями ГПУ Фриновский, начальник зарубежной службы ГПУ Слуцкий и представитель Генерального Штаба РККА Урицкий* (Урицкий был начальником Разведуправления Генштаба. — *Л. П.) встретились на Лубянке. Слуцкий позже сказал Кривицкому, в чем дело: ветерану НВД Никольскому, известному как Александр Орлов, имевшему длительную карьеру в различных службах ГПУ и НКВД и выполнявшему особые задания, было поручено организовать в Испании филиал НКВД, который также мог бы оценивать и координировать деятельность Коминтерна в отношении Испании. Ягода планировал ограниченную советскую военную помощь при содействии генерала Урицкого и капитана Оуланского, его уполномоченного в Одессе. Все известные документы не содержат подтверждения этой встречи. Тем не менее известно, что примерно в то время Орлов прибыл в Испанию. Орлов сам характеризует свою миссию как «объявление начала разведки, контрразведки и партизанской войны». Он говорит, что приехал „ранним“ сентябрем.* (Стр. 360) Слова Орлова цитируются по: Слушания Подкомитета по внутренней безопасности Сената США 14–15 февраля 1957 года, часть 51, стр. 3422.

Углубляясь по следам Кирилла Орловского в лабиринты войны тайной, мы невольно выпустили из поля зрения войну большую, явную. Тысячи советских танкистов, летчиков, моряков, техников и врачей вели борьбу на полях сражений рядом с десятками тысяч добровольцев из многих стран мира, рядом с миллионами испанцев. Не будем поэтому преувеличивать значение рассмотренных нами выше тайных операций. Эту большую войну вел и наш советнический корпус в воинских соединениях и частях, руководимый Главным советским советником в Испании. С октября 1936 по май 1937 года на этой должности был Ян Карлович Берзин (настоящее имя — Кюзис Петерис, он же Павел Иванович Гришин, Вецайс, Старик),

участник революций 1905, Февральской и Октябрьской 1917 года, который впервые был приговорен к смерти еще до совершеннолетия. Более десяти лет он руководил Разведывательным управлением Генштаба РККА. В Испанию прибыл 27 августа 1936 года вместе с Послом СССР в Испании Розенбергом в составе его штата. На посту Главного советника Берзина сменил Григорий Михайлович Штерн (генерал Григорович), а с мая 1938 и до конца войны (февраль 1939) Кузьма Максимович Качанов (генерал Сапунов). Бок о бок с Розенбергом работал Генеральный советский консул Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, старейший русский революционер, командовавший в октябре 1917 года захватом Зимнего дворца.

Меня могут упрекнуть в выпячивании руководителей, в то время как рядовые бойцы шли под пули. Это правильный упрек. Но здесь случай особый: из числа всех участвовавших в Испанской войне советских людей погибло семь процентов человек; из числа руководства — почти все.

Вернемся, однако, к Хемингуэю и рассмотрим внимательнее его контакты с работниками советских секретных служб в Испании. Начнем с поправки к уже цитировавшемуся замечанию Томаса: «*Это наступление республиканцев описано Хемингуэем в его романе «По ком звонит колокол». (…) Это довольно странно, потому что в это время Хемингуэй ездил в Нью-Йорк и занимался кампанией по сбору средств для Республики».*

Бальсайнская операция началась в субботу 29 мая и закончилась в четверг 3 июня 1937 года. Если согласиться с тезисом документальности и точности авторского описания, на свою операцию Роберт Джордан выходит субботним вечером 22 мая и взрывает мост во вторник 25 мая, то есть за четыре дня до начала наступления. Это абсурд по двум причинам. Во-первых, взрыв — явное указание на возможность наступления, на его направление и даже на время его начала. Во-вторых, за четыре дня можно навести пару новых переправ.

Но не будем придираться к мелочам, а отметим, что, даже если бы мост был взорван 28 мая, Хемингуэй вполне мог застать в Мадриде вернувшегося с операции во «Флориду» Орловского, так как в Нью-Йорк писатель приехал в первых числах июня. Мамсуров датирует свою первую встречу с Хемингуэем мартом 1937 года «или же несколько раньше». «Несколько раньше» отпадает, потому что до марта писателя в Испании еще не было. Отпадает и позже, в 1937-ом, так как во второй его приезд не было уже Мансурова. Пока все сходится, и есть о чем подумать. Например, на каком языке все они говорили? Первая встреча с

Мамсуровым — на французском, переводил Кольцов. Вторая и несколько следующих — на испанском. Но дело в том, что по-испански Мамсуров не то чтобы совсем «ни бум-бум», но знал его значительно слабее, чем требовалось для обстоятельной беседы. Оказывается, была переводчица. Как рассказывал Мамсуров Е. Паршиной, переводила Паулина, его будущая жена. Биографическая справка из альманаха «Шпион», 1994, № 2:

Мамсурова Паулина Вениаминовна родилась в Буэнос-Айресе (Аргентина). В 1932 году приехала в СССР. В марте 1936 года по командировке КИМ (Коммунистического интернационала молодежи) уехала в Испанию. С начала гражданской войны вступила в народную милицию, затем была переводчицей у Р. Л. Кармена и в группе военных советников Я. К. Берзина. По возвращении из Испании в августе 1937 года училась в Военной академии им. Фрунзе. Участница Великой Отечественной войны. Майор. После войны на преподавательской работе.

Как видите, «никакого отношения» к советским секретным службам. Простая аргентинская девушка просто пересекла океан и запросто поселилась в СССР. Так же просто поехала в загранкомандировку от фактически филиала НКВД — Коммунистического Интернационала Молодежи — и стала работать с находящимся на нелегальном положении советским разведчиком. 7 ноября она оказывается за одним праздничным столом с руководителем советских секретных служб в Испании Александром Орловым, который тоже совершенно спокойно сфотографировался с ней в одной компании. Впрочем, мы отвлеклись от языков. А как же говорил Кирилл Орловский? Он ведь не то чтоб по-французски или по-испански, а и по-русски, как говорится, «со словарем». Значит, тоже кто-то переводил. И следует из всего этого то, что контакты Хемингуэя с работниками НКВД и ГРУ и планировались, и организовывались, и контролировались. А знал ли Хемингуэй, с кем он встречается? Поскольку встреча устроена русским (Кольцов) и с русскими и речь шла о секретных операциях, конечно, знал. Вернемся теперь еще раз к этим беседам. Как мы уже выяснили, все, что пишут о них журналисты от Эренбурга до Яковлева, чушь. Все советские советники и переводчики направлялись в Испанию только секретными службами, имели фальшивые документы и чужие иностранные имена. Об их пребывании в Испании запрещено было знать даже оставшимся на родине близким родственникам. Это было государственной тайной, а время было в Испании военное, а в СССР разгар массовых репрессий.

«Но Михаил Ефимович вновь настаивал на подробном рассказе, — пишет Мамсуров в «Журналисте», — *объяснил, как*

важно, чтобы Хемингуэй написал правду об Испании».

Над этим даже посмеяться не удается — просто челюсть отваливается и так и застывает!

И еще одна интересная деталь там же: Мамсуров, как он говорит, рассказывал, а Хемингуэй записывал; беседы кончались за полночь. И в то же время — *ходили по улицам.* Как же это он в темноте да на ходу записывал? А из помещения, между прочим, на улицу выходят тогда, когда надо перестраховаться от прослушивания. О чем же тогда они говорили? Не знаю. Известно лишь, что в конце жизни Хемингуэй панически боялся ФБР.

Глава 6. По ним звонит колокол

Первым стал Главный советник Ян Карлович Берзин. В мае 1937 года он был отозван в СССР и вроде бы назначен на прежнюю должность начальника Разведуправления, но к исполнению своих обязанностей практически не приступил. 29 ноября он был арестован. Он знал о развернувшихся в стране репрессиях, но не мог даже предположить, что они могут коснуться его — участника трех революций. Потрясенный арестом, Берзин сошел с ума, был помещен в тюремную психиатрическую больницу и умер там 29 июля 1938 года. Причина смерти неизвестна.

Осенью 1937 года из Барселоны отозвали Генерального консула Антонова-Овсеенко. Он тоже был арестован НКВД.

Владимира Александровича Антонова-Овсеенко привели в нашу камеру на третьем этаже Бутырской тюрьмы в феврале 1938 года. Он был нездоров, с опухшими ногами, но держался удивительно бодро. Во второй половине дня вокруг него обычно собирались все обитатели камеры, и Владимир Александрович рассказывал о своих встречах с Лениным, об Октябрьской революции, о борьбе испанского народа против фашизма. О себе он говорил очень скупо. Владимир Александрович ничего не подписал на «следствии». В его деле было триста листов. С негодованием вспоминал следователя, который предупредил его о предстоящей казни. Помнится один эпизод, рассказанный Владимиром Александровичем. Во время одного из допросов в кабинете следователя не был выключен радиорепродуктор. Следователь, озлобленный упорным отказом арестованного подписать клеветнические материалы, назвал старого революционера врагом народа.

— Ты сам враг народа, ты настоящий фашист, — ответил ему Владимир Александрович.

В этот момент по радио передавали какой-то митинг.

— Слышите, — сказал следователь, — слышите, как нас приветствует народ? Он нам доверяет во всем, а вы будете уничтожены. Я вот за вас орден получил!

…Окно нашей камеры было закрыто так называемым «козырьком» — большим железным коробом. Эти козырьки оставляли для глаз заключенных лишь узкую полоску неба. В один солнечный день в камеру через козырек проник воробей, посидел немного на подоконнике и улетел.

— Сегодня кого-то вызовут, — сказал один из заключенных.

Через четверть часа надзиратель вызвал Антонова-Овсеенко.

Владимир Александрович начал прощаться с нами, потом достал черное драповое пальто, снял пиджак, ботинки, раздал почти всю свою одежду и встал полураздетый посреди камеры.

— Я прошу того, кто доживет до свободы, передать людям, что Антонов-Овсеенко был большевиком и остался большевиком до последнего дня.

Мы стояли молча, потрясенные. Дверь камеры открылась вновь. Антонов-Овсеенко направился к выходу. У самого порога он остановился, обнял товарищей, стоявших рядом.

— Прощайте, товарищи, не поминайте лихом! (Из воспоминаний Ю. М. Томского. «Новый мир», 1954, № 11, стр. 212)

Та же участь постигла Посла СССР в Испании Розенберга.

Сменивший Берзина Григорий Михайлович Штерн по возвращении в СССР был назначен на Дальний Восток на место расстрелянного кавалера ордена Боевого красного знамени № 1 Блюхера, стал членом ЦК КПСС и Депутатом Верховного Совета СССР, получил звезду Героя Советского Союза, занял пост начальника противовоздушной обороны страны и был расстрелян в 1941 году.

«Верховный» руководитель советских секретных служб в Испании Александр Орлов был вызван в Москву летом 1938 года, но…

Он хорошо знал, что там происходит, и не поехал. Его еще раз вызвали, но он опять не поехал. 12 июля дверь в кабинет Орлова открылась, и он увидел двух незнакомых ему мужчин, однако выражение их лиц было ему хорошо знакомо. Орлов отложил в сторону бумаги, и в тот же момент раздались два выстрела. Визитеры грохнулись на ковер, а Орлов, вынув из сейфа документы и большой запас валюты, бежал на самолете и эмигрировал в Канаду, затем в США. (По рассказу автору А. Спрогиса, подтвержденному шифровальщиком Лоти, Львовичем.)

В 1953 году в Нью-Йорке вышла книга Орлова «Тайная история сталинских преступлений», в которой он изложил другую версию своего бегства, более правдоподобную, а потому и более сомнительную, а сам Орлов продолжал жить как почтенный гражданин Соединенных Штатов.

Был арестован и Михаил Кольцов, который, как пишет Hugh Thomas, *умер при неизвестных обстоятельствах в 1942 году.* По материалам уголовного дела, Кольцов был расстрелян в 1939 году. Однако брат Кольцова, художник Борис Ефимович Ефимов, рассказал мне, что посетивший его после войны художник Михаил Храпковский видел Кольцова в июле 1942 года в тюрьме г. Саратова. По сведениям же из других источников Кольцов был

расстрелян в 1942 году в тюрьме города Орла, когда при подходе фашистов возникли трудности с эвакуацией заключенных.

Хаджи Мамсуров дослужился до генерал-полковника, стал Героем Советского Союза, Заместителем начальника Главного Разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил СССР, преподавателем Академии Генштаба и умер 5 апреля 1968 года.

Сменивший Мамсурова в Испании Христофор Интович Салнынь был отозван в марте 1938 года. Работавший под его руководством Андрей Эмилев, он же Турок, который принял отряд Артура Спрогиса, вспоминает, что, уезжая в СССР, Салнынь говорил: «Я старый большевик, моя душа чиста, но со мной случится то же, что и с Берзиным». «Его арестовали недели через две после приезда, — говорит Андрей Эмилев. — Во время обыска у него ничего не нашли. При втором обыске в просверленных ножках стола у Гриши нашли старые документы, которые он хотел сохранить».

История с документами очень сомнительна. Во-первых, уезжая в Испанию, он, конечно, ничего не оставил бы в ножках стола. Во-вторых, вернувшись, он ничего не положил бы туда, так как ждал ареста. В-третьих, ножки стола высверливают спекулянты валютой, а не разведчики такого класса, как Салнынь.

А бывало и так: когда отозвали советника 5-го корпуса Ивана Григорьевича Пидголу (он же Шевченко), он задержался с выездом только на один день, а на следующий оказался убитым с маленькой дырочкой в виске. В печати сообщалось, что это был крошечный осколок бомбы. («Знамя», 1967, № 3, стр. 224)

Полковник Львович (Лоти) по возвращении в СССР тоже был арестован. Уже вовремя войны 1941–1945 в одном из лагерей для заключенных его встретил Лев Лазаревич Хургес, тоже заключенный: «*Мы с Лоти работали в лагере, в цехе, изготовляющем деревянные пресс-папье. Он был начальником технического контроля. Очень строгий был. Потом всех военных заключенных, в том числе и Лоти, отделили от нас и куда-то увезли. Больше мы их не видели».* Добавлю, что больше их не видел никто.

Убивший Троцкого Рамон Меркадер не успел скрыться и был арестован местными властями, осужден и, отсидев двадцать лет, в 1960 году через Кубу и Чехословакию приехал в СССР. 1 ноября 1969 года Е. Паршина видела его в президиуме торжественного собрания в московском Дворце пионеров. Он похоронен на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса.

«Генерал Эйтингон, — пишет Hugh Thomas на стр. 777, — *начавший свою карьеру в Барселоне как Котов в качестве начальника контрразведки Испании, был, очевидно, расстрелян*

вместе со своим следующим шефом Берия в 1953 году». Это неверно. С началом Отечественной войны Эйтингон стал заместителем начальника вновь созданной Особой группы при Наркоме НКВД, возглавлявшейся генералом Судоплатовым. В задачи Особой группы входила организация и руководство подпольем и партизанским движением на занятой фашистами территории. В подчинении у Эйтингона работали Е. Паршина (организация московского подполья) и Кирилл Орловский (партизанское движение). После войны Особая группа была преобразована в Управление контрразведки. Орловский, которому во время войны оторвало кисти рук, был отправлен в председатели колхоза, а Паршина послана на нелегальную работу за границу.

Затем Берия арестовал Эйтингона, и он пробыл в заключении полтора года до разоблачения Берии. Вскоре Эйтингон был арестован во второй раз, теперь уже вместе с Судоплатовым. Они получили один 10, другой 15 лет. Похоже, что за ними ничего по понятиям того времени криминального не было, так как 10 лет дают проворовавшимся завмагам, а не генералам КГБ. Их, вероятно, просто надо было на время изолировать, пока не стабилизируется положение внутри страны. Оба потом благополучно вышли на свободу. Недавно Наум Исаакович Эйтингон умер. Он был прирожденным контрразведчиком и, что в КГБ большая редкость, очень бережно относился к своим подчиненным. Умер и Павел Анатольевич Судоплатов, издав незадолго до смерти свои мемуары.

«Генерал Вальтер Кривицкий (настоящая фамилия Гинсбург), — продолжает Hugh Thomas, — *этот особо ценный свидетель коммунистического шпионажа 20–30-х годов, был найден загадочно убитым в отеле Bellevue в Вашингтоне 10 февраля 1941 года».*

Советники менее высокого ранга — Артур Спрогис, Андрей Эмилев, Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский — дожили (нельзя сказать, чтоб спокойно) до старости и умерли в 70–80-х годах. Елизавета Александровна Паршина скончалась в Москве 14 июня 2002 года.

Испанцев в ту войну погибло около одного миллиона человек.

Эрнест Хемингуэй застрелился в 1961 году, и каким бы ни был его роман, он будит память по всем погибшим — испанцам и иностранцам, республиканцам и националистам, героям и трусам, правым и неправым.

По всем по ним звонит колокол.

1985–2006, Москва